

7

альманах

ТЕЛО

'95

альманах ТЕЛО

7 ' 95

Издание Новгородского государственного университета
имени ЯРОСЛАВА МУДРОГО

СОДЕРЖАНИЕ:

Владимир МАТЮШКИН — «Так уж выпало, так вышло...»	2
Тамара СИГАЛОВА — Убыточные умы.	3
Вальдемар ЧИРТ — Считая копейки, надо думать о будущем.	4
Валерий БОЛЬШАКОВ — Убогий фон — духовные высоты.	5
Николай НИКОЛАЕВ — Мир отвергнутый и мир гармоничный.	8
Наталья МОРЫЛЕВА — Книжные россыпи России.	16
Валентин ЯНИН — «...Новгород Великий тихо опочил».	18
Владимир ДРУЖИНИН — Собор, творящий чудеса.	28
Алексей ПШАНСКИЙ — Трудно представить ее не актрисой.	30
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО — «...Эту музыку блеска списать...»	33
Марина БУРЬЯК — Новгородские посидки.	34
Людмила ФЕДИНА — «Заприуныло мое сердце...»	41
Лариса ПРОХОРОВА — «И, глядя вдаль, подумать...»	43
Инна КУЗНЕЦОВА — Связующая нить.	44
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО — Художники земли новгородской.	48
Руслан ДЕРИГЛАЗОВ — Стихи.	52
Ксения ФИРSOBA — Стихи.	54
Иван ИВАНОВ. — Журавлиные плясы. Новелла.	56
Анатолий ОБЪЕДКОВ — Стихи.	64
Павел ПЕТРОВ — Стихи.	66
Валерия КЛЕБАНОВА — Бог веселый, бог коварный.	68

Учредитель:
**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тамара СИГАЛОВА
(главный редактор)

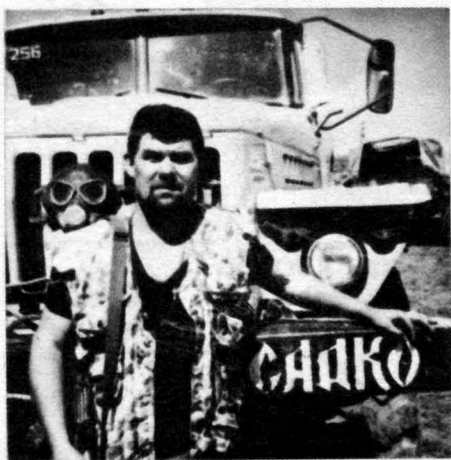
Вера БОГДАНОВА,
Марина БУРЬЯК,
Петр ГАЙДУКОВ,
Владимир ГОРМИН,
Сергей ИСАЕВ,
Инна КУЗНЕЦОВА,
Лариса ПРОХОРОВА,
Владимир ПОВЕТКИН,
Эдуард РАНЕНКО,
Игорь ТАЯНОВСКИЙ,
(редактор отдела литературы),
Валентин ЯНИН

Над номером работали:

Ирина АЛЕКСАНДРОВА
(ответственный секретарь),
Лариса ЛАНСКАЯ
(редактор отдела культуры),
Ирина ТАЯНОВСКАЯ
(всдуший редактор)

Графика
Владимира ПОВЕТКИНА

Владимир МАТЮШКИН, член Союза писателей России, заместитель командира сводного отряда милиции особого назначения при УВД Новгородской области, находившегося в Чеченской республике в августе-сентябре 1995 года.

«ТАК УЖ ВЫПАЛО, ТАК ВЫШЛО...»

Грузовик «Урал», закрепленный за нашим отрядом, имеет собственное имя - «Садко». Оно любовно выписано на бампере машины. Сделали это ребята из той части новгородского ОМОНа, которую мы сменили в Чечне в начале августа.

Наш работяга «Урал» перевозил на себе немало бойцов и военных грузов, колесил по чеченской земле вдоль и поперек, карабкался через перевалы, перебирался через реки, торпедой летел по шоссе, через простреливаемые боевиками участки, мчался и полз в колоннах федеральных сил под охраной бронетранспортеров и без нее.

Ему же днем 4 сентября достались пули, которые предназначались нам. Боевики, прикрываясь перемирием и тем, что мы не имели права стрелять первыми, прячась за жилыми домами, подло били из автоматов по живой силе противника. Они целились в нас. Но смерть калибра 7,62 мм, слава Богу, нас

обошла, лишь обожгла своей близостью. «Садко», наш «Садко» был ранен, но вывез всех. Спасибо ему и водителю отряда, зовут которого Николай Николаевич.

Вспомнил я об этом потому, что именно в момент начала обстрела сочинял песню про то, что увидел, почувствовал и пережил в Чечне за предыдущие двадцать пять дней. Для этого вовсе не нужны были бумага и ручка. Песня складывалась как бы сама собой, почти сразу:

Ох, досталось вам,
досталось, пацаны,
Исправлять ошибки
тех и этих лет,
Повзрослев в боях,
среди потерь и бед,
Стать героями кавказской
злой войны.

Ох, досталось нам,
досталось, мужики,
По чужим счетам
своей судьбой платить,
Но назло врагам
России послужить,
Чтоб не рвали ее волки*
на куски.

*(на знамени Чеченской республики Ичкерия изображен волк)

Так уж выпало,
так вышло, дорогие...

И тут в нас ударили автоматы
с горы и из-за жилых домов.
Пришлось прерваться...

Но песня все-таки дописалась. Позднее, конечно.

Так уж выпало,
так вышло, дорогие,
Нам в горах чеченских
по родным тужить,
Мы не те теперь,
хотя и не другие,
Мы вернемся.
А вернемся - будем жить.

..Работы - и боевой, и самой обыкновенной, бытовой - хватало в Чечне и бойцам, и командирам; за нами стояли несколько десятков новгородских пацанов, повидавших в этой жизни уже немало, через край хлебнувших войны и лишений. За нами сто-

яли чьи-то внуки, сыновья, братья и отцы, именно так и называвшие там друг друга: «пацаны»... Каждого из них мы должны были вернуть живым и здоровым их родным и близким. Так, слава Богу, и вышло.

Какие-либо подробные записки вести было некогда, а стихи как-то сами собой складывались. Война - войной, а небо оставалось небом, и было оно таким близко-звездным, таким непривычным для нас, сыновей Севера, что казалось: встань вон там, у нашей заставы, державшей дорогу со стороны села Самашки, и дотянешься до Млечного Пути...

Может, это и не стихи вовсе, а так, настроение, но все же:

...Нам этот край
стреляющий пройти,
Где с саблями
скрестились топоры,
А здесь рукой
до Млечного Пути
Могу я дотянуться с той горы...

* * *

Мы стоим на заставах в горах,
Блок-постах на дорогах войны.
Там, где ночи как уголь темны,
Выше нас -
лишь Христос и Аллах.

Выше нас только звезды одни.
И приказы: «Ни шагу назад!»
Здесь, в оглохшее небо Чечни
Вновь молотит
безжалостно «Град».

И под градом тем - мы и они.
Каждый свой
выполняет приказ.
Кто рассудит нас, кто обвинит,
Кто помолится Богу за нас?

Мы стоим на заставах в горах,
Блок-постах на дорогах войны.
Там, где ночи как уголь темны,
Выше нас -
лишь Христос и Аллах.

А под Богом - и мы, и они,
Каждый свой
выполняет приказ.
Бог рассудит нас, Он извинит.
Помолитесь, родные, за нас...

УБЫТОЧНЫЕ УМЫ

(разговор с растерявшимся коллегой)

Опять лихорадит? А когда было спокойно? - Не помню. Еще не забылось - окрики, диктат, назидания дилетантов, гресбы цenzоров. - Это не могли. (Почему?!)- Не твоё дело, - подчиняйся, это - в обязательку (даже если с души воротит). И постыдный результат - оболваненный, сбитый с толку читатель, ни за что ни про что обоглаженные люди, с которыми было тебе и мне страшно встретиться на улице. И не верь тем, кто сегодня бьет себя в грудь (сегодня можно) и рассказывает о том, как он боролся, противился, не подчинялся... Подчинялись, выполняли постыдные задания и служили приказывающему божку.

Прошло. Что же у тебя осталось в сердце, коллега, в душе твоей? Есть ли мужество не вздохнуть по старым хозяевам, которые стабильно платили тебе за рабство, а ты не утруждал себя мыслями о том, где взять бумагу, чем заплатить издателю, как продать газету или журнал? И такое трудное - смог ли ты, коллега, наконец-то найти себя?

Говорили. В прокуренной тесной кухне, обо всем - о себе, детях (что им оставим?), о необходимости срочной помощи замершим душам...

Ориентиры сместились. Ра-

ботодатели все те же. За редким исключением. И стали еще наглее прежнего. За "идеологию" больше не платят, платят за "информацию", естественно, ту, которая... А если нет, если мозги ваши нерентабельны, если не хотите больше кому-то в угоду - выживайте сами. Как?! Лихорадочно приходят на память Савва Морозов, Третьяков, Надежда Филаретовна фон Мекк и другие, другие... Без них, без их ненавязчивой, скромной щедрости разве любовался бы ты экспозицией Третьяковки, разве смог услышать через годы «Евгения Онегина» Чайковского?

У кого теперь деньги - у того редко теплится благородство в душе. Самая банальная ситуация дня - униженная просьба о финансировании. И даже речи не идет о незаметном благородном вкладе в издание книги талантливого поэта или искренней денежной помощи одаренному музыканту, художнику с мировой известностью, вынужденному сегодней бедствовать в полном смысле слова. Знакомый поэт выпросил в богатой фирме денег на брошюру своих стихов. Дали. Но на обложках - витиеватые знаки фирмы и реклама их деятельности. Рядом со стихами...

«Спешите делать добро!» Эти слова на памятнике Ф.П. Гаазу, «святому доктору» Москвы. Он жил в прошлом столетии, лечил несчастных узников в тюремной больнице. Любил людей. Спешили делать добро многие его современники, лучшие российские люди. Исконно русские интеллигенты (слово это родилось у нас, в России) делали добро, оставаясь при этом в тени, думая прежде всего о сохранении для страны ее духовных ценностей. Они знали чувство долга перед прошлым и будущим, их помыслы были светлы и прекрасны...

Что есть страна без этих людей, без высокой духовнос-

ти, без знания своих традиций, своей истории? Дикая непонятная этническая общность, заблудившаяся во времени, достойная одного лишь сожаления...

«Без знания истории мы лишь случайности, не знающие, как и зачем пришли в этот мир», - скажет Ключевский.

- Вот, оказывается, какие мы нехорошие, - добавит разбогатевший на аферах и российской неразворотливости бывший руководитель высокого ранга. И не упрекнет он себя в лукавстве и невежестве, такой уж это тип людей, ниспосланных на Россию для испытания ее прочности. А ты, коллега, кланяйся им в пояс, кланяйся; от твоего труда, твоих бессонных ночей, твоей ответственности перед будущим - денег не прибавится. Гол ты, как сокол, а помыслы твои высокие бывшим-настоящим - смешны. Никакой денежной прибыли от этих твоих помыслов - одна суета. Им, разбогатевшим, не нужна. Так что не торопись, коллега, радоваться тому, что цензуры больше нет и никто не сторгнется в твоё дело. Теперь они же, но по-другому, взяли тебя за жабры - еще более нагло и беспардонно. Мужайся. Не уходи с избранного пути, а прибыль от твоего труда высветится в глазах доверчивого отрока, читающего искренние и талантливые строки, написанные тобой. Прибыль от твоего труда, ясная и неременная, останется, без всякого сомнения, останется в уставших душах россиян. И я верю в это, коллега, появятся новые люди, которые будут и дело править, и тебе, провидцу, помогать в твоем святом назначении. Не унывай, будущее за новой Россией.

Тамара СИГАЛОВА

Когда верстался альманах, в редакцию зашел генеральный директор АО «Торговый двор» Валдемар Анатольевич ЧИРТ. Прочитав готовящуюся к печати «Страницу редактора», он сказал по этому поводу:

СЧИТАЯ КОПЕЙКИ, НАДО ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ.

- Недалыовидность — распространенная черта российских политиков — поразила и часть российских деловых людей, — продолжил он потом. — Многие из них думают только о сегодняшнем дне, о накоплении денег, о том, как выгоднее купить-продать. А рядом с ними подрастают дети, дети партнеров по бизнесу и тех, у кого сейчас в кошельке пусто. Они наблюдают напряженную коммерческую суету, смотрят жуткие телевизионные передачи, замешанные в большинстве своем на убийствах и насилии, на улицах видят воочию, как обижают пожилых людей, слышат мат, впитывают в себя хамство и беспардонность. Через 10-15 лет эти дети заменят своих пап и мам, начнут заниматься делами и политикой. Страшно подумать о тех нравственных критериях, которые будут вести их по жизни...

Глубоко убежден: все дела, в том числе и коммерческие, надо вести честно. И не забывать при этом, в какой ты прекрасной живешь стране, богатой традициями, самобытной культурой. Сейчас почти все наши вековые достояния забыты и оплеваны, растоптаны. Это какая-то дьявольская сила, увлекающая россиян в омут бездонного и страшного забвения. Деньги, деньги, деньги... Но многие в погоне за ними зачастую даже не знают, что с этими деньгами делать, это правда. Шикарные квартиры, машины, одежда, еда... А дальше? Кто объяснит «новым русским», что, преуспев в бизнесе, ты обязан увидеть рядом бедствующих, обязан поддержать по нынешним временам безумцев, старающихся оградить и сохранить бесценные сокровища народной культуры, передать их людям. Понимая все это, я и мои коллеги всячески поддерживаем, по силе возможности помогаем бедствующим народным ансамблям, детским культурным объединениям. Прочитав «Чело», я был поражен бесстрашием, бескорыстием, одержимостью редакции и редколлегии в деле пропаганды российской культуры, особенно традиционной. И хочу сказать: «Торговый двор» всячески будет поддерживать журнал.

Моя точка зрения на проблемы помощи энтузиастам-бессребренникам разделяют мои коллеги. Наше правило — совершать коммерческие сделки честно, без обмана, взаимовыгодно для договаривающихся сторон.

Нравственные основы коллектива заложены в дни его создания, еще когда мы именовались «Новгород-главнабом» и занимались распределением матери-

альных ресурсов. С тех пор многое изменилось, сейчас коллеги работают не по «распределению», а на открытом рынке товаров и услуг, в условиях жесткой конкуренции, немыслимых ценовых барьеров и непомерных налогов. За эти годы мы не только сохранили, но и расширили ассортимент товаров и услуг. Занимаемся обеспечением области продуктами, товарами первой необходимости — всем, что нужно людям каждый день. Наши 4 магазина в розничной торговле имеют много товаров, имеют сегодня и своих покупателей. Горжусь тем, что сегодня у нас ни перед кем нет никаких задолженностей. Обязательность не только черта характера работников «Торгового двора» — это качество стало своеобразным девизом коллектива.

С радостью замечаю и другое. Наши дети разделяют взгляды родителей на такие общечеловеческие ценности, как любовь к ближнему, желание помочь слабому, умение ценить красоту и помнить, что оставили нам предки. Ведь Новгород, как никакой другой город, хранит молчаливо и величаво тайны русской культуры. Предать их забвению невозможно — преступно. И поэтому нередко мои вместе с детьми — на концертах и театральных представлениях, живо интересуются археологическими работами.

Наши дети знают о том, что мы помогаем творческим людям. И я бы хотел, чтобы такой настрой был у каждого коммерческого коллектива.

Сегодня, в условиях, когда рынок определяет цены на товары и услуги, очень важно суметь сохранить и расширить свое активное присутствие на нем с выгодой, естественно, для себя, но быть, в то же время, привлекательным партнером и для своих клиентов. Выживание в рыночных условиях потребовало перестройки психологии наших сотрудников, воспитания бережного и внимательного отношения к тем, кто вступает с нами в деловые отношения. Поэтому и цены на товары у нас чаще всего ниже, чем у конкурентов, и условия сделок достаточно гибкие.

Немаловажным фактором успешного ведения дел явилась компьютеризация нашей коммерческой деятельности, обеспечившая ежедневный и ежечасный учет и контроль за движением товаров и денежных ресурсов.

Здорово, что рушатся, наконец, искусственно созданные стены между бывшими республиками некогда могучей державы. Исчезли барьеры в деловом сотрудничестве с Беларусью. Сразу же стало легче дышать. Еще бы с Украиной произошло то же самое — мы бы зажили отлично. Да, «наломали дров» столько, что разбираться придется не одному поколению. А пока в делах с ближним зарубежьем — таможенные барьеры, дикий рост цен на транспортные услуги, налогообложение — «колючая проволока», через которую в полном смысле слова приходится продираться. Но я оптимист и так же, как автор статьи «Убыточные умы», думаю, что подобные нашей коммерческие структуры очень скоро перестанут быть одиночными. Непременно придут новые люди или опомнятся те, кто правят дела сейчас — и обязательно будут помогать таким, как вы, желающим только добра России.

Поиск, творчество,
дискуссия

Валерий
БОЛЬШАКОВ,
профессор, декан
философского
факультета НовГУ

УБОГИЙ ФОН - ДУХОВНЫЕ ВЫСОТЫ

Понятие «либерализм» неоднозначно. И особенно в России, с ее тягой к крайностям в отношении к свободе. Во времена Пушкина либерал выглядел политическим вольнодумцем, мыслящим или действующим вольно. Такое понимание либерала, как человека свободно мыслящего и желающего большей свободы народа и самоуправления, закреплено в Толковом словаре Даля. Перед революцией, во время нее и после слово «либерал» постепенно приобрело насмешливый и чуть ли не ругательный оттенок. Либеральная позиция все более представлялась проявлением безвольной политической слабости, наивной романтичности, социальной безответственности, красивых, но пустых мечтаний. Кто только не издевался над такими либералами! Достаточно вспомнить хотя бы А. А. Аверченко («История болезни Иванова»). Уже в наши дни создана известная либерально-демократическая партия, и слово «либеральный» стало вбирать в себя смыслы, ранее ему совершенно не свойственные, так как «либерализм» партии Жириновского не без оснований иногда отождествляется с фашизмом.

Демократический же либерализм западного типа как-то не очень прививается на русской почве. В области мировоззрения его связывают со стремлением избавиться от традиций, обычаев, догм, с космополитизмом, терпимостью и гуманностью буржуазного типа. Почему буржуазного? Потому что: «Носителем либерализма во все времена была буржуазия». Так написано в Краткой философской энциклопедии 1994 года издания. Но и в Кратком энциклопедическом словаре 1985 года издания было выражено такое мнение. А у нас в России не было и нет до сих пор буржуазии. И русский небуржуазный идеал воли, с одной стороны, намного выше характерной для либерализма буржуа доктрины договорной свободы, предоставления широких гражданских прав, просто терпимости к инакомыслию (которая, кстати, и на Западе нередко оборачивается вовсе не гуманностью, а безразличием к мыслям и жизни других людей). С другой стороны, в связи с тем, что вольность в ее максимуме недостижима, - нереализуемое стремление к ней способно порождать безволие, беспомощность, пассивность. И либеральные идеи, высказывания, да и общая позиция либерализма оказываются органичными для чрезвычайно тонкого слоя даже интеллигентных русских людей.

В то же время для будущего России, видимо, важны возможности либерализации мировоззрения

достаточно широких социальных слоев. Однако появление таких возможностей зависит от уровня и характера культуры, от того, какие культурные ценности доминируют, что определяет их выбор, как этот выбор осуществляется, воздействует ли он, и как, на поведение людей в обычной жизни, на их отношение к собственной персоне и другим людям. Если либерализм близок индивидуализму в том смысле, что он ориентируется на ценности личностные и вариативно-динамичные, то далеко не все равно, какова вообще ситуация с ценностями в конкретном обществе, в котором все личностное, худое ли, хорошо ли, но существует.

В настоящий момент в России происходит очередная и, видимо, существенная переоценка ценностей и смещение культурных смыслов. Разные поколения людей начали постоянно сталкиваться с явлениями культуры (правда, и псевдокультуры), от которых их долго ограждали. Имеется в виду и то, что ворвалось с Запада, и свое, вышедшее из подполья, и то, что возникает на глазах - полусвое, полужаемое, и еще неясно, имеющее ли отношение к культуре, и если имеющее, то какое. Политический и идеологический пресс ослаб. Идеология, называвшаяся марксистско-ленинской, всячески обрутана и действует, трансформируясь до неузнаваемости. Философы, экономисты, историки, политики, критики заговорили разное и разными голосами. Опьянение свободой вылилось прямо-таки в вакханалию болтовни. Все, казавшееся устойчивым, зашаталось. Разрушаются прежние табу, оскорбляются, или якобы оскорбляются, признанные святыни русской и мировой культуры. Утверждаются не признанные ранее таланты и гении, непривычные нормы жизни, духовные ценности, которые не считались таковыми.

Так, явно наблюдается движение к возрождению религиозной веры и ее ценностей. И вот уже появились первые, пока еще слабые, симптомы активного насаждения религиозности. Введение Закона Божьего в некоторых школах, гимназиях, лицеях в качестве вроде бы необходимого предмета уже настораживает. В отдельных вузах нашлись профессора, призывающие заменить весь гуманитарный компонент образования студентов технических специальностей религиозной философией, теологически трактованной историей культуры. Разумеется, ничего страшного в использовании теологии нет, а Библию должен бы знать каждый культурный человек. Но страшна настойчивость попытки заменить одну идеологию другой. Настораживает и вообще стремление (в том числе и через средства массовой информации) установить прямую зависимость между религиозностью и нравственностью. И именно в том смысле, что религиозность влияет на нравственность только положительно, и отказ от веры в Бога якобы неизбежно ведет к безнравственности. И если так, то выбор между верой и неверием должен быть сделан человеком обязательно и, конечно, в пользу веры в Бога. Иначе в сердцах людей не будет милосердия. Иначе в жизни не возобладает Добро над Злом.

Но ведь вера в Бога как в средоточие и гарант высших духовных ценностей - это всегда чья-то вера. Каждый человек и каждый конкретный социум знает и ценит своего Бога, свою Истину, свое Добро, свою Красоту, свою Свободу. И чем сильнее и страстнее эта вера, тем она обычно и нетерпимее. Тем в большей мере она - в оппозиции к другой вере и к неверию, тем она требовательнее, тем более может

превращать ценности своей веры в их противоположность для других. И тогда моя свобода то и дело оборачивается чьим-то рабством, мое добро - злом для кого-то. И если бы только в мыслях, но ведь и в действиях. И возможности либерализации жизни, человеческих отношений уменьшаются или отсекаются.

Конечно, опасна не только активная страстная вера, но и активное фанатичное неверие. Как показывает история, крайности религиозной и антирелигиозной установок стоят друг друга. И в истории старой России, наряду с утверждением православия и его ценностей, развилось сектантство, обнаружился раскол, проявилось презрение к официальной церкви. Позже, в Советском Союзе, официальный атеизм, видимый отказ от всех форм религии, притеснение верующих - сочетались со стремлением внедрить веру в новые абсолютные ценности. На место слепой веры в божественное откровение - ставилась слепая вера в марксистско-ленинское учение. На место ожидания Царства Божьего - надежда на пришествие коммунизма. Правда, несоответствие реальной жизни ценностям, насаждавшимся церковью ли, официальной ли государственной идеологией, вело к фактическому разрушению веры и в дореволюционной России, и в послереволюционный период.

Но даже если искренняя вера жила в ком-то, это вовсе не предопределяло человечности его намерений и действий. Вера в Бога, так же, как вера в коммунизм, - не гарантия нравственного совершенства, а неверие - не непременимый признак безнравственности. И дело не в том, верят ли искренне, истинно, или формально. Самая искренняя вера в ценности абсолютного порядка как раз и вела чаще всего к страшным результатам в жизни общества. Но и неверие, проявляющееся как разгром веры, как свержение богов и кумиров, вело к тому же.

Однако действительно ли необходимо делать выбор между верой и неверием такого рода, действительно ли этот выбор так неизбежен? Нет, человек может и не выбирать между религиозной верой и атеизмом, и даже вообще между верой и неверием. Что же тогда может прийти на смену оппозиции веры и неверия, что может стать «по ту сторону» Добра и Зла, Любви и Ненависти, Свободы и Рабства? По-видимому, что-то вроде Меры древних греков, вроде их гармонии. Но не в вариантах мировоззрения античной классики, а в варианте нового (даже не позднеренессансного) скептицизма: спокойного, ясного, разумного мирозерцания, не исключающего никакой веры, но ощущающего ограниченность, неабсолютность, временность любой веры и любого неверия. Вероятный человек будущего - это довольно мудрый скептик, верящий в то, во что он может верить, и знающий, что его вера есть только его вера. Возможно, в этом мирозерцании окажутся уместными и элементы эпикурейства и смягченного стоицизма. Естественно, что утверждение подобного мировоззрения, мироощущения, мирочувствования не произойдет, если коренным образом не изменится характер жизни, если не замедлится ее темп, не перестанут быть бешено-рваными ритмы. Но если такого изменения не будет, то человечество погибнет-таки в не столь отдаленном будущем.

Над этим стоит задуматься, и особенно в современной России. Утратив казенную коммунистическую веру и казенный атеизм, мы вряд ли много выиграем от официальной и столь же казенной

религиозности. Она уже была, и то, что было, не так заманчиво, как кому-то сейчас показалось. Но скажут, нужен же все-таки не скепсис, а идеалы, высокие нравственные ценности. Ценности, конечно, нужны, и не только нравственные, но и эстетические. Однако разве их доминирование в обществе гарантируется новой всеобщей христианизацией населения, к которой призывают так же навязчиво, как в свое время призывали к полной атеизации? Сомнительно, чтобы просто, что называется, «Бог дал» взлет русской, равно как и иноземной, духовности. Существенное доминирование духовных ценностей в жизни многих людей требует ситуации действительного, а не мнимого либерализма, расцвета свобод. В том числе и свободы совести. Но это возможно только для человечества, единого в своей растущей человечности. И человечество в какой-то мере стремится к этому, ибо иначе ему не удастся сохраниться, а придется погибнуть в результате им же порожденных глобальных катастроф. А вот будет ли нужен единому человечеству и единый Бог, в качестве сверхценности? Или по-прежнему будут сосуществовать православие, исламизм, буддизм? Или выберется что-то одно? Ведь уже в названии православия есть претензия на исключительную роль единственно истинной веры. И недаром оно с подозрением относится к экуменическим движениям. Да и правда, нужна ли в перспективе человечеству вера в единого Бога? О перспективе говорится не затем, чтобы погадать: так будет или этак. А затем, чтобы, думая о сегодняшних наших шагах, которые предпринимаются через государственные или иные мощные общественные организации, мы не забывали о будущем, когда в едином человечестве сохранятся очень и очень разные люди и разные их группы. Что же в качестве идеала может их не разъединить, а объединять? Какие ценности могут быть основой разнообразного богатого единства, к чему-то направленного, осмысленного? Пусть не на веки вечные, а хотя бы на достаточно длительный исторический период.

Таким идеалом, такой высшей ценностью и мерой, видимо, может быть только отдельный человек. Его жизнь, его творчество, его свобода - это и есть смысл жизни, творчества и свободы человечества. И эти ценности не пуждаются ни в таком гаранте, как Бог, ни в сопоставлении с другими ценностями (типа «блага всего общества»). Они временны, преходящи, изменчивы, не абсолютны, но они единственны, уникальны. И по отношению к ним бессмыслен вопрос: верить в них или нет. Они есть, и кроме них нам выбрать нечего. На их основе только и может расти и утверждаться истинный либерализм. Не просто как осознание и осуществление некоторых прав и свобод личности, что частично достигнуто в странах с развитыми демократическими формами управления. Признание ценности личности - высшей, сверхприоритетной - характерно для конца XX века. Но характерно и то, что оно действует либо вот в таком урезанно-практическом смысле, либо в смысле, так сказать, теоретико-утопическом, смысле благого пожелания. Последнее относится к России, в которой произошел взрыв, вызвавший резкий всплеск либерализации сознания. Резкий, мощный, но кратковременный. Внезапное политическое, правовое, экономическое раскрепощение, будучи полуиллюзорным, породило небывалый массовый энтузиазм, направленный, как быстро выяснилось, в никуда. И как следствие - резкий спад, и не мудрый скепсис, о котором шла речь выше, а раздраженная апатия от усталости, от видимой бессмысленности происходящего. Демократия, пляшущая между анархией и диктатурой, потеряла привлекательность для всех, кроме безумно-упорных мечтателей, откровенных демагогов и беспринципных проходивцев. В этом

очередном российском смутном времени ценность личности: ее жизни, свобод, прав - стала выглядеть не просто химерой, а химерой вредной, мешающей становлению нового русского государства, способного обеспечить устойчивую элементарно-комфортную жизнь массы.

И для движения русского общества по пути либерализации оказалось слишком мало оснований. Действительный либерализм в мировоззрении требует совмещения совершенно несовместимого в этих условиях. По крайней мере для широких слоев населения несовместимого. В условиях выживания трудно, почти невозможно, совмещать поневоле корыстный интерес к своей жизни и деятельности с уважением и бескорыстным интересом к жизни и деятельности других людей. Последнее ведь вообще не свойственно массе. Оно свойственно культурной элите, которая к либерализму узкому, либерализму политико-правового толка, относится скептически, ощущая всю его ограниченность. Этот культурный слой не настроен, да и не может (будучи неорганизованным и политически беспомощным) практически содействовать частичной либерализации массового сознания. А полная, целостная его либерализация - это из области фантазий. Так что элита духовная может лишь опосредованно содействовать широкому усвоению и распространению идей, и только идей, либерализма, в отрыве от возможности их реализации.

Практически, в России речь может идти пока лишь о некоторых условиях, при которых ценность личности могла бы становиться ценностью доминантной, и, в частности, стать основой либерализации общества. Прежде всего таким условием является достижение экономической и материально-бытовой устойчивости жизни, когда перемены в ней уже не катастрофичны и не воспринимаются в качестве «конца света», не слишком путают. Такая устойчивость, допускающая относительно спокойную социально-экономическую динамику, немыслима без образования социального слоя (большинства, или почти большинства общества), имеющего нормальный, то есть близкий к средневропейскому стандарту, характер и уровень быденной устроенности. Причем само по себе это несколько не приближает сознание к либерализации. Можно жить сносно, и даже очень хорошо, находясь на низжайшем уровне культуры, когда центральной ценностью является собственный комфорт, своя выгода, корысть, сохранение и улучшение своего удобного положения любой ценой. Но нормальные социально-бытовые условия позволяют развиваться и другому - нормальному отношению к другим людям, уважению к их ценностям и интересам. Нищее бытие чаще ориентировано на насильственное подраживание, на равенство через ограничение свобод: в мыслях, и в интересах, и в действиях. Пролетарское существование противодействует развитию и распространению либеральных идей. Они могут развиваться и распространяться тогда, когда масса живет выше порога нищеты, даже если нищета и привычна. В России вести нечеловеческое, нищенское существование обычно для подавляющего большинства населения. Тем ярче на убогом фоне сияют отдельные духовные высоты, тем глубже (но не распространеннее) отдельные либеральные идеи, рождаемые аристократами духа.

Так же привычно для русских людей ощущение рабской зависимости в политической и правовой сферах. Поэтому второе, что важно, - изменение политических и правовых структур и отношений в

направлении достижения устойчивости демократических основ власти на всех уровнях и действительности права, а не силы. Пока что мы имеем обратное. Возникающие и рассыпающиеся управленческие структуры или лишь внешне демократичны, или безвластны и бессильны, или и то и другое. Уважение к закону, и раньше-то не бог весть какое (закон что дышло), еще уменьшилось. Обострилось характерное для России ощущение полной политической и правовой незащищенности личности: ее прав, свобод, жизненных интересов. Лозунг «Даешь полную демократию!» опять выявил свою абстрактность. Даже с теми степенями свободы, которые появились, никто, кроме преступных элементов, не знает, что делать. Массу, естественно, потянуло назад, к жесткости управления, обеспечивающего пусть насильственный, но порядок. Призывы к правовому государству остаются призывами.

В такой обстановке идеи либерализма не могут быть популярными (если это не либерализм в трактовке Жириновского и К²). Они очень трудно и искаженно продуцируются, распространяются, пропагандируются. При всей мощи средств массовой информации у нас еще невозможно создать даже устойчивый миф не только о якобы действующем демократическом либерализме, но и о его нужности.

По-видимому, возможности существенных изменений в сферах материально-экономической и политико-правовой связаны с третьим условием, с необходимостью смены поколений. Потому что дело не в осознании ценности демократии и либерализма. Действительные демократизм и либерализм должны вырасти, стать более или менее органичными. И процесс, конечно, пойдет не так, - что к управлению, в структуры власти придет интеллигентно-либералы, культурная элита. Дай бог, чтобы насыщая потребность экономического оздоровления привела к власти технократов-профессионалов, достаточно умных, чтобы понять принципиальную полезность, выгоду демократически-либеральных установлений и идей. И чтобы они, будучи новым поколением, освобожденным от груза старых догм и стереотипов, захотели и сумели поощрять движение русской цивилизованности, не на изоляцию, а на сближение с другими культурами.

В не так быстро, как хотелось бы, но меняющихся социально-экономических и политических условиях важно стимулировать определенные воздействия на людей средств массовой информации, искусства, церкви, систем воспитания, образования и просвещения (сумев не загубить эти системы). Воздействия в сторону терпимости к инакомыслию и инакочувствованию, умения мыслить свободно и творчески, интереса к своей жизни и к жизни, мыслям и чувствам, творчеству других, способности к эмоциональному контакту с ними и с окружающей природой и т. д. И все это при ориентации на создание общего человеческого Дома, в котором живут люди разных полов, возрастов, рас, наций, верований, культур, профессий. Люди, для которых и в которых ценна прежде всего человечность.

Россия должна входить в этот создаваемый общий Дом, человеческую культуру, не только не поступаясь духовным своеобразием, но привнося, в том числе и в общечеловеческий либерализм, свою неординарность, то, что предохраняет отношение и действия людей от формализации, излишней рационализации. Но и русским надо суметь построить жизнь таким образом, чтобы ценность личности уважалась и проявлялась не только в собственной тоске по воле и не только в глубинах совестливой, страждущей о ближнем (и еще более о дальнем) души, а и в обычном повседневном бытии.

Николай НИКОЛАЕВ,

кандидат филологических наук, зав. кафедрой литературы Северодвинского гуманитарного института

МИР ОТВЕРГНУТЫЙ
И МИР ГАРМОНИЧНЫЙДуховные искания русских
писателей-масонов XVIII века

О ДНУ ИЗ ОЧЕВИДНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ русской поэзии конца 70-х-80-х гг. XVIII века можно было бы определить как обращение ее к мотивам «катастрофичности мира». Картины тотального, космического разрушения особенно явственно обнаруживают себя у поэтов, близких к масонским кругам, хотя имеют место в творчестве и непричастных к этому кругу художников (например, Г. Р. Державин в оде «На смерть князя Мещерского»).

По-видимому, уже к середине 90-х гг. этот мотив все более начинает ощущаться как навязчиво-раздражительный. Некоторое раздражение можно почувствовать в оценках Н. М. Карамзина, всегда принципиально мягкого в своих критических отзывах. «Молодому питомцу муз, - пишет он в предисловии к альманаху «Аониды», - лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот природы, нежели разрушение мира, всеобщий пожар натуры и прочее в сем роде». И тут же небольшая сноска к приведенному суждению: «К издателю прислано было сочинение под титулом: «Конец миров», оно показалось ему слишком ужасно для «Аонид».

Ю. М. Лотман сделал предположение о том, что суждения Карамзина не в последнюю очередь имеют отношение к раннему творчеству Семена Боброва, пожалуй, самого яркого представителя поэзии «мировых катастроф» в последние десятилетия XVIII века. Приведем некоторые строки из его произведений, относящихся к 80-м годам. Разрушение мира переживается С. Бобровым как неминуемая его перспектива:

*Но нам судьбы гласят, что некогда потонет
Дрожащая Земля в пылающих волнах
И брэнна тварь, огнем жегомая, восстанет
Да из коры своей изыдет, сверзья прах.
Увы! - тогда лун, которой луч заемный
По тусклому своду в ночь безоблачну скользит,
Зря судорожну смерть и вздох соседки черной,
Сама начнет багреть и дым густой явит.*

(Прогулка с сумерки или вечернее наставление Зораму. 1785 г.)

В другом произведении, «Судьба древнего мира, или всемирный потоп» (1789 г.), после описания страшной картины гибели мира в водах библейского потопы предсказывается грядущая гибель вселенной:

*Там горы, яко воск, растают
От хищного лица огня,
Там мрачны бездны возрыдают,*

Там жупел будет ржать, стена.

*Падут миры с осей великих,
Шары с своих стрехнутя мест...*

Впрочем, С. Бобров к середине 80-х гг. лишь отвечал своей поэзией тем настроениям, которые обнаружилились в России несколькими годами ранее. Во всяком случае, масонские журналы «Утренний Свет», «Вечерняя Заря» позволяют говорить о них как о вполне сложившихся. В частности, в третьей части «Вечерней Зари» за 1782 г. помещена ода «Страшный суд», где находим такие характерные строки:

*Моря из берегов выхоят,
К погибели весь мир приводят,
Волнуют, плещут и режут!
Светило дневно померкает,
И наступает темна ночь;
Луна багряна утекает,
Бегут планеты, звезды прочь.*

ИСТОКИ ПОЭЗИИ подобного рода и ее современники, и нынешние исследователи вполне оправданно видят в том влиянии, которое сильно испытывает русская литература со стороны литературы западноевропейской. Переводы Мильтона, Оссiana и в особенности Эдуарда Юнга интенсивно публикуются как в периодических изданиях, так и выходят отдельными книгами. Зависимость русских авторов от этой литературы подтверждается не только сходством настроений, использованием аналогичных образов, художественных средств, но и прямыми реминисценциями.

Однако таким образом решаемый вопрос об «истоках» русской поэзии следует признать справедливым лишь отчасти. Нельзя упускать из виду того обстоятельства, что сами переводы песен Оссiana, поэм Мильтона и Юнга были определены и отвечали некой потребности русского читателя, имеющей свою не всегда прямо выводимую из инонациональных источников логику зарождения.

МОТИВ КАТАСТРОФИЧНОСТИ МИРА рождает ощущение противоположности человека миру. Для того, чтобы охватить вселенную взглядом (в масштабах планетарного мира), необходимо некое отстранение, подняться на некую умозрительную высоту, а для того, чтобы ощутить свою противоположность миру, непричастность ему, нужно вернуть его в отчуждающий хаос и разрушение. Настроение лирического субъекта такой поэзии обусловлено бегством от мира, стремлением спастись от всепожирающей губительной перспективы. Не случайно почти все произведения раннего С. Боброва заканчиваются обращением к Богу:

Но знай, что есть один незримый

круг верховный,

*Который выше всех явлений сих ночных,
В который существа должны лететь духовны
Сквозь облачныя пары на крыльях живых!*

К Богу человек, таким образом, приходит как бы минуя мир, в своем бегстве от мира. Утверждение противоположности человека миру при таких условиях вырастает в первостепенную задачу художника, в этом своеобразная смысловая доминанта поэзии «мировых катастроф».

Однако эту «противоположность» нельзя признать в русской литературе открытием поэзии, создавае-

реть тьму, окружающую его, и, отличив ее от истинного света, обратить к нему все внимание. Повязка, наложенная тогда на ваши глаза, заградила то чувство, которое едва ли не более прочих развлекает наше внимание, дабы вы, устраняясь от наружных вещей, сильно действующих на наши чувства, всего себя обратили внутри себя к источнику вашей жизни и блаженства».

Вслед за этим профану изъясняется важность семи «должностей», исполнение которых требует от него орден: «повиновение, познание самого себя, отвержение гордыни, любовь к человечеству, щедролюбие, скромность, любовь к смерти».

Последняя из «должностей» требует особого нашего внимания. Ее нельзя рассматривать как призыв к самоубийству (например, самосожжению в духе старообрядческих «гарей»). Прямых призывов к самоубийству у масонов нет, в своей практической жизни они обнаруживают достаточную жизнестойкость, привязанность к жизни, глубоко скорбят по поводу смерти своих «братьев» и вообще не обнаруживают какого-то патологического стремления к смерти. Следовательно, тезис о непременной «любви к смерти» нельзя оценивать прямолинейно, в грубо реалистическом плане, а образы смерти, которыми так обильно насыщена масонская обрядовость, нуждаются в специальном обосновании. Обратимся к трудам русских масонов.

Подавляющее большинство работ русских масонов носило характер переводов западноевропейских авторов. Но среди них есть, безусловно, и труды оригинальные, в том числе имевшие значительный авторитет в кругах европейских мистиков. Например, работа И. В. Лопухина «Некоторые черты о внутренней церкви и едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели». Труд этот впервые издан в 1798 г. на французском языке, имел распространение во Франции, Германии, в частности, получил высокую оценку Эккардгаузена, весьма значительного автора мистических книг и личного знакомого И. В. Лопухина. Впоследствии работа эта переведена на русский язык. Но, по утверждению самого автора, написана она была в 1789 г. и не могла быть тогда издана по причине начавшихся гонений на масонов в России.

Основные усилия И. В. Лопухина здесь сосредоточены на возрождении человека, открытии им в себе «царства Божия». Пути обретения этого «царства» проходят через отвержение внешнего греховного мира и самопознание. Но в центре внимания И. В. Лопухина не греховность внешнего мира, от которой следует отвернуться, а то самолюбивое начало в человеке, заставляющее его «прилепляться» к утехам и сладостям мира и отворачиваться от истинного духовного, божественного начала в нем самом. Таким образом, путь к «царству Божию» лежит через подавление собственного «Я» человека. Вот непосредственные высказывания И. В. Лопухина по этому поводу:

«Ни о чем так не прилежи, как чтоб быть в духе, в душе и теле совершенно без Я».

«...Самолюбие, противоборствуя... в себе царствию Божию, может свет его на самоуслаждение, ощущенную си у его употреблять на самодействие, и чрез то паки затмить внутреннее просвещение, исказить в себе дело возрождения...»

«В таковом уединении да молилися втайне наипаче от самого себя, т. е. от самолюбия и самоугождения, могущих исказить наичистейшую молитву исканием в ней собственного услаждения».

«Крест... сокрушает густую ограду нечистого плотного сердца, для освобождения пути к

рождению сердца духовного, нового, чистого; развивает до последних нити ветхую одежду душевную, покрывающую гнездо греха, и Я, сей корень греха, обнажается и ужасается самого себя».

Программа духовного возрождения И. В. Лопухина становится, таким образом, программой «истребления» собственного Я, самолюбия, внутреннего человека, устремленного, нацеленного на мир внешний, вросшего в него. «...Долженствует, наконец, - пишет И. В. Лопухин, - совлечь гнездо греха и стереть до единых пылинки корень всего зла, онаго Я и истребить его». И это уже своеобразно понятое самоубийство, бросающее свет на то обилие образов смерти и требование «любви к смерти», которое мы находим в масонской обрядовости.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И МИРА доведена в масонской литературе до своего логического предела за счет расширения границ мира: с одной стороны (поэзия «мировых катастроф»), отчуждаемый мир достигает космических масштабов, с другой - он вбирает в себя и значительную часть самого человека, не только его «телесную оболочку», но собственное его Я, его самость. Непосредственно человеческое начало, вследствие этого, «вмещается» в понятие духа, субстанции божественного происхождения, и воли, призванной утверждать господство духа. Именно «дух и воля» становятся теми категориями, которые в большей степени занимают писателей-масонов.

В «Карманной книжке для В... К... и для тех, которые и не принадлежат к числу оных», изданной в типографии Н. И. Новикова в начале 80-х гг. и задуманной, вероятно, как своеобразное пособие или руководство для масонов в их повседневной жизни, находим такие высказывания:

«Человек в мире сем подобно как в темнице. Дух и воля его ограничены; препятствия другого естества удерживают его парение, какое мог бы он иметь». Ниже создатели этой книги с негодованием произносят: «И мир сей, тело сие, положение, должны быть пределом высочайшия премудрости, должны быть награждением, блаженством?»

Оне суть темница, наказание, средство.

Принуждение должно поощрять наши силы, воспламенять желания, тщание наше умножать для получения ключа от сея темницы и для отвержения паки врат вечного жилища».

«Мир как темница» - пожалуй, более решительно и эмоционально нельзя выразить существенной противоположности человека миру, его абсолютной внемирности. Однако философско-этическая позиция писателей-масонов не имеет ничего общего с аскетизмом. Практического отрицания мира за их рассуждениями вовсе не следует. У И. В. Лопухина в «Нравоучительном Катехизисе истинных Франк-масонов» на вопрос о возможности участия масонов в войне, в государственной службе, о пище, о браке даются умеренно положительные ответы, вовсе не в духе суровой аскезы. За утверждением внемирности собственно человеческого начала не следует рекомендаций об устранении от участия в делах мира. Напротив, при ближайшем рассмотрении вырисовывается картина прямо противоположного характера. И здесь нет никакого противоречия. Утверждение внемирности человека, его существенной и как можно более полной противоположности миру необходимо как раз для осуществления своего господства в мире. Мироотвержение - лишь фаза воспитания, становления человека, но ни в коем случае не цель. Цель - достижение свободы в отношениях с миром, а она возможна только при ощущении своей полной внемирности, очищении себя от вещественного,

страстного, чувственного.

Та же «Карманная книжка для В... К...» в начале утверждает: «Человек есть господин на земле. Яко господин поступает он, и яко господина своего познают его все звери. Принуждает он служить себе слона и тигра, и самый царь моря служит ему товаром в купечестве.

Не превосходяством сил своих приобретает он господствование. Будучи слабее несравненно медведя, принуждает он его плясать на веревке.

Дух его доставляет ему сии преимущества. Он умеет все сущее в природе употреблять к своим намерениям, и самые звери должныствуют ему служить для ловли зверей».

А завершается эта «Книжка» словами: «Бог откроется тебе, и ты достигнешь до сообщества Его. Сам ты будешь божественный человек, или земной Бог».

Таким образом, от утверждения необычности позиции человека в мире «вещественном», через самопознание и укрепление в духе - к абсолютному и ничем не ограниченному господству над миром, деланию его - вот смысл масонских «работ», внутренний стимул зарождения и развития масонства, независимо от того, вполне ли до конца осознавали «братья» все это. Во всяком случае, идея строительства нового мира содержится в самом названии «вольные каменщики» и в их программных документах, мысли об обретении безграничной власти над миром разбросаны в различных трудах и заметках русских масонов. Например, в письмах мартиниста А. М. Кутузова к И. П. Тургеневу находим такие строки: «...надлежит молить источника всякого разумения, да сам он благоволит вразумить нас и наставить, и тогда воля наша очистится и покорится высочайшей воле и самым тем придет в состояние употреблять и избирать внешние предметы, а из сего последует то, что мы будем владыками, а не рабами над внешностью».

Любопытна и весьма характерна логика рассуждений А. М. Кутузова: «покориться высочайшей воле» с тем, чтобы в последующем обрести власть над миром. Видимо, аналогичные рассуждения заставили и И. В. Лопухина в его «Катехизисе» ответ на вопрос: «Каких свойств должен быть тот, который может получить (иметь) оное Таинство?» - построить следующим образом:

«Он должен быть таков: что хотя бы имел способ излечать все болезни тела и жить несколько сот лет по примеру древних Праотцов, со всем тем мог бы терпеливо сносить, и не помогая себе, жесточайшую боль; и быть в готовности назавтра умереть без роптания; также чтоб был готов сносить величайшую бедность, обладая способностями производить богатства, превосходящие богатства всего мира; и имея средства беседовать с Ангелами, мог бы смиренно пребывать в глубочайшем невежестве, когда то угодно Воле Источника Света; и имея с Иисусом Навином силу останавливать Солнце, и с Илиею отверзать и затворять Небо, считал бы себя менее всех...»

Однако нас здесь интересуют не столько формулы самоограничения и подчинения, сколько масштабы власти над миром, к которой стремятся масоны (излечение всех болезней, личное бессмертие, способы овладения неограниченными богатствами, средства беседовать с Ангелами, останавливать солнце, «отверзать» небо и т. д.).

В высших степенях таинственного масонского знания предполагалась возможность создания гомункулусов. Один из таких способов «приготовления» описан в рукописи XVIII века, найденной

А. В. Семекой и использованной затем в известной работе Г. В. Плеханова по истории общественной мысли. Воспользуемся изложением последнего.

«Автор рукописи, - пишет Г. В. Плеханов, - советует собрать в полнолуние майской росы и смешать ее с двумя частями мужской и тремя - женской крови. Сосуд, содержащий эту смесь, должен быть поставлен в умеренно-теплое место. Скоро на дне сосуда получится красный осадок, а то, что останется сверху и что носит название "mestruum", должно быть отделено в особую стлянку и время от времени подливаться в первый сосуд, куда надо прибавлять, кроме того, «один гран тинктуры из анимального царства». Автор уверяет, что через некоторое время в сосуде окажутся два живых существа: «мужчина и женщина». Если налитая в сосуд кровь взята была от целомудренных людей, то мужчина и женщина будут очень красивы. В противном случае они окажутся полуживыми. При соблюдении необходимых условий эти существа проживут целый год, в течение которого от них можно узнать все, что угодно, «ибо они тебя будут бояться и почитать». Но этого мало. Посредине того же сосуда вырастет прекрасное дерево с плодами, и по прошествии года женщина и мужчина вкусят от его плодов, вследствие чего и погибнут. Тогда все содержимое сосуда сольется вместе и разделится на четыре части. В верхней - предстанет «небесный Иерусалим со всеми жителями»; во второй - «стлянный мир»; в третьей - «мрачный обиталищем всех диаволов и злочестивых». В конце концов из всего этого получится ужасный червь, который через четыре дня исчезнет, и т. д. и т. д.»

Легко предсказать реакцию русского марксиста, следовавшую за изложением содержания масонской рукописи XVIII века. Только несомненная корректность образованного и воспитанного человека позволила Г. В. Плеханову удержаться на относительно мягких характеристиках, вроде «дикий бред» или «вредный вздор». Но не будем вслед за ним всерьез разоблачать научную несостоятельность описанных «опытов». Присмотримся к самооощущениям человека, искренне верующего в их достоверность.

Если он считает себя в праве и в силах воссоздать в сосуде сцены библейской истории, если изготовленные им химическим путем «человечки» становятся покорными ему из «боязни и почитания», то что, как не богоподобие, характеризует самочувствие этого человека, право творить и повелевать миром, менять его и «совершенствовать».

У А. В. Семеки, изучавшего рукописное наследие русских розенкрейцеров, находим, в частности, и такую выписку: «Белая магия не есть опыт праздности и химера умочетания, - сия наука возведет тебя в степень совершенного очищения. Дуна твоя подобна будет ангельской и ВОЛЯ ТВОЯ (выделено Н. Н.) простираться станет употреблять духа гения всякого на одни дела, пользу приносящие». И далее у А. В. Семеки: «При достижении общения с духами нужно пройти семь «градаций»: уединение, терпение, твердость духа, молчание, видения, разговор с духами и власть, «где откроется гениям тайна всех мудрейших».

Власть над тварным миром, оправдание права изменения мира, совершенствование его - одно из подспудных течений мысли русских мистиков, как, впрочем, и европейских (последних даже в большей степени).

У С. Боброва именно в эту общую концепцию

«изменения мира» органично укладывается образ Петра Великого в «Столетней песне». Ю. М. Лотман отметил некоторую противоречивость этого произведения, совмещение в нем «несоединимых культурных концепций», т. е. идеи «прогресса для народа» с «эсхатологическими представлениями». На самом деле никакого противоречия нет. С. Бобров сначала дает картины отчуждающей «катастрофичности мира»:

*Взрвут горящи океаны,
Кровавы реки потекут;
Плеснут на твердь валы багряны,
Столпы вселенной потрясут.*

Лишь затем вторгается в мир Петр с тем, чтобы переменить его к лучшему.

*Держа светильник, простирает
Луч в мраках царства своего;
Он область ночи озаряет,
И не объемлет тьмы его;
Безисит она пред ним, - и гибнет.*

Ю. М. Лотман, имея ввиду антитезу «свет — тьма», отметил в этих строках «специфический масонский характер». На наш взгляд, в еще большей степени соответствующими масонской программе (раскрытой выше) звучат строки песни:

*Рожден средь общей мрака сени,
Без руководства чуждых сил,
Чрез свой богоподобный гений
Он сам себя переродил,
Чтоб преродить сынов России.*

Преобразование мира, начатое усилиями воли с самого себя, звучит совсем в духе воззрения И. В. Лопухина и его единомышленников, соратников.

И ТАК, ОСОЗНАНИЕ ПОЛНОЙ противоположности человека миру лежит в основе мировоззрения многих русских писателей-масонов 80-х гг. XVIII века. Оно в значительной степени определяет характер их творчества, тип поведения, обрядовость. Углубление представлений об этой противоположности по сравнению с предшественниками поставило в центр внимания писателей-масонов вопрос о тварном, «плотном», мирском и духовном начале в человеке, что заметно меняло представления о внутреннем мире, переводя их в качественно новое состояние. Внутренний человек ощущается категорически иным уже не только по отношению к внешнему миру или к своей телесности, но и к своей самости, которая рассматривается уже как продолжение его телесности, как начало, родственное миру, а не духу.

Такие жестокие, педантичные противопоставления человека и мира, «внутреннего» и «внешнего», духовного и «плотного», несомненно перекликаются с суждениями западноевропейских мистиков и, вероятно, во многом обязаны им своим оформлением на русской почве.

В печатной и рукописной книге русских масонов переводная мистическая литература явно превалирует. И здесь мысли об отвержении мира, неприятии его, сосредоточении внутри себя, умертвлении в себе всего, что связывает человека с миром, представлены гораздо более рельефно, нежели у русских их последователей.

Например, в весьма популярном в России сочинении Иоанна Арида «Об истинном христианстве», в 14 его главе, автор утверждает: «Истинный христианин должен ненавидеть жизнь свою в сем мире и научиться презирать мир по примеру Христа (?)».

А. Семека, исследовавший русские масонские рукописи екатерининской эпохи, обнаружил сборник с заглавием «Путь к Христу», «составленный

исключительно из сочинений известного Беме», из которого приводит краткий образец исповеди: «Аще и недостоин есмь, - говорится здесь, - но восприми мя в смерть твою и дай мне в смерти моей умереть смертию твоею! Низложи самость мою, умертви ее в смерти твоей, да не живу более собою, ибо сам по себе я только грех творю».

Итак, человек («внутренний человек») подчеркнуто противоположен миру, должен освободиться от него и подавить в себе все связывающее его с миром, в том числе свою самость. И это отстранение от мира и у западных мистиков лишь подготовка к овладению им. Последнее стремление обнаруживает себя повсеместно. Вот наиболее общее суждение весьма почитаемого в русской интеллектуальной среде XVIII века Сен-Мартена (мы его приведем в кратком изложении П. Н. Сакулина): «Падение человека (речь идет о грехопадении Адама. - Н. Н.) поколебало и его царственное положение по отношению к природе: он отпал от Бога, а природа от него. Мало того, человек отчасти оказался в зависимости от природы и принужден теперь вести с нею борьбу».

Все же судьба природы по-прежнему обусловлена участием человека. Именно от него природа может дожидаться своего возрождения. Но для этого самому человеку необходимо воскреснуть к новой жизни».

Человек может и должен воздействовать на мир, «возрождать», «обожествлять» его, но для этого он должен как бы выйти за его пределы и уже отсюда, извне, из-за черты мира определять его обновление.

Эта венаходимость миру, внешность принципиальна, как нам кажется, для понимания «внутреннего мира человека» в системе западноевропейских представлений и, отчасти, представлений русской интеллигенции, близкой к масонским кругам в 80-е гг. XVIII века. Вопрос о границе, черте между тварным, «плотным» и духовным началом в человеке, весьма педантично устанавливаемой западными мистиками, важен для них именно в плане уточнения границы мира. Например, английский мистик Д. Пордэч, работы которого переводились в России в те же самые 80-е годы XVIII в., вводит понятия «смертной» и «бессмертной» души, соответствующих «внешнему» и «внутреннему» человеку. «Сии две души живут одна в другой, как одна душа, и суть однако в себе самих две разные души, из коих внешняя не знает внутренней». Внешний человек имеет «также внешнего смертного Духа, собственно ему принадлежащего, который имеет рождение свое от Духа сего Мира, и в своем назначении ему времени смертен, и по течении звездного неба умирает». Вечная же душа внутреннего человека имеет своего бессмертного духа, который «родился в Вечности, и снисшел из Вечности, и потому должен вечно жить». Вечный дух скрыт в смертном духе, «не иначе как оба один дух были, хотя они разнствуют друг от друга», и смертный дух не постигает бессмертного. Внешний дух «есть нечто иное, как самый Разума-Дух, - Vernunft-Geist», а Вечный дух - «есть нечто иное, как смысленный Дух, der verstandliche Geist, который в духе разума живет».

С одной стороны, Д. Пордэч тщательно стремится указать, определить границу «внутреннего» и «внешнего» человека, с другой - эта граница оказывается в его концепции совпавшей с чертой, разделяющей «сей Мир» и «Вечность». Это весьма характерная для западного миропонимания модель.

В ОПРОС О «ДУШЕ И ТЕЛЕ», традиционный в христианской литературе и чрезвычайно важ-

ный в исканиях русских масонов, решается последними вслед за европейскими предшественниками как будто в аспекте абсолютной противоположности этих двух ипостасей, подчеркивания их иноприродности и безусловной границы между ними. Но именно здесь, в этом вопросе, и начинаются не бросающиеся в глаза, но весьма любопытные разночтения, на которых мы не можем не остановиться.

Молодой Н. М. Карамзин в период своих наиболее тесных связей с кругом Н. И. Новикова (И. П. Тургеневым, А. А. Петровым) пишет известные письма цюрихскому пастору и философу Иоганну Каспару Лафатеру. Вопрос, с которым обращается восторженный юноша к боготворимому им ученому собеседнику, сформулирован так: «Каким образом душа наша соединена с телом, тогда как они из совершенно различных стихий? Не служило ли связующим между ними звеном еще третье отдельное вещество, ни душа, ни тело, а совершенно особенная сущность? Или же душа и тело соединяются посредством постепенного перехода одного вещества в другое?» Вопросу этому можно дать еще такую форму: «Каким способом душа действует на тело, посредственно или непосредственно?»

Примечательно, что на фоне доминирующих в современной мистико-философской литературе рассуждений о противоположности души и тела Карамзин волнуется вопрос об их соединении и взаимодействии. Ответ Лафатера был разочаровывающим:

«...как действует душа на тело... я сам вовсе не понимаю. Довольно! я существую - и размышляю о своем бытии, сравниваю его с другими видами бытия — и не знаю ни одного, подобного человеческому, почему и называю его царственным, духовным, высоким, предназначенным на продолжение и совершенствование, - радуюсь этому и больше не мудрствую...

Сила, бодрость и свобода наслаждаться самим собой чрез самопожертвование - вот великое искусство, которому мы должны учиться здесь на земле, а для этого нам не нужно понимать необъяснимого для нас, так называемого влияния так называемой души на так называемое тело».

По существу, ответ Лафатера утверждает самодостаточность ощущений своей противоположности миру. Карамзин настаивает на своем вопросе, но ответа практически не получает. А. А. Петров, вероятно, посвященный в содержание этой переписки, очень точно заметил: «...письмо твое к Лафатеру мне не очень нравится. Почему? Мне кажется, что ты насильно хочешь его заставить знать то, о чем он ясно и без всяких обиняков писал к тебе, что не знает и знать не старается».

Различие отношений Лафатера и Карамзина к этому вопросу не случайно. Первый, принадлежа к определенным течениям европейской мысли, сосредоточен на личном, духовном бытии, в котором видит предел самопознания и познания вообще. Его знаменитые «Физиономические отрывки» в этом ключе должны быть рассмотрены как способ понимания, разгадывания души другого, а вовсе не «мысли о том, как душа выражается в теле», что увидел Карамзин в соответствии со своими установками.

Настойчивость русского литератора в обращении с этим вопросом обусловлена отнюдь не только личным интересом, не личной прихотью ума. Повидимому, в тех интеллектуальных русских кругах, в которых возвращается в это время Карамзин, вопрос этот ощущается как один из центральных. Во всяком случае, только в первой части «Вечерней Зари» за 1782 г. в разных номерах он ставится как минимум трижды в статьях, претендующих на философские размышления.

Одна из статей мартовского номера журнала так и называется «Рассуждение о соединении души с телом и о действии сего соединения». Ее автор (к сожалению, как и значительная часть иных произведений «Вечерней Зари», эта статья не поддается пока атрибуции) на фоне признаваемого им тезиса о «различии природы» этих двух начал (надо полагать, и их существенной противоположности!) тем не менее настойчиво ищет доказательства их необходимой связи и существенного взаимопроникновения:

«Кто рассмотрел хорошо сущность души, тот знает, что хотя она есть такое существо, которое и без тела может существовать, и при том имеет в самой себе способность ко всяким действиям; однако ж все еще нужно для нее тело, поелику она без оного в сем свете почти МЕРТВА (выделено Н. Н.), и все ее силы и свойства до тех пор не окажутся, пока она не будет соединена с телом...»

«Что касается до самого соединения души с телом, то оное, как уже выше сказано, состоит в таком их взаимном союзе, что хотя оные по своему естеству и совсем между собою различны, однако же делаются единою вещью, и обе вместе составляют человека; хотя и нередко, по ложному об них понятию, не бывают различаемы; ибо материя или тело - столь тесно соединилось и, так сказать, СМЕШИЛОСЬ (выделено Н. Н.) с душею, что кажется, будто бы душа была тело, а тело было душа».

Это «смешение» души и тела, представленное здесь, кроме всего, без малейшего осуждения, как вполне нормальное, естественное состояние, очень сильно противоречит чисто масонским взглядам на этот предмет, где господствует установка на «умерщвление плоти», где грех (равно как и ветхозаветное грехопадение) рассматривается как «прилепление» человека к плотскому, вещественному, к миру. В сознании нашего автора грех видится в совершенно ином ключе, он «внедряется» между двумя началами сложного человеческого строения, «вооружая таким образом человека самого противу себя».

Весьма контрастируют на фоне масонских установок и размышления автора статьи о своеобразном паритете души и тела: «И так тело, соединенное с душею, не должно почитать за мертвый отрубок, или за мертвое орудие и как бы за топор в руке столяра, или, как говорят, матерно в самой себе, и в отвлеченном смысле... Ибо сколь справедливо приписывают жизнь душе, столь же справедливо можно оную приписывать и телу, но в рассуждении соединения души с оным».

По-видимому, мысль о том, что конфликт между душой и телом коренится в первородном грехе, и не будь его, то противоположность их утратила бы смысл, весьма широко распространена была в среде молодых авторов «Вечерней Зари». Вот как довольно оригинально ее проводит автор статьи «Философские рассуждения о душе» (февраль 1782 г.). По его мнению, душа любит тело, в котором обитает, и стремится уберечь его от неизбежного тления, что ей до поры до времени удастся. Однако «...если бы душа в том состоянии и в совершенстве мудрости и сил пребывала, в котором она от Творца произведена, то, конечно бы, человек никогда не был подвержен смерти и истлению; ибо когда душа при всей своей величайшей нынешней слабости столько сил имеет к защищению и сохранению своего тела, что по справедливости весьма великого удивления заслуживает: то что ж бы было, если бы она из своей силы и совершенства ничего не потеряла?»

В МАСОНСКИХ ПРОГРАММНЫХ СТАТЬЯХ и документах довольно часто использовался сюжет о грехопадении человека и необходимости его нынешнего духовного возрождения, возвращения в объятия Отца. Интерпретировался он обычно в таком ключе, чтобы подчеркнуть противоположность души и мира, вещности, тела. По мнению же нашего автора, Бог создает тело и вдвухает душу первому человеку. В дальнейшем его отношение к зарождению новых душ столь же безучастно, как и зарождению новых тел. «...Естьли положить, - рассуждает он, - что сам Бог всякий раз непосредственно сотворяет душу, а потом вселяет ее в тело; то сие, кажется, во-первых, не сходствует с теми священнаго писания словами, что Бог, в седмый день совершив творение, почил от всех дел; ибо как сие быть может, когда он после того от времени до времени столь многие миллионы душ сотворяет?»

Да и сверх того, такое мнение не сходствует с совершенством Великого Бога; ибо души, рождающиеся после первого сотворения, всегда испорчены и нечестивы бывают, чего для оне должны быть отрожены и очищены. Всем известно, что сия порча переходит в душу через рождение: но как бы сие могло быть, естли бы она сама не была рождаема и преселяема? Притом же души детей обыкновенно показывают на себе душевные склонности своих родителей и часто те же пороки, как например: воровство, сребролюбие и проч. остаются и в детях, для явного свидетельства, что они от таковых родителей и произошли и имеют их души и образ».

Такая идентичность в трактовке рождения человеческих тел и душ существенно снимает их противоположность, ослабляет противопоставление души и мира, укореняя душу в самом мире через акт ее рождения.

Еще одна любопытная статья «Вечерней Зари» «О Троице в человеке» предлагает нам оригинальное решение вопроса о соединении духа и тела. По мнению ее автора, человек включает в себя три ипостаси: тело, душа и дух. Именно по этому своему качеству (троица) он и подобен Богу, который также в трех лицах. Душа при этом и становится соединяющим мостом между телом и духом, через нее дух воздействует на тело. При всем стремлении автора подчеркнуть иноприродность духа, его безусловный приоритет над телом и душой, он остается в плену заданной им самим аналогии. Уподобление Божественной Троицы и «Троицы в человеке» подспудно утверждает мысль о существенной органичности духа, души и тела, их принципиальной взаимосвязанности, взаимозависимости и нерасторжимости, ибо «человек остается человеком только при единстве тела, души и духа».

Таким образом, почти все авторы философских статей «Вечерней Зари» в рассмотрении проблемы «души и тела» решают ее в плане сродности, органичности и порой даже смешения этих двух ипостасей. Тем самым очень сильно ослабляется мысль о противоположности души и тела, человека и мира. Причем, учитывая то обстоятельство, что названные статьи не содержат в себе открытой полемики, часто используют общие места философских рассуждений, имеющих общеевропейское признание и весьма почитаемых в среде масонов, можно заключить, что сотрудники-корреспонденты «Вечерней Зари» вовсе и не замечают своей несогласованности с европейским философским опытом в обсуждаемом вопросе. Они исходят из своего «доморощенного» мироощущения, которое не дает им оснований

для абсолютного противопоставления человека и мира.

Такая оригинальность и кажущаяся «парадоксальность» молодых русских писателей-философов сказывается не только в статьях, прямо посвященных вопросу соединения души и тела. Автор «Рассуждений об истинном человеческом благе» видит возможность его обретения, в соответствии с общими рассуждениями европейских мистиков, в вечном и неразрушимом. «Но где оне, - задается он вопросом, - где такое сокровище обрести можно, когда свирепая сила времен разрушает все, что ни видим? Падают под бременем ея огромные и достигающие до небес обелиски, валятся стены великих градов, рассыпаются великолепные здания, трещат каменные горы, и, как свидетельствует священное писание, не только земля, но и самое небо в ничто обратится, угаснет свет блистающих на нем светил, и, следовательно, ничто не устоит против нападения веков».

(Анонимная в журнале «Вечерняя Заря» статья принадлежит Лаврентию Яковлевичу Давыдовскому. Это подтверждается тем, что в том же 1792 г. она выходит отдельным изданием с указанием фамилии автора: Словарь русских писателей XVIII века, вып. 1, Л., 1988).

Понятно, что традиционная логика рассуждений приводит к Богу, в котором и обретается благо. Направление мысли то же самое, что и у С. Боброва: через утверждение катастрофичности мира и отчуждение от него — к Вечному и Бесконечному. Все это укладывается вполне и в представлении европейских мистиков - философов и литераторов.

Но для нашего автора это лишь один из путей обретения блага, требующий специальной подготовки, воли и просвещения, т. е. специальных условий. Как же быть людям, которые лишены такой возможности? Лишены ли они вместе с тем средств обретения блаженства? Ничуть не бывало!

«...Представим мы такого, который бы был в таком месте рожден, где он не мог заимствовать для себя просвещение ни от наук, ни от закона. Однако можно ли о нем утвердительно сказать, что он с тем не имеет средств и к своему блаженству? Нет, мне кажется, что благодать Божия никого не лишила оных. Он имеет разум, следовательно, может постигать, что сие прекрасное строение, на котором он себя видит, не может быть сооружено никем другим, кроме Бога, он видит везде стройность, и что все течет по премудрым некоторым законам и к известному концу, то не может ли он, рассматривая природу, выплывать в связь находящихся в ней вещей, и, отвлекая от нея для себя правила, просвещать свой разум, а по его предписаниям управлять свою волю, словом, делать подобную в своей душе и теле Гармонию, и тем подражать великому Строителю вселенной?»

Не сложно заметить противоречие между картинами разрушения и мировых катастроф в начале статьи и картиной гармоничности мира в ее конце. Прямой полемики нет, потому что для автора, по-видимому, не существует никакого противоречия, он его просто не видит, поэтому и не пытается снять. Вместе с тем интересно, как масон-розенкрейцер Л. Я. Давыдовский в своих рассуждениях, не замечая того, сводит на нет некоторые базовые (можно сказать, «уставные») положения масонов. Последние, обосновывая необходимость своих закрытых (тайных) организаций, видели в них своего рода школы постижения и сохранения божественных истин, которые затем в доступной форме должны вноситься

в мир, завоевывая и совершенствуя его. Однако, если человек, по Л. Я. Давыдовскому, истины постигает, миная эти «школы», то соответственно значение их (школ) весьма сужается и принижается. Но и этого обстоятельства автор статьи как будто не замечает. Противоположность миру бессознательно разрушается им и на этом организованно-прагматическом уровне.

КОНЕЧНО, ВСЕ ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ нами статьи принадлежат молодым студентам Московского университета. (В своем вступительном слове издатель «Вечерней Зари», вероятно, Новиков Н. И., перечислил имена его сотрудников, студентов Московского университета: М. И. Антоновский, Л. М. Максимович, Л. Я. Давыдовский, П. П. Брауншвейг, А. В. Могилянский, И. А. Фабиан, Ф. Л. Тимонович, А. Ф. Лабзин, П. А. Пельский). Нетвердость руки, слабость аргументации и порой недостаточная осведомленность о достижениях западноевропейской мысли, в том числе и мистической, открывает возможность для объяснения всех их противоречий этими самыми обстоятельствами, недостаточно глубоким постижением лекций профессора И. Г. Шварца, который, кстати, осуществлял непосредственное руководство в издании «Вечерней Зари». Но мы полагаем, что причины все-таки кроются в другом.

Кстати, лекции самого И. Г. Шварца отчасти имеют в себе некоторые черты рассуждений, которые мы находим в статьях его подопечных. Вероятно, общение с русской аудиторией налагало некоторые обязательства, заставляло говорить на одном со своими студентами языке и в прямом, и в переносном смысле. Поэтому в его лекции, прочитанной в 1783 году, мы найдем рассуждения, очень близкие тому, что Л. Я. Давыдовский высказал в своей статье 1782 г.: «...нужно... молодых людей упражнять в словесных науках, в музыке, живописи и занимать их гармонией Природы, которая, красотою своими привлекая чувства человеческие, делает их нежнее, удобнее к чистой любви и, приводя в приятное восхищение, заставляет примечать на действия Природы, приводить их в удивление о порядке оной, возвышает их мысли до источника Природы и, наконец, воспламеняет в них чистую любовь к Богу».

Но И. Г. Шварц, служивший в России своего рода проводником западноевропейских мистических концепций и систем, ни на одну секунду не забывает об исходном положении, исходной мысли о противоположности человека и мира. Вслед за «восхищением порядком Природы» он разворачивает перед своими слушателями теорию о «вкушающем» и «зрительном» воображении. Причем первое обозначено как «скотское» и естественно недопустимое, в нем есть черты заинтересованного отношения к миру, есть опасность смешаться с миром. «Зрительное воображение» — это отстраненное любование миром, ценное для И. Г. Шварца, вероятно, потому, что оно сохраняет противоположность человека миру. Так что лекция профессора Московского университета может быть с педагогической точки зрения оценена очень высоко. Он не стремится разрушить в своих слушателях их заинтересованного отношения к миру, но направляет поиски своих воспитанников в нужном в его понимании направлении. Хотя большого эффекта, при всей невероятной популярности И. Г. Шварца, его усилия иметь не могли. То, с чем ему, вероятно, пришлось

столкнуться в студенческой аудитории, было не простым заблуждением увлекающихся юношей, а, скорее всего, формирующимся национальным видением фундаментальных проблем бытия, то, чего они еще сами не осознавали, но упорно осуществляли в своих публичных выступлениях.

Юноши очень быстро осваивали методу философских размышлений, и подобно тому как И. Г. Шварц достигает в своей лекции искомого результата путем выведения двух видов воображения, так и его ученик в «Рассуждениях о бессмертии души», открывающих журнал «Вечерняя Заря» и являющихся, без сомнения, одним из лучших его материалов, выводит два вида бессмертия. Правда, ценностные установки его несколько отличаются от шварцевских. По его разумению, есть «бессмертие внешнее», свойственное одному только Богу, и есть «внутреннее», применимое к человеческой душе. «Разум научает нас, — рассуждает автор статьи, — что душа, как и всякое **СЛУЧАЙНОЕ** (выделено Н. Н.) существо, имеет начало; что некая всемогущая и совершенно свободная вина, извед ее единожды из ничтожества, содержит всегда в своей зависимости и может прекратить бытие ее, как скоро благоволит, и так как и дало ей начало бытия, как скоро благоволило. Следовательно, ее вечное сохранение зависит от благости сего высочайшего существа».

Что означает этот термин «случайное существо», использованный по отношению к человеческой душе? Лишь то, что подобна, в некотором смысле, всему, что наполняет этот мир, самому миру. Прежде всего она «начальная» и «конечная», как мир, и это не вполне способствует утверждению противоположности человека и мира, на чем так усиленно настаивает И. Г. Шварц.

Мысль о причастности человека миру, органической встроенности его в мир, по-разному интерпретированная молодыми русскими литераторами-философами, не могла быть плодом простой ошибки, юношеской незрелости, недопонимания своих западных учителей.

Ее, во-первых, можно разглядеть и у иных их современников, писателей и мыслителей, несомненно, больших масштабов (Державин Г. Р., Радищев А. Н., Карамзин Н. М.). И, во-вторых, весьма близкие им суждения обнаруживают себя в России многими десятилетиями позже рассматриваемого периода, что в еще большей степени снимает предположения о простой ошибке, недоразумении или случайности.

Литература:

- Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982.
Поэты начала XIX века. Л., 1961.
Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971.
Вечерняя Заря. М., 1782, ч. I-III.
Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990.
Плюханова М. Б. О некоторых чертах народной эсхатологии в России XVII-XVIII вв. // Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 645. Тарту, 1985.
Соколовская Т. О. Обрядовость волиных каменщиков. // Миссионерство в его прошлом и настоящем. М., 1991, т. I-II.
Масонские труды Н. В. Лопухина. М., 1913.
«Карманная книжка для В...К... и для тех, которые не принадлежат к числу оных». Изд. 2. М., 1783.
Учен. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 139. Тарту, 1963.
Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Кн. 3, М.-Л., 1925.
Журнал Минис. Нар. просвещения. 1902, №2.
Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель. т. I, ч. I. М., 1913.
Переписка Карамзина с Лафатером. // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1987.
Русская философия второй пол. XVIII в., 1990.

В Е Ч Е

К
Н
И
ГКНИЖНЫЕ
РОССЫПИ РОССИИ

(Окончание, начало в № 6)

Передо мной сочинения Тредьяковского (Зт., СПб, 1849). Особо интересен этот том тем, что разговор в нем идет о правописании. «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к этой материи». Тут Тредьяковский приводит сравнительную таблицу, из которой видно, как на основе греческого уставного письма, трансформировав ряд букв, а также изобретая новые знаки (для обозначения звуков, существующих в славянском языке и отсутствующих в греческом), Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку. Фигура Тредьяковского вообще чрезвычайно интересна в истории русской культуры, ведь он был той личностью, которая в значительной мере способствовала возникновению литературного языка XIX века. Его творчество было как бы мостиком, соединившим век XVIII с веком XIX и трансформировавшим литературный язык XVIII века в современный литературный язык.

А вот книга русского книготорговца и издателя Александра Смирдина, выходца из московского купечества, начавшего свой путь в книжном деле с «мальчика» в Московской книжной лавке, а в зрелые годы открывшего свой магазин и типографию в Петербурге. В течение десяти лет он издавал серию «Полное собрание сочинений русских авторов» и познакомил публику с творчеством почти сорока литераторов. Надо сказать, что Смирдин был первым издателем, установившим неслыханно высокие гонорары для авторов и этим способствовавший возникновению первых профессиональных литераторов. Многие произведения Пушкина впервые увидели свет в его издательстве. Широко известен альманах Смирдина «Новоселье», созданный в ознаменование обеда петербургских литераторов, в честь переезда его магазина с Мойки на Невский. Смирдин, всегда искренне стремившийся примирить литературных противников, с одинаковой любовью печатал у себя столь разных авторов, как Вяземский и Шаховской, Крылов и Сенковский, Жуковский и Греч. И встречу всех этих столь разных литераторов на обеде у Смирдина изобразил на своих гравюрах художник Галактионов на страницах альманаха «Новоселье».

Об уже упомянутых русских издателях, а также о П. Сойкине, А. Суворине, Ф. Павленко, А. Девриене и многих, многих других типографах, издателях, книготорговцах и библиографах вы можете прочитать в книгах И. Е. Баренбаума и Н. Н. Костылева.

«Книжный Петербург - Ленинград» (Л., 1986 г.) и С. В. Белова и А. П. Толстякова «Русские издатели конца XIX - начала XX вв.».

Здесь речь идет уже о таких издателях, как братья Сабашниковы и братья Гранат. Принадлежали они, по словам К. С. Станиславского, к тому купечеству, которое было «строителем новой культурной русской жизни». В отличие от многих русских издателей начала и середины XIX века, людей не слишком образованных, чаще всего самоучек, но тем не менее обладающих отменным литературным вкусом, братья Гранат и братья Сабашниковы были людьми энциклопедических знаний и поэтому поставили дело издания книги на высочайший научный уровень. Виртуозная редакторская работа, огромное количество примечаний, комментариев, прекрасные вступительные статьи, большой объем библиографических материалов в каждом издании - все это делает книги издательств братьев Гранат и братьев Сабашниковых чрезвычайно значительным явлением в русской культуре. Вероятно, это и послужило тому, что их издательства просуществовали до конца 30-х годов.

Среди наиболее известных изданий братьев Гранат - несомненно «Энциклопедический словарь», выдержавший с 1891 по 1941 год семь изданий. Ни в коей мере не вступая в соревнование со знаменитым «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Ефрона, братья Гранат привлекли к написанию статей выдающихся деятелей отечественной науки и культуры. Что особенно интересно - материалы в энциклопедическом словаре были не только фактографического, но и аналитического характера. Вот, например, изумительная статья о Михаиле Лермонтове, где не просто дается сухой перечень дат жизни и творчества, но делается попытка проанализировать склад характера поэта и понять, какие условия сформировали специфические черты его личности, задали алгоритм его творческих устремлений. Вообще же для их словаря, так же, как и для другой издаваемой у них литературы, был характерен бывший тогда внове и широко приветствуемый либеральной публикой социальный и классовый подход к истории и общественным явлениям. Такова их многотомная «История XIX в.» под редакцией французских историков и «История России XIX в.». Интересен ряд портретов крупных деятелей русской истории и культуры, предложенных изданием. Зная многие имена, мы зачастую не представляем себе, как же выглядели конкретные люди. Рисунки и репродукции стирают этот пробел. Вот Аракчеев, актер Щепкин, литераторы Лажечников и Соловьев...

Братья Сабашниковы (так же, как и братья Гранат), получив блестящее университетское образование (они окончили естественный факультет Московского университета), начали свою издательскую деятельность чрезвычайно рано. Свою первую книгу «Злаки России» они издали, когда Михаилу было 19, а Сергею 17 лет. Факт беспрецедентный даже в истории русского печатного дела, где все издатели начинали свою деятельность чрезвычайно рано. Мож-

но выделить этапы в жизни издательства Сабашниковых. Первый - естественнонаучный, олицетворяемый тимирязевской «Жизнью растений». Затем - гуманитарный, связанный с «Памятниками мировой литературы», «Пушкинской библиотекой», «Русскими пропилеями». Потом наступило время научных серий. И самая последняя пора - «Записки прошлого». Подробнейшим образом о жизни издательства рассказывает сам Михаил Сабашников в своих «Воспоминаниях», выпущенных в 1988 году московским издательством «Книга». Обладая несомненным литературным талантом, автор повествует о жизни интеллигентной московской семьи конца XIX - начала XX вв., о ее духовных и повседневных интересах, о тех выдающихся личностях русской культуры и науки, с которыми ему пришлось сталкиваться в ходе его издательской деятельности. Среди изданий Сабашниковых, несомненно, стоит назвать сборник К. Бальмонта «Серебряная пряжа», «Лицейские тетради» Пушкина, вышедшие в «Пушкинской серии». Серия «Памятники мировой литературы», трансформировавшаяся в существующую и поныне серию «Литературные памятники», обогатилась несомненно несущими на себе сильное авторское начало переводами Ивана Бунина «Песни О Гайавате» Лонгфелло и поэмами Калидасы в переводе Бальмонта. В «Записках прошлого», из которых вышли современные серии «Литературные мемуары» и «В воспоминаниях современников», впервые увидели свет «Моя жизнь дома и в Ясной поляне» Т. Кузьминской, дневники С. А. Толстой, «Годы близости с Достоевским» А. Сусловой, «Из моей жизни» Брюсова и многое, многое другое.

Ну и самое известное из издательств конца XIX - начала XX в.в., видимо, в первую очередь благодаря своему «Энциклопедическому словарю» — издательство Брокгауза и Ефрона. Это акционерное немецко-русское общество начало выпускать свой словарь в 1890 году. Он состоял из 86 полутомов, и значение его как энциклопедического издания не исчерпало себя и по сей день. Особенно в разделах, касающихся истории, культуры, искусства, литературы.

Наверное, второй по известности после «Словаря» у Брокгауза и Ефрона является серия «Библиотека великих писателей» под редакцией профессора С. Венгерова. У меня в руках IV том собрания сочинений В. Шекспира 1903 года издания. Книга открывается роскошной гравюрой работы Е. Лансере, расположенной на титульном листе. Из этой гравюры можно почерпнуть сведения о том, какие авторы должны были войти в данную серию. К сожалению, она издана далеко не вся. В медальонах с профилями можно увидеть Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гейне, Данте, Гете, Шиллера, Шекспира, Байрона, Мольера, Софокла, Еврипида, Аристофана. Богатейший иллюстративный материал, портреты, жанровые картины, рисунки, отражающие быт, нравы, одежду, внешний вид и лица людей тех эпох и стран, о которых повествуют пьесы Шекспира. Но если в томах собрания сочинений Шекспира редактор ограничил-

ся только помещением текста пьес Шекспира, то, например, в собрании сочинений Пушкина дается обширный биографический и иконографический материал.

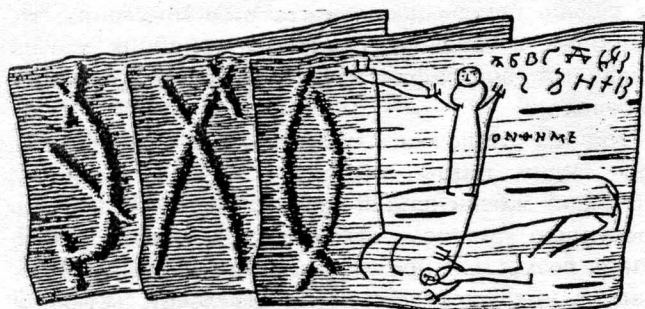
Причем компоновка книги такова, что читатель ясно видит, какие события в личной, духовной, интимной жизни нашли отклик в его поэзии. Что послужило толчком, вызвавшим к жизни новые стихи, поэмы или прозаические произведения. Влияние каких писателей и произведений оставили заметный след в его творчестве.

Среди книг этого издательства нельзя не назвать сорокаторную серию «Библиотека естествознания», которая начала выходить с 1902 года. Одной из первых книг этой серии был том «Гады и рыбы» (по Брэму и другим источникам; составитель Я. М. Никольский), со многими рисунками в тексте и отдельными иллюстрациями, черно-белыми и раскрашенными. В этой же серии вышли книги «Тайны неба», «Минеральное царство», «Земля и жизнь», «Млекопитающие», «География распространения растений» и так далее.

В 1911-14 гг. было выпущено и такое капитальное исследование, как книга Чарльза Ли «История инквизиции» и примыкающая к ней книга С. Лозинского «История инквизиции в Испании» (СПб, 1914). Фундаментальное исследование дает нам сведения обо всех исторических личностях, стоящих у истоков инквизиции или связанных с нею. Петр Амбруэс - первый великий сарагосский инквизитор, великий инквизитор Фр. Хаменес, Людовик IX Святой, король Франции, Изабелла и Фердинанд - короли Кастилии и Арагона, Святой Доминик - основатель Ордена доминиканцев, Игнатий Лайола - основатель Ордена иезуитов. Подробнейшим образом описан инквизиционный процесс от выдвижения обвинения в ереси до аутодафе. Здесь и крупные исторические личности, столкнувшиеся с инквизицией и погибшие от ее рук: Жанна д'Арк, Джироламо Савонаролло (Фра Барталамео), Ян Гус, Иероним Пражский, Галилео Галилей. Здесь и исторические события, инициированные инквизицией: Варфоломеевская ночь, Реконкиста в Испании. И рассказы о различных европейских ересьях: альбигойцы, иллюминаты, мистики и описания Шабаша ведьм. Словом, более чем 350-летняя история существования инквизиции, отмененной только 1 июня 1835 года, проходит перед нами на страницах этих трудов.

Бесконечно много можно говорить о книжных сокровищах России, созданных более чем за тысячелетие существования славянской письменности и культуры. Наверное, самое главное, чтобы вы не просто увидели этот материал, но и открыли душу тому чуду, которое дарит каждому человеку книга. И всегда помнили слова Ричарда де Бери: «Все в свое время приходит в упадок. Вся слава мира покрывалась бы забвением, если бы не было создано противоядие для смертных - книги».

Наталья МОРЫЛЕВА,
главный библиотекарь научной
библиотеки НовГУ

Валентин Янин,
академик, член президиума
Российской Академии наук

«...Новгород Великий ТИХО ОПОЧИЛ»

*Круговая фотопанорама Новгорода
1862 года*

СЫГРАВШИЙ ВЕЛИКУЮ РОЛЬ в истории нашего Отечества в средние века Великий Новгород к 19 столетию превратился в захолустный (хоть и губернский) город Российской империи. «Город воли дикой, город буйных сил Новгород Великий тихо опочил». Причины тому было немало. Перемещение торговых путей к Архангельску в 16 веке, опричный разгром Новгорода Иваном Грозным, истощившая его Ливонская война, шведская оккупация в лихие годы Смутного времени, основание в недалеком соседстве северной столицы империи...

Во второй половине 18 века Новгород привлек к себе внимание верховной власти, нанесяшей ему еще два тяжелейших удара. В 1764 году он больше, чем любой другой русский центр, пострадал от расточительной общерусской нехватки средств на культуру. Екатерининский указ об уложении (ныне это называется сокращением) церковных и монастырских штатов обрек на запустение и бесхозность половину (то есть около четырех десятков) древних храмов. Запертые на замок, они, лишившись ухода, стали разрушаться. А трехсотлетний юбилей создания национального государства, ведущего отчет времени от присоединения Новгорода к Москве, ознаменовался высочайшим утверждением в 1778 году генерального плана, ликвидировавшего сложившуюся за много веков градостроительную структуру города, сменив ее регулярной планировкой «на столичный манер». Его реализация облегчалась тем, что половина древних зданий на глазах превращалась в руины.

В начале 19 века Новгород становится центром аракчеевских военных поселений, с их главным штабом, провиантскими складами, манежем, госпиталями, плац-парадами, что придает ему новый облик грандиозной военной казармы, в которой волей сверхвлиятельного архимандрита Фотия продолжается замена древности на скучную бюрократическую новизну. «Это большая казарма, набитая солдатами, и маленькая канцелярия, набитая чиновниками», - писал о Новгороде Герцен.

Симптоматично, что неизбывный интерес к прошлому Новгорода, вдохновение его антимонархическим прошлым в творчестве Княжнина и Радищева, Пушкина и Лермонтова, декабристов и Герцена питается не достоверностью истории, а легендами о Вадиме, причудливо переплетенными с литературно облагороженным образом Марфы Посадницы. Подлинной истории Новгорода тогда еще не существовало, и, казалось, ей неоткуда взять нужные материалы для научного исследования. Обезображенные шедевры культуры не видны даже самому острому глазу. Бытовые древности, тысячи берестяных грамот, самый скелет древнего города лежат в земле, но никто еще не знает, что они там лежат нетленными.

Такие мысли неизбежно возникают, когда рассматриваешь фотопанораму Новгорода, снятую в 1862 году.

Этому году, однако, суждено было стать и датой нового пробуждения общественного интереса к Новгороду. Открытие Памятника Тысячелетию России всколыхнуло общественность, привело к созданию в Новгороде музея и возникновению в нем Общества любителей древностей. В начале нынешнего столетия пронизательный взгляд И. Э. Грабаря разглядел под шелухой позднейших наслоений следы изначальной красоты древней архитектуры, начались работы по расчистке фресок, открывшие шедевры Феофана и других, пока еще безымянных мастеров. Безусловность высоких художественных оценок этих открытий и силы общественности убергли новгородскую старину в тяжелые для судеб национального духовного наследия 20-е и 30-е годы, когда, в отличие от многих других древних центров нашей страны, Новгород не потерял ни одного древнего монументального памятника. Однако он во многом утратил свой исторический силуэт. И виной этому оказался ученый постулат, согласно которому поздняя колокольня считается дисгармонизирующей с древним храмом. Колоколен не жалели. Их в большинстве умертвила не война, а довоенное научно-художественное глубокомыслие.

А потом была война, лишившая нас многих сокровищ духа, но и пробудившая чувство ответственности за те богатства старины, какими мы еще владем.

СНЯТАЯ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ к торжеству открытия Памятника Тысячелетию России и для вручения в качестве сувенира императору Александру II публикуемая фотопанорама Софийской и Торговой сторон Новгорода, вероятно, является самой ранней в истории отечественной фотографии. Знаменитая круговая панорама Москвы была снята по инициативе издательства Шерер и Набоковых пятью годами позднее, в 1867 году.

Панорама Софийской стороны сфотографирована с пожарной каланчи, которая стояла на северном берегу Федоровского ручья у перекрестка с Б. Московской улицей. На ее месте сейчас находится жилой дом, около которого раскинуты наделы малого рынка.

Панорама Торговой стороны снята с верхней площадки Часовни.

Не знаю, какие чувства она вызовет у читателя, но, рассматривая ее, я переживаю не покидающее меня ощущение того, что нахожусь как бы между двух времен, видя на ней приметы ушедшего в сочетании с тем, что - надеюсь - будет существовать всегда.

Ц: Св. Троицы

Дом гдѣ хранится
карка Им. Екатер. II

Ц: Св. Великомуч.
ВласіяДесятинный Ц: Покрова Софийная
Монастырь Богородицы колокольная

3 АДНИЙ ПЛАН СНИМКА - южная часть Софийской стороны. Видна церковь Троицы. Рядом с ней бастион Земляного города - Екатерининская горка, названная так потому, что на ней стоял павильон, с баркой Екатерины II, на которой императрица путешествовала по Волхову в 1785 году. Теперь на его месте бездарное "чудо" советской эклектики Памятник Победы. Из жилых домов, видных на фотографии между Горкой и Дворцовой башней кремля, один сохранился до нашего времени.

Знакомый каждому вид кремля существенно нарушен обрушением стены, случившимся 6 мая 1862 года, за несколько месяцев до открытия Памятника Тысячелетию России. Стена была из-за ветхости разобрана и на значительном соседнем участке, а затем поспешно восстановлена к началу торжеств по новому, не соответствующему реставрационным требованиям проекту. Результат этих работ хорошо виден сегодня по разнице в цвете старого и нового кирпича. Древние сооружения гибнут от небрежения, а прежние ошибки не учат. Эпизод 1862 года

повторился во всех деталях на наших глазах, когда от небрежения рухнуло еще одно прясло кремлевской стены, восстановленное теперь без оглядки на реставрационные принципы.

У въезда на Волховский мост два здания. Левое - часовня Чудного креста, разрушенная во время войны. Правое с измененными фасадами исправно служит и сейчас.

На переднем плане часть северной набережной Федоровского ручья (она называлась Лерховской по имени Э. В. Лерхе, бывшего губернатором в 1858-1882 гг. и много сделавшего для благоустройства города) - на фотографии видны работы по замощению этой набережной. У левого обреза фотографии виден боковой фасад Путевого дворца, который многие годы был местопребыванием штаба аракчеевских новгородских военных поселений. Остальные здания (за исключением нескольких домов по Дворцовой улице) были сметены войной, а затем строительством «завода полупроводников».

Софийская сторона

Теплый Соборъ
входа в Иерусалимъ

Софійскій Соборъ

Ц: Двѣнадцати
Апостоловъ

Ц: Св. Иоанна
Архіепископа

Ц: Св. Флора и Лавра

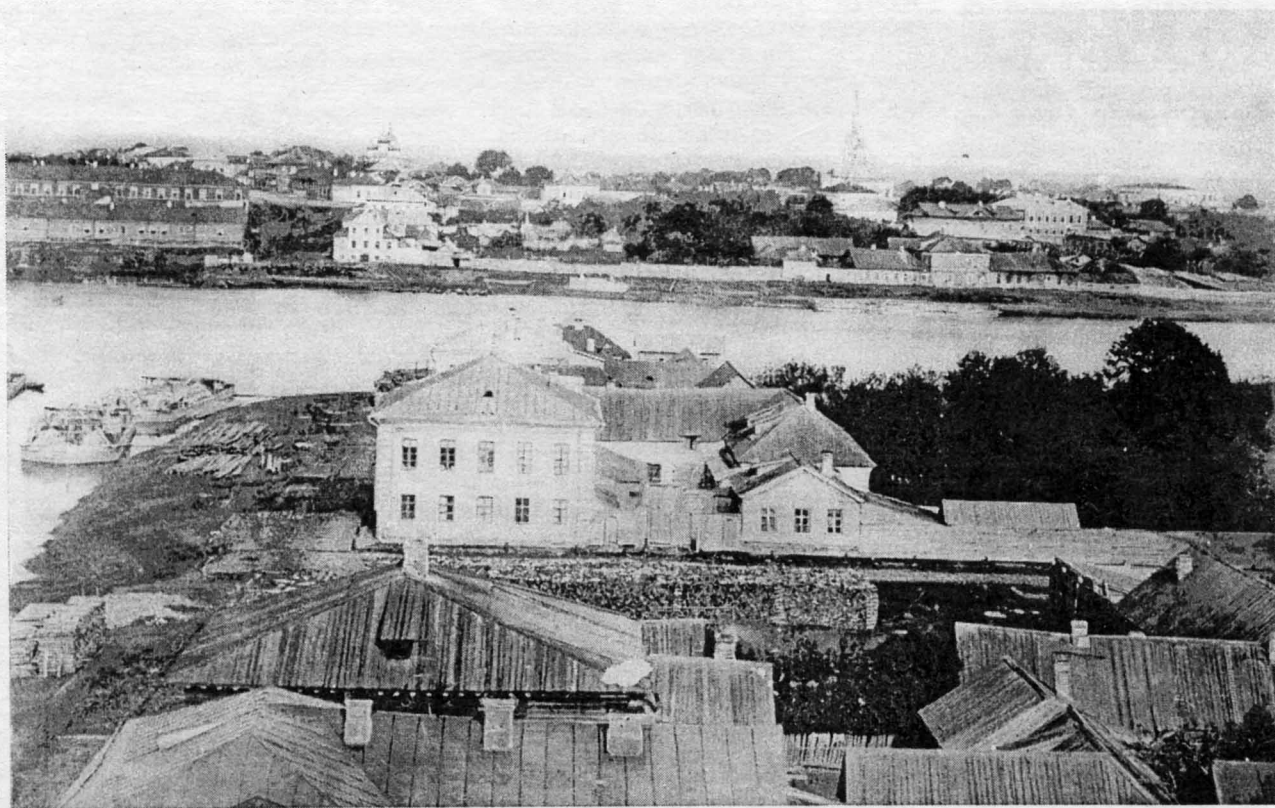
МНОГОЕ В ПАНОРАМЕ Софийской стороны и, в частности, северной части кремля существенно изменилось. Высокий барабан и купол у левого края снимка венчали построенное в 1759 году здание церкви Входа Господня в Иерусалим как теплый храм в дополнение к холодному Софийскому собору. На берегу Волхова (под Софийским собором) - постройки так называемого «Владычного островка», принадлежавшего архиерейскому дому. У Владимирской башни - пристроенная к ней Никольская часовня, остатки которой были разобраны уже после войны. На силуэт Часозвони, получившей после реставрации иное весьма спорное завершение, накладывается непривычный для современного глаза церковный барабан с куполом. Таким было с 1822 года завершение Грановитой палаты, когда в ней была устроена церковь во имя новгородского святителя Иоанна. Непривычна для нас и пустота за Владимирской башней: здесь уже разрушен древний Житейный двор и еще не построено на его месте никак не гармонирующее с кремлевской стариной здание

духовного училища, ныне занятое училищем музыкальным.

К северу от кремля за зеленою Летнего сада возвышается колокольня разобранной немцами во время войны для мощения дорог церкви Флора и Лавра, знаменитой больше всего потому, что в ней сохранялся Людогощенский крест - выдающийся памятник искусства художественной резьбы 14 столетия. Ниже ее, на «Веселой горке» - крытая беседка, составлявшая летнее помещение новгородского городского собрания, а еще ниже, на берегу Волхова, не сохранившееся до нас здание строгой архитектуры - Провиантский магазин, иначе цейхгауз. Напомним, что в середине прошлого века Новгород занимал выдающееся место в системе российской военной организации.

Передний план фотографии занят продолжением Лерховской набережной и самим Федоровским рупьем, который был взят в трубу и засыпан в первой половине 1950-х годов при сооружении моста через Волхов.

Софийская сторона

Военный госпиталь Ц: Св. Феодора Стратилата

Ц: Тихвинской
Б. Матери Городская
больница Ц: Св. Николая
Качанова

ЭТОТ ОТРЕЗОК ПАНОРАМЫ почти неузнаваем современным новгородцем. Берег Волхова был застроен зданиями Пиво-медоваренного завода в конце прошлого века, а Судоремонтного завода - в начале нынешнего столетия. Уже после войны построены (на месте не изученной археологами усадьбы Марфы Борецкой) здания бани и клуба юных моряков.

Пожалуй, только одно здание на набережной частично сохранилось - одноэтажная кирпичная постройка в торце Летнего сада. Она принадлежала к комплексу военного госпиталя, занявшего в конце 1810-х гг. место упраздненного Николо-Разважского монастыря. Еще до войны квартал военного госпиталя ограничивался с юга Садовой, а с севера - Разважской улицами, но после войны, когда по нему безжалостно прокатился каток разрушения, квартал не был возобновлен: на его территорию расширили Летний сад.

Более узнаваем дальний план. Здесь видны купола

церкви Федора Стратилата на Щеркове улице. Много левее мы видим здание церкви Тихвинской Божьей Матери, сооруженной в начале 18 века на месте древнего Козьмодемьянского храма, а в 1819 году капитально перестроенной. Еще раз она подверглась искажению уже в советское время, когда ее здание было превращено в клуб, а колокольня снесена. У правого обреза фотографии - церковь святого Пантелеймона (или иначе - Николая Качанова), а за ней - трехэтажный каменный дом, принадлежавший в последней трети прошлого и в начале нынешнего века новгородскому уездному земству. Теперь оба сохранившихся, но основательно перестроенных здания занимают больничные помещения.

На переднем плане - горло Федоровского ручья, жилые дома в начале нынешней набережной Александра Невского и... дрова, дрова, дрова... Дрова на барже у набережной ручья, дрова в поленницах у домов. Город сжигал каждый год в своих печах многие десятины леса.

Часовня
Прав. Иулианин

Духовъ монастырь

Ц: Св. Апостоль Ц: Св. Лазаря
Петра и Павла

Монастырь
Сыровъ

И СНОВА ГЛАЗ не обнаруживает привычной панорамы волховского берега, ныне сплошь застроенного зданиями Дмитриевской улицы, бессмысленно-эклектическим чудовищем театра драмы и мрачными корпусами гостиницы «Интурист». Резко изменился и дальний план. У левого края снимка видна несуществующая ныне часовня св. Иулиании, построенная в 1857 году над могилой матери умершего в 1392 году новгородского юродивого Николая Качанова. Рядом с ней, но уже за валом - постройки Духова монастыря: собор, занятый ныне областным архивом, и трапезная существуют, а великолепная, стройная, как бы летящая ввысь колокольня - увы, уничтожена отподъ не военным шквалом.

Правый край фотографии демонстрирует три древние церкви, находящиеся также за валом Окольного города. Слева - великий шедевр новгородской архитектурной школы храм Петра и Павла в Кожевниках 1406 года. После реставрации он обрел

изначальный вид. Здесь же мы видим позднее пофронтонное покрытие и неказистую колокольню, которая все же могла бы избежать вынесенного ей еще до войны смертного приговора. Справа - соборный храм Николо - Бельского монастыря в общей ограде со Звериным монастырем, к которому были приписаны церкви упраздненной Никольской обители. А между ними - чудовище, под стать нынешнему театру драмы, церковь праведного Лазаря, которую в новомодных формах середины 19 века спешно возводили на месте прекрасной одноименной церкви 14 века, пожалев средств на ее восстановление. Новая церковь Лазаря была снесена в 1920-х годах, никем не оплакиваемая.

На переднем плане запечатлен характернейший для губернского города прошлого столетия квартал жилых домов, на месте которых возник не менее характерный для областного города нынешнего столетия квартал стандартных безликих девятиэтажек.

Торговая сторона

Ц: Иоанна
БогословаЦ: Св. Благов. Князей
Бориса и Глеба

В ЦЕНТРЕ дальнего плана снимка - церкви Иоанна Богослова на Витке и Бориса и Глеба в Плотниках, еще не лишившиеся колоколен. Правее - берег Волхова, превращенный ныне в набережную Александра Невского.

На переднем плане мы видим, в каком плачевном виде кремлевская стена на участке, примыкающем к Владимирской башне. И все же здесь она была в

лучшем состоянии, нежели у Дворцовой башни, где обрушилась незадолго до этой фотосъемки. За ней на берегу Волхова одноэтажное, частично сохранившееся госпитальное здание, несохранившийся строгий корпус Провиантского магазина с полосатой будкой часового при нем и строения «Владычного островка».

Ц: Тихвинской Бож. Матери Ц: Св. Великомуч. Никиты Ц: Рождества Богородицы

НАД СТРОЕНИЯМИ «Владычного островка» - горло Федоровского ручья. Справа от него каменные торговые бани, а перед ними пристань городского перевоза. Еще правее - вдали - храм и колокольня Тихвинской церкви на Красном поле, недавно удачно отреставрированной, а вблизи - церковь Никиты Мученика, сохранившая главное храмовое здание с приделами, но лишенное колокольни. За ним церковь

Рождества Богородицы на Молоткове, нынешний центр старообрядческой общины, а справа от нее пожарная каланча на Федоровском ручье, с которой была снята панорама Софийской стороны. Здания на берегу Волхова давно не существуют. На их месте - корпуса «завода полупроводников», для которого в свое время почему-то не нашлось менее значительного в историческом отношении участка.

Торговая сторона

Ц: Св. Федора Стратилата Новгород. Ц: Св. Дмитрия Колокольня
Гимназия Салунского Ц: Св. Д. Салунск.

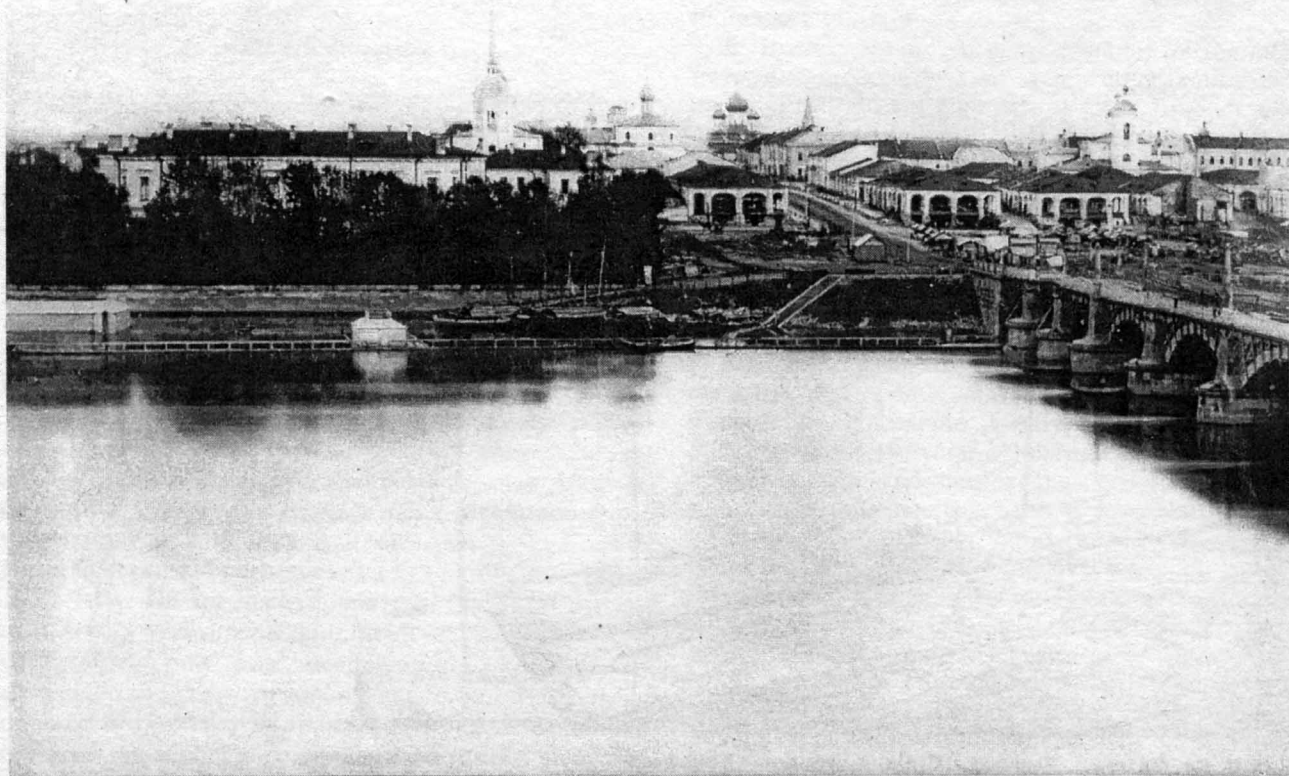
Ц: Св. Климента

У ЛЕВОГО ОБРЕЗА фотографии - церковь Федора Стратилата на Ручье и, вероятно, самое большое новое здание Новгорода середины 19 века - мужская гимназия (перестроенная, она теперь вошла в состав «завода полупроводников»), за которой возвышаются купол и колокольня церкви Дмитрия Солунского. Перед гимназией - угол Лерховского бульвара (набережной Волхова) и Буяновской улицы. Стоящее здесь двухэтажное подворье Хутынского монастыря не сохранилось (на его месте после войны была построена ныне ликвидированная гостиница «Ильмены»), но — часть этого подворья — двухэтажный отдельно стоящий домик сохранился. Перед главным зданием

Хутынского подворья деревянный павильон Новгородской пристани.

Квартал между берегом Волхова, Буяновской, Дворцовой улицами и Путевым дворцом, за которым виден купол церкви св. Климента, смела война. Правда, еще в послевоенные годы существовал стоявший на углу Буяновской и набережной одноэтажный с мезонином домик подворья Деревяницкого монастыря, но затем и он был снесен, уступив место большому жилому дому с сапожной мастерской в первом этаже. Погибли вместе с этим кварталом и остатки древних хором 15 века, очень поверхностно изученных перед самой войной, в 1938 году.

Торговая сторона

Штабъ Резерв. Дивизіи
1 Ар. Корпуса

Ц: Св. Іоанна
Крестителя

Ц: Преображ.
Госодня

Ц: Св. Великом.
Георгія

Соборъ Знаменскій
съ колокольнею

Гостинный
дворъ

Ц: Успенія Бож.
Матери

ЛЕВЫЙ КРАЙ ПАНОРАМЫ занят Путевым дворцом, построенным для Екатерины II, но использованным затем для нужд военного управления Новгородской губернии. В 1862 г. оно было занято Штабом Резервной дивизии 1 Артиллерийского корпуса. За ним - здание храма Ивана Предтечи на Торгу, маркированное на снимке несуществующей ныне колокольней. Правее - на дальнем плане, вдали, - купол церкви Спаса на Ильине, а вблизи - церкви Георгия на Торгу. Еще правее, вдали, - пятиглавие и колокольня Знаменского собора. На переднем плане - корпуса торговых рядов, руины которых были разобраны в послевоенные годы (небольшой сохра-

нившийся огрызок занят сейчас выставкой-магазином кустарных изделий), а еще ближе к Волхову - деревянные навесы рынка. За торговыми рядами видна несуществующая ныне колокольня церкви Успения на Торгу, а за ней внимательный глаз разглядит красную линию застройки восточной стороны Б. Михайловской (ныне Б. Московской) улицы, сохранившейся на всем протяжении от Ильиной до Никольской. На фотографии виден угловой дом (в нем сейчас помещается отделение сбербанка) и высокий дом против церкви Параскевы Пятницы.

Городская
думаЦ: Св. Параскевы
ПятницыСоборъ Николо-
ДворищенскійЯрослава
башняСоборная
колокольняЦ: Св. Великомуч.
ПрокопіяЦ: Женъ
Мироносицъ

Ц: Св. Благовѣщенія

Ц: Св. Михаила
Архангела

Гостинный дворъ

Ц: Св. Апостолъ
Петра и ПавлаЦ: Св. Пророка
Ильи

НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ - Волховский мост, построенный в 1830 году и в сохраненном фотографией виде просуществовавший до начала нынешнего столетия, когда он был сменен новым с обезобразившими город высокими фермами. Новый мост, разрушенный во время войны, не только сохранил старые каменные опоры, но и обелиск с надписью «Отстроен 1830 года в царствование императора Николая Первого». Ныне на этом месте возведен «горбатый» пешеходный мост, заимствовавший от своего предшественника самые дурные качества. У входа на мост видно существующее и ныне небольшое каменное здание.

Весь противоположный берег занят массивом Гостиного двора 17-18 веков, северная линия которого была перестроена под трехэтажное здание Городской думы. Руины Думы и Гостиного двора были

разобраны в послевоенные годы, когда почти полностью уничтожили и аркаду Гостиного двора, восстановленную затем по всей береговой, южной и частично северной линиям, что предотвратило на территории Ярослава дворища многоэтажную застройку современными зданиями. На заднем плане видны церковь Параскевы, Воротная башня Гостиного двора конца 17 столетия, Никольский собор и его колокольня, церкви Прокопия, Жен Мироносиц, Благовещения, Михаила архангела, известный каждому новгородцу «дом Кузнецова» на Никольской улице, церкви Петра и Павла на Славне, Ильи Пророка с несуществующей ныне колокольней.

А перед Гостинным двором - неразлучные с ним баржи с товарами.

СОБОР, ТВОРЯЩИЙ ЧУДЕСА

НИКОЛЬСКИЙ СОБОР на Ярославовом дворце заложен в 1113 году по повелению князя Мстислава Владимировича. Первая новгородская летопись говорит об этом так: «В сем же лете победи Мстислав на Бору чюдъ. В то же лето заложена бысть церкы Новгороде святого Николы». Новгородская третья летопись дополняет это сообщение следующей подробностью. Тяжело заболевший Мстислав обратился в молитве к святому Николаю Чудотворцу с просьбой об исцелении. И чудесно обретенная икона Николы Мокрого исцеляет князя, он помещает ее в возведенном храме.

Возможно, еще одной причиной было вокняжение в Киеве отца Мстислава - Владимира Мономаха в апреле 1113 года.

Постройка храма во имя святого Николая Мирликийского, по-видимому, не случайна. Николай Чудотворец всегда почитался на Руси как один из любимых святых. Он был всеобщим заступником, утешителем, избавителем в бедах, защитником всех плавающих и путешествующих. Пользовался он особым почитанием и в купеческих кругах. В день Николая Чудотворца совершались торговые сделки и расчеты.

Закладывая Никольский храм, Мстислав не только укреплял княжескую власть в боярских кругах, но и заручался поддержкой купечества, сильного и влиятельного слоя жителей Новгорода.

Говоря о храме, нельзя не сказать об его ктиторе (заказчике).

Князь Мстислав, прозванный современниками Великим, был яркой и значительной фигурой в истории Древней Руси. Старший сын Владимира Всеволодовича Мономаха и Гиты — дочери английского короля Гаральда, погибшего в битве при Гастингсе, — родился в 1076 году, а в Новгород он отправлен своим дедом Всеволодом в 1088 году, в возрасте двенадцати лет, с 1093 по 1095 год управлял землями Ростовской и Смоленской, в Новгород вернулся в 1095 году и княжил до 1117 года.

Об отношении новгородцев к своему князю свидетельствует такой факт. В 1102 году князь Святополк

Киевский хотел отправить на Новгородское княжение своего сына. Новгородские послы недвусмысленно заявили великому князю, что если у его сына две головы, то пускай присылает, а у них есть свой князь (Мстислав), ими вскормленный.

Мстислав был дважды женат. Первый раз - на шведской принцессе Христине, дочери короля Инга Стенкильсона, второй - на дочери новгородского посадника Дмитрия Завидовича. Свою дочь он выдал за шведского короля Сигурда. Сыновья Изяслав и Ростислав тоже являлись киевскими князьями, а Всеволод княжил в Новгороде с 1117 года и был изгнан в 1136 году.

Будучи князем, Мстислав проявил себя талантливым полководцем и мудрым политическим деятелем. В Новгороде он строит церковь Благовещения на Городище (1103 г.), храм Николая Чудотворца (1113 г.), ведет строительство каменных укреплений Новгорода и Ладоги (1116 г.).

В 1117 году Мстислав призван отцом в Киев, в качестве князя Белгородского, а в 1125 году становится великим князем Киевским. В Киеве во имя своего святого построил церковь Федора (1129 г.) и заложил церковь Пресвятой Богородицы Пирогощей (1131 г.). Благодаря Мстиславу к Киеву присоединилось Полоцкое княжество (1127 г.). Только после смерти Мстислава Великого в 1182 году началось раздробление Киевской Руси.

НО ВЕРНЕМСЯ К ИСТОРИИ Никольского собора. Как уже сказано, строительством храма в жанре государственно-соборной архитектуры князь упрочил свое положение в Новгороде. Сохраняя традиции южнорусской архитектуры (четыре крепчатых столба, четко изолированный нартекс, чередование окон и декоративных ниш на фасадах), он внес деталь, которая резко отличала храм Николая Чудотворца от его архитектурных современников. Эта деталь - пятиглавие, которое в Киеве в то время уже не применялось.

В своем плане Никольский собор в общих чертах совпадает с церковью Благовещения на Городище (1103 г.), построенной Мстиславом в своей загородной резиденции. Но есть и известные различия. Церковь Благовещения имела лестничную, квадратную в плане башню, примыкающую к северной стене нартекса (западного изолированного членения). Никольский собор первоначально башни не имел, что порождало немало вопросов среди исследователей о способе попадания на полати. М. К. Каргер еще в 1946 году предположил, что на хоры пробирались по деревянному переходу из княжеского дворца.

Вообще, изучение Николо-Дворищенского собора началось в 1910 году, во время ремонта храма, когда П. П. Покрышкин обнаружил фреску «Иов на Гниище», которая позже была расчищена под руководством профессора Н. П. Сычева.

В 30-40-е годы на территории Ярославова дворца проводились археологические раскопки под руководством А. А. Строкова и А. В. Арциховского.

Шурфы у стен храма позволили узнать глубину заложения и конструкцию фундамента.

В 1947 году под руководством архитектора НСРПИМ Ю. Э. Крушельницкого проводились схематические обмеры и исследования, на основании которых был составлен отчет.

М. К. Каргер, проводя раскопки в 1969 году, обнаружил остатки лестничной башни, которая была встроена в южный компартимент нартекса во второй половине XII века.

В течение 1976-79 годов, во время ремонтных работ, проводились архитектурно-археологические и инженерные исследования под руководством Г. М. Штендера. Они дали большой материал о степени сохранности древних форм и конструкций собора, перестройках и ремонтах, а также об его инженерно-техническом состоянии. На основании натурных исследований, а также исторической справки, составленной С. И. Сивак, был разработан эскизный проект реставрации.

Основными результатами исследований 1976-79 годов, археологических исследований 1988 года, а также исследований, проводящихся во время реставрационных работ 1994-95 годов, явилась возможность реконструировать технологический процесс возведения собора, наиболее оправданно и точно воссоздать архитектурные формы и конструкции, утраченные во время поздних перестроек. Особенно это выразилось в осмыслении швов-захваток, что позволило прояснить многие загадки других памятников домонгольской Руси.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ И НАТУРНЫЕ исследования позволили достаточно точно представить жизнь собора в течение 880 лет.

Первая крупная перестройка, очевидно, была связана с пожарами 1149-1152 годов. Тогда была встроена лестничная башня, поднят уровень пола, устроена крещальня в северном членении нартекса, заменены столярные заполнения.

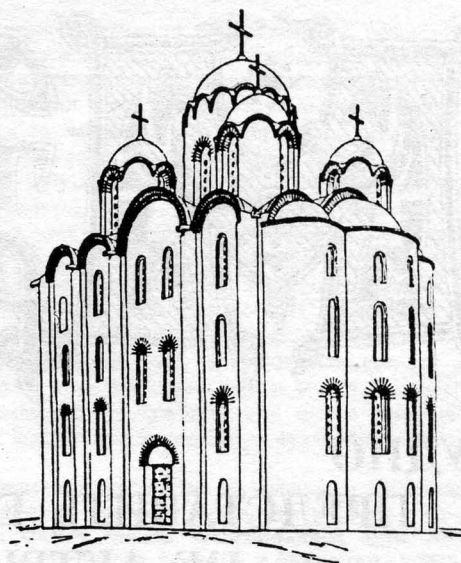
После пожара 1217 года были устроены кирпичные вставки в окна, превратившие их в более узкие.

В первой половине XIV века проводились работы по вычистке оконных проемов, устроен притвор у западного прясла северной стены, а также изменена форма завершения фасадов, возможно, с заменой свинцовый посводной кровли на черепичную. Были также частично переделаны окна на барабанах.

Часто повторяющиеся пожары влекли за собой новые ремонты и перестройки. После пожара 1461 года в соборе появился подклет. То есть, устроено междуэтажное перекрытие в виде настила из деревянных плах или бревен. Также был устроен придел Варлаама Хутынского с деревянной главой и опять переделаны окна первого яруса на фасадах. Тогда же построили деревянную западную паперть.

16 мая 1679 года в подклете загорелась хранившаяся там пенька, в результате чего деревянное перекрытие сгорело.

В 1682 году решено устроить новое междуэтажное сводчатое перекрытие, а в 1688 году построена

Г. М. Штендер.
Реконструкция на 1113 г.

каменная западная паперть.

В начале XVIII века были разобраны малые барабаны и лестничная башня. Это, вероятно, связано с неблагоприятным инженерным состоянием храма. После многочисленных пожаров сгорели дубовые связи, гасящие распор сводов. Ситуацию усугубило неравномерное проседание фундаментов. Все это выразилось в трещинах на сводах и стенах, которые мы видим и поныне. Кстати, это было главной причиной необходимости реставрационных работ. Кроме того, оказалось, что лестничная башня была поставлена без фундамента прямо на пол из каменных плит, что, естественно, привело к деформациям.

В начале XIX века сооружены западная и северные пристройки. В 1836 году художник Герасим Веригин расписал собор, а пришедший в негодность кирпичный пол заменили чугунными шестигранными плитками. К 300-летию дома Романовых, в 1910 году, устроен ремонт под руководством известного реставратора П. П. Покрышкина. Ремонт храма произведен и в 1947 году, причем была разобрана маленькая глава XVIII века.

В настоящее время проводятся реставрационные работы, финансируемые Новым ганзейским союзом при посредничестве отдела по реставрационному наследию при администрации Новгорода. Проектные работы и авторский надзор ведутся силами новгородского дочернего предприятия института «Спецпроектреставрация». За непосредственно ремонтно-реставрационные работы взялись специалисты Новгородского специального научно-реставрационного управления.

Окончание реставрационных работ, при условии ритмичного финансирования, предполагается завершить в конце 1996 года.

Владимир ДРУЖИНИН,
главный архитектор новгородского
дочернего предприятия «Спецпроектреставрация», научный руководитель реставрации
Никольского собора.

ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ ЕЕ НЕ АКТРИСОЙ

Задумав серию очерков о ныне работающих актерах новгородского театра, своего рода «галерею портретов», я оказался перед выбором: с кого начать? С самых «маститых», самых старших, или же, напротив, по восходящей: с начинающих, с менее известных? Или, может быть, с самых заслуживающих внимания, самых одаренных (с моей точки зрения)? Но ведь у каждого зрителя свой взгляд на этот вопрос, свои пристрастия. И, кстати, у каждого, буквально у каждого актера, какое бы положение в театре он ни занимал, есть свой зритель и свои поклонники. К сожалению, все эти критерии весьма далеки от конкретности (как и многое на театре). Но поскольку начинать все равно с кого-нибудь нужно, мы решили начать с актрисы, которая достаточно давно (хотя и не очень давно) работает в нашем театре, которая уже не «молодежь», но еще и не «старшее поколение», которая хоть и не имеет регалий, но является одной из ведущих актрис театра, и которая, в конце концов, женщина, и как женщина имеет привилегию войти первой.

Итак, разрешите представить: актриса Новгородского областного театра драмы **ЛИЛИЯ СЕРГЕЕВА**.

По Азовскому морю, вблизи Мариуполя, еще несколько лет назад плавала красивая белая парусно-моторная яхта «Лилия». Ходила она и до Азова, и планировался более далекий маршрут: вверх по Дону, через Волго-Донской канал - до низовий Волги. Построил ее своими руками в столярке Мариупольского (Ждановского) драматического театра Анатолий Иванович Сергеев и назвал парусник именем своей любимой дочери.

Лилия, чье имя носила белоснежная яхта, ныне - актриса нашего театра Л.А. Сергеева; а история этой яхты завершилась печально и красиво, в духе романтической баллады. Когда отец Лили был уже при смерти, родные решили продать яхту. Он умолял не делать этого, говорил: «Лучше утопите, но не отдавайте «Лилию» в чужие руки». Однако, когда

он умер, яхту все-таки продали. Но и воля умирающего исполнилась: в первый же свой рейс после покупки новыми владельцами «Лилия» попала в шторм и затонула...

Роль отца в жизни Лили трудно переоценить. Театр-его мир-стал и ее миром. Школу профессии она проходила с детства в театрах, где он работал, под его руководством и влиянием, при его партнерстве, на его примере. В одном интервью, будучи 25 лет от роду, Лили сказала: «...Отец остается для меня примером всегда. У нас много говорят об идеалах. Так вот, мой идеал актера - отец. Замечательный артист, удивительной души человек. Работать вместе с ним в театре - это наслаждение!»

Отец ее обожал, хотя и воспитывал в относительной строгости. Передо мной лежит старый прошнурованный школьный альбом для рисования, на первой странице которого рукой Анатолия Ивановича аккурратно выведено: «Знаменательные даты Сергеевой Лилии». Это - бесценный источник для будущих биографов актрисы, там есть все о ее раннем детстве: в каком весе родилась, когда появились первые зубы, когда посетила мавзоль Ленина, когда и с кем завела первый роман в детских яслях... Судя по первым строкам этой летописи, родилась Лилия в городе Ханты-Мансийске, на севере Западной Сибири, у полярного круга.

- Такое впечатление, - говорит она, - что ханты-мансийский театр был создан специально для того, чтобы я родилась в этом городе. Открыли его где-то за полгода до моего рождения. Родители приехали туда работать, потом родилась я, а еще примерно через год театр закрыли и уже больше никогда не открывали.

- Мама тоже была актрисой?

- Нет, мама ездила за отцом и устраивалась на любую работу. За годы их совместной жизни она была и учительницей младших классов, и воспитателем в детском саду; работала в театрах - реквизитором, суфлером, когда суфлеров упразднили - помрежем. Вообще, вся наша жизнь была подчинена папиной работе, то есть - театру.

- А когда ханты-мансийский театр закрыли?

- Папа поступил в театр города Пинска, где я прожила до семи лет.

- Там и произошла твоя первая встреча с театром?

- Да. Первые яркие впечатления, которые навсегда врезались в память - от спектакля «Испанцы» по Лермонтову. Некоторые эпизоды до сих пор у меня перед глазами: прыжки в огонь с высокого станка, буфафорский нож, клинок которого при ударе входил в рукоятку, а казалось, будто он погружается в тело... А вообще, я была очень театральным ребенком: с малых лет обожала танцевать, петь, представлять кого-нибудь...

Да, согласно отцовской «летописи», уже в неполные два года «танцы для Лили - это все!» А в неполные три - «в репертуаре уже - танцы народов Дагестана», «знает несколько песен и стихов». А чего стоит первый выход Лили на сцену! Как истинно «закулисный» ребенок, она чуть ли не наизусть знала весь репертуар театра. Однажды в антракте какого-то спектакля, после первого акта, пятилетия Лили вышла на сцену и пересказала изумленной публике содержание второго акта. Хохот стоял гомерический, первый выход на сцену

обернулся небывалым сценическим успехом (тоже первым). На следующий день ее вызвал в свой кабинет главный режиссер и спросил: «Кем ты хочешь быть?» На что получил однозначный ответ: «Артисткой!» Далее последовала краткая лекция в доступной ребенку форме о сценической этике; все завершилось вручением плитки шоколада (первые лавры!) и добрыми пожеланиями. Вот так впервые в жизни Лилию Анатольевну вызывали «на ковер» к театральному руководству.

В первый класс она пошла уже во Владивосток, где тогда работал Театр Краснознаменного Тихоокеанского флота. Потом базу флота (а вместе с ней и театр) перевели в Сов. Гавань, и во второй класс Лилия пошла уже там. Этот город и стал городом ее детства, ее первого театра, ее творческого становления. Здесь она стала актрисой, как и обещала главному режиссеру пинского театра.

- Когда это произошло?

- Практически сразу после школы. Хотя, и учась в школе, я уже выходила на профессиональную сцену.

- Где ты получила образование?

- В театре.

- Но хоть какое-нибудь учебное заведение оканчивала?

- Училась в Дальневосточном педагогическом институте искусств, но с третьего курса была отчислена. Пострадала «за правду». Завелась у нас на курсе сексотка, как тогда говорили, и мы решили устроить ей «темную». Сама-то я в экзекуции не участвовала, но стояла «на дверях» и громче всех кричала: «так тебе и надо», «мало ей» и все такое.

Потом было институтское комсомольское собрание, все покаялись, а я нет. Вот так и «пострадала», но не сильно об этом пожалела. Потом меня приглашали в училище искусств в Хабаровске, но туда я не пошла по двум причинам. Во-первых, меня уже взяли во вспомогательный состав театра флота, и мне было жаль бросать работу в театре ради учебы. А во-вторых, смущала аббревиатура.

- То есть?..

- Вот ты что оканчивал?

- Ярославское театральное училище.

- Сокращенно - ЯТУ, правильно? А представь теперь, как бы звучала в сокращенном виде моя alma mater - Хабаровское училище искусств!..

Проработав до 25 лет в Сов. Гавани, Лилия перебралась в Латвию, в Лиенаю, в другой флотский театр. На этот раз - театр Балтийского флота.

- Флотские театры - это особый случай. Если не считать премьерных спектаклей, на которых бывали офицерские жены, аудитория всегда - почти на сто процентов мужская. Бывало, перед началом спектакля замполит громко приказывает: «Не кашлять, не сморкаться, не смеяться!» Ну вот, играешь комедию, а они и не смеются, - воинская дисциплина не позволяет...

Годы работы в Лиенае актриса считает временем становления личности, духовного роста, переоценки ценностей.

Там она впервые прочла недоступный многим «Архипелаг ГУЛАГ», там обрела лучших своих друзей, там же рассталась «с прежними иллюзиями». После Лиенаи закончился длительный период флотских театров, и началась работа в обычных: Жданов, Могилев и, наконец, в 1982 году Новгородский областной театр драмы принял в состав труппы актрису Л.А. Сергееву.

- Кстати, Лилия, ты ведь уже, мягко говоря, не первый раз замужем, как же ты через все замужества пронесла нетронутой фамилию отца?

- Еще в детстве я решила всегда быть Сергеевой. Вот только, мечтала я, если судьба сведет меня с человеком по фамилии Ценский, я буду Сергеева-Ценская. Мне очень хотелось встретить какого-нибудь Ценского. И, представь, я встретила! Но он оказался, ну, таким уж «близким» («близкий» на лилином языке значит «недалекий»), что я предпочла остаться просто Сергеевой.

Едва переступив порог нашего театра, Лилия Анатольевна сразу же получила роль Бабы Яги в «Двух кленах» Шварца. Ее серьезное, «без дураков», отношение к роли, ее постоянная готовность к работе, активность, неуемная фантазия, способность мгновенно включаться, закреплять наработанное или же, при необходимости, отказываться от него и, наконец, результат - прекрасно сделанная роль - уже тогда, при первом знакомстве, показали нам главное качество актрисы, ту сценическую добродетель, которую признают за Лилией все, кто с нею работал: высокий профессионализм.

Что греха таить, актерская жизнь - не сахар. Бывают, кроме хороших ролей, еще и малоинтересные роли, и вообще не роли, а так - присутствие на сцене. Бывают и другие сложности: взаимное непонимание с режиссером, преодоление «не своего» материала, и т. п., и т. п. Так вот, работы Лилии Сергеевой (как и любого актера), конечно, не равнозначны: что-то лучше, что-то хуже, но нигде - ни в роли, ни в бессловесной массовке, ни при каком режиссере, ни в какой драматургии - я ни разу не видел Лилию беспомощной. На сцене она всегда интересна, и все, что можно выжать из самого, казалось бы, бессодержательного материала, она выжимает. На сцене она чувствует себя в своей стихии. «Когда меня хвалят слишком восторженно, - говорит Лилия, - мне становится неловко и немножко неприятно: я

знаю, где и когда я обманула». «Обмануть зрителя так, чтобы зритель поверил, - это ли не суть актерской профессии? Острохарактерная, яркая, подвижная, обладающая развитым чувством юмора и способная применить его на сцене, она умеет не только купаться в «своем» материале, как например, в «Декамероне», но и быть заметной, выразительной где-нибудь в группе скоморохов (в «Марфе...»)

или в толпе («Смерть Иоанна Грозного»).

- Лиля, как ты научилась хорошо играть плохие роли?

- Опять же - благодаря отцу. Я была со второго класса активной участницей театрального кружка, которым он руководил, и, поскольку он считал, что некрасиво давать лучшие роли собственной дочери, я и переиграла там все, что было похуже.

- Судя по твоим рассказам, роль отца в формировании актрисы Сергеевой была решающей?

- Он дал мне много. Я вообще глубоко благодарна своим родителям за то, что они никогда не отговаривали меня быть актрисой, а, напротив, всячески помогали стать ею. Но то, что я сейчас из себя представляю как актриса - это результат собственной работы, собственной жизни в театре: я сделала себя сама. И очень горжусь этим.

- Считаешь ли ты себя хорошей актрисой?

- Да.

- Какие из сыгранных ролей, на твой взгляд, самые удачные?

- Верочка в «Последних» Горького (Сов. Гавань), Мария в «Самоубийце» Эрдмана (Новгород), Зина в «Почти рождественском рассказе» Аكوпова (Новгород).

- Приятно, что две трети твоих наивысших достижений приходятся на Новгород. А к стати: чем отличается новгородский театр от других твоих театров?

- В каждом театре я непременно играла Аленушку. Кроме Новгорода.

Лиля считает, что уж с чем ей не везло в театре, так это с серьезным классическим репертуаром, а как раз Аленушек и всяких мальчишек (особенно мальчишек) она наигралась вволю. Еще одна из ее любимых ролей - Вова Пестиков («Сомбреро» С. Михалкова). На зрительской конференции «мальчиком, наиболее похожим на мальчика» в этом спектакле юные ленинградцы единодушно признали Лилю.

- Лиля, откуда в тебе это?

- Не знаю. Папа очень хотел девочку. Но когда я родилась, стал воспитывать меня как мальчика: брал

с собой на рыбалку, на охоту. Я неплохо стреляла, плавала, лазала по деревьям...

- Среди актеров есть у тебя кумиры?

- Джульетта Мазина.

- Среди режиссеров?

- Феллини.

- А любимый режиссер из тех, с кем работала?

- Валентин Сергеевич Варецкий.

Напомню: В.С. Варецкий ставил в нашем

Лилия СЕРГЕЕВА в сцене из спектакля «Аленький цветочек»

театре «Одиссею последнего романтика» («Доходное место») Островского и «Три сестры - совершенства» Касона.

- Не будь сцены, кем бы ты могла стать?

- Может быть, дизайнером. Я, мне кажется, чувствую атмосферу, обладаю определенным вкусом и чувством меры. Но мне трудно представить себя не актрисой...

Лиля довольно проста в общении. Бог одарил ее изрядным чувством юмора и острым языком, что называется - «палец в рот не клади». В ее доме поражают две вещи: прежде всего - гостеприимство (прямо-таки ритуальное, сродни священному гостеприимству древних) и изящество, с каким обставлен дом (не зря она говорила о дизайне). На стене висит вымпел «Лучшей доярке» - остаток некогда роскошной коллекции плакатов, объявлений и прочей наглядной агитации. Лиля очень общительна, открыта, редко замыкается в себе, при

желании может поговорить кого угодно. Обожают наводить порядок: «Я все делаю с удовольствием: шью, стираю, даже мою полы».

- Лиля, у тебя есть какая-нибудь неосуществленная актерская мечта?

- Конечно. Сыграть леди Макбет.

- Почему именно ее?

- С добром все ясно, а вот со злом - нет. Что движет человеком, который сознательно совершает зло? Отчего просыпаются дремлющие в нем темные силы? Я все, что делаю на сцене, пытаюсь вытащить из себя, и не боюсь обнажиться таким образом. Мне интересен человек во всех его ипостасях, и тем более - в самых темных.

Что ж, будем надеяться, что когда-нибудь исполнится и эта мечта актрисы, что сцена не останется в долгу у своей верной служительницы и сторицей вознаградит ее за отданную театру жизнь.

Алексей ПШАНСКИЙ,
зав. литературной частью
Новгородского областного театра драмы.

«...ЭТУ МУЗЫКУ БЛЕСКА ВПИВАТЬ...»

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ НЕПОВТОРИМОМУ ХУДОЖНИКУ, более 20-ти лет создававшему свои произведения на Чудовском стекольном заводе «Восстание», участнику десятков художественных выставок в нашей стране и за рубежом, чьи произведения хранятся во многих музеях, в том числе Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Праги и в частных коллекциях в России, во многих странах мира, - **Евгений Владимирович ВИХРОВОЙ** (Рыльковой) в октябре 1995 года исполнилось 50 лет. Евгения Владимировна родилась в Ленинграде, окончила Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Мухомовой (ныне Санкт-Петербургская Академия), где она и преподает в настоящее время на кафедре стекла факультета декоративно-прикладного искусства. С 1971 года - участник областных художественных выставок. С 1977 года - член Новгородской организации Союза художников России.

Золотое кудрявое кружево осени. Легкий воздушный узор паутинок. Клены протягивают тебе навстречу свои яркие разноцветные ладони, впитавшие в себя горячность солнца и все краски огня. И мягким желто-оранжевым ковром ложатся под ноги. И ты оторопело, в восторге, замираешь, боясь наступить на эту красоту... А когда зажгутся вечерние фонари, добавляя осеннему золоту оттенки электрического огня, все снова преобразается, становясь таинственным. Заманчивая игра в свет и тень, день и ночь...

Вы можете подумать, что в задумчивости гуляю я в каком-то старом парке или городском саду. А ведь это и впрямь прогулка, но только в саду фантазий Евгении Вихровой. В саду фантазий на стекле. Они и приводят тебя в страну трав и звуков, таинственных замков и спящих царевен. Какое детское воображение не рисовало эти сказочные, прекрасные, чарующие образы, волшебные страны, где обитают прелестные принцессы, ради которых устраиваются балы и рыцарские турниры, звучит музыка и кружатся в странном плавном танце пары в нарядах, великолепие которых заставляет вас замереть в восторге.

Все мы были детьми и мечтали. А потом, взрослыми, редко возвращаемся к нашей фантазии - да и то с ироничной улыбкой. А Евгения сохранила способность постоянно жить в этих фантазиях и - более того - делать их явными и для нас. Ее стекло, ее росписи, как поэзия. В них законченность и гармония, и, как писал один искусствовед, «они ассоциируются с блоковским Петербургом, с шелками и туманами, с его прекрасной Незнакомкой...»

«Петербургские сумерки снежные,

Взгляд на улыбе, розы в дому...»

Дотрагиваясь тончайшей кистью до стекла, Евгения Вихрова преображает его во что-то очень драгоценное, неповторимо прекрасное. Собственно, создавать произведения высочайшего искусства на хрупком стекле - пожалуй, немалая смелость художника. Заведомо знать, что стекло не вечно. Далеко не вечно... Но в этом - щедрость таланта художника, желающего поделится с каждым, кто возьмет в руки изящный бокал или вазу, - частицей своего дара, видеть, сочинять прекрасное и передать это на стекло.

Почему именно этот хрупкий материал так увлек Евгению Вихрову, заставил посвятить ему всю свою жизнь? Его удивительные качества - прозрачность, схожая с водой или небом (рисунок словно повисает паутиной), матовость белого листа (если стекло молочное, рисунок словно ложится на белую бумагу, становясь графически четким и ювелирно тонким)... Да, да, видимо эта игра - быть разным - изначально привлекала художника.

Е. ВИХРОВА

Композиция «БЕЛАЯ ВУАЛЬ», бесцв. стекло, роспись эмалью, гутная техника, 1983 г.

В десертном наборе «Розовый ситец», созданном Евгенией ещё в 1975 году, мелкие розы вспыхнули огоньками на бесцветном стекле. Прозрачное, оно при этом словно таяло, оставляя лишь блеск отражений и давая возможность рисунку будто «висеть» в воздухе. А то вдруг тончайшие герани сплетались на стенках сосудов, свивались в венки или сплошным цветочным полем покрывали стекло, оставляя его прозрачным, и казались почти невидимыми ножки бокалов и ваз (композиции «Летний день», «Осенний сон»).

Писала она золотом, серебром, люстром, цветными эмалями на зеленом, как трава, стекле, на вишневом, как сок, на синем, как ночное небо. И всякий раз ее фантазиям не было предела. То рыжие, то серебряные, то перламутровые лепестки невиданных цветов раскрывались на глазах или превращались в драгоценные жемчужины с волосками дивных узоров.

Откуда она черпает свои фантазии? Прекрасно зная традиции византийского стекла и искусство Востока, культуру эпохи модерна, она, тем не менее, внесла в искусство стекла свое представление обо всем, свою мечту о прекрасном и добром, разработала именно свою манеру ручной росписи по стеклу. У нее есть свои приемы и свои тайны. И все же, когда ее пригласили в 1982 году на Первый Международный Симпозиум по стеклу в городе Новый Бор (Чехословакия), она свободно, на глазах сотен зрителей, тонкими кистями создала композицию «Золотой мак», приведя в восторг требовательных и искусных специалистов старейшего стекольного центра, известного всему миру. Чешские газеты писали тогда, что русская художница творила подлинное чудо. «Золотой мак» был представлен в Пражском музее и обошел многие музеи.

«Руку» Евгении можно отличить сразу по изяществу тончайшей, выполненной виртуозно и изысканно, едва уловимой росписи. Порой думаешь, что это не живопись, а мираж, на секунды созданный воображением и готовый растаять.

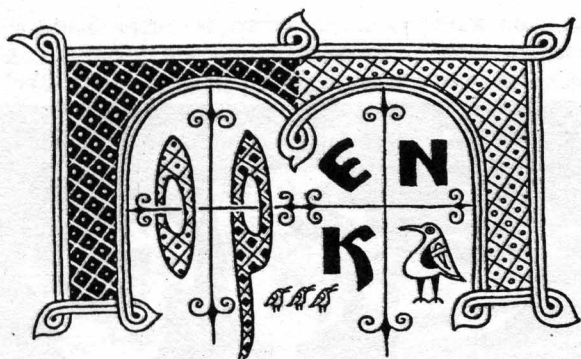
Есть у Евгении Вихровой композиция «Немое кино», в которой она обратилась к жанру портрета на стекле. Эффектные линии, «жгучие» глаза актрисы, капризные губы, красивое лицо, затененное широкополой шляпой, розы на плече, - все это создает манящий образ немого кино, самого искусства, ожидания какого-то, прямо сейчас начинающегося чуда.

Пожалуй, все искусство Евгении Вихровой похоже на немое кино: прекрасное, молчаливое и очень говорящее. Для тех, кто умеет видеть. Помните, у Блока:

«Я остался таинственно светел,

Эту музыку блеска впивать...»

Татьяна ЗОЗУЛЕНКО

полевые записи, нотации напевов
Марины БУРЬЯК

НОВГОРОДСКИЕ ПОСИДКИ

"Посидки... - сборище крестьянской молодежи по осенним и зимним ночам, под видом рукоделья, пряжи, а более для рассказней, забав и песен."

В. ДАЛЬ

...ДЕЛО В АККУРАТ К ПОКРОВУ. Пошли мы с девками ленчесать, я и сама еще в девках была. Стопила байню, только сели чесать лен, как полетели каменья в байню. Я на полог залезла - там повьще, сижу, пошевелиться боюсь. А он все палит и палит камнем. Мы бросили лен и бежать из байни. Спрятались за пуню (куда сено кладут), а он и сюда палит. Тут татенька пришел, воскресную молитву прочитал, все и утихло. Уже сколько год прошло, а все помню. Помню, как мамушка сядет со своей ровней лен чесать и запоеет про разбойника, бабы подтягивают. Они поют, а у меня слезы сами собой так и катятся:

Ой, куды сватали-то, туды не отдали,
Куды сама я шла, туды не взяли,
Ой, лели, лели, туды не взяли.
Отдал меня кормилец батюшка,
Да за вора, вора разбойника,
Да на разбой идё(т), ружо(ё) с собой бяре:

- Ты молчи, жена, то убью тебя.

- Ты не бей-ка меня рано с вечера,

Да ты убей-ка меня во полночущу,

Да пускай детушки-то спать улягутся,

Да по матрасечку да пораскачатся,

Да а утром-то ёны схватются:

- Где ж наша матушка, наша сударынька?

- Ваша матушка вы в темном лесу,

Вы в темном лесу, да под колодничкой.

Вы не плачьте, мои детушки,

Да сам срублю, срублю горенку новую,

Привяжу матку, матку молодую.

- Нам не нада горенка новая,

Да нам не нада матка молодая.

Приведи нам нашу матушку,

Приведи нам нашу сударыньку.

(А. Сенченкова, д. Хотьжа Вологовского района)

БББ

К Покрову у всех лен убран. У каждого свой овиш в поле стоит - как сеновал, в подовине - печка, сверху пол настилен, колосники (колышки) поставлены - на них лен сажали и сушили. Каждая девушка приглашает к себе молодежь в помощники: до обеда девушки треплют лен, с обеда зовут ребят мять лен, а вечером - стол приготовлен: пиво, угощение какое-нибудь. Одной девушке помогли, другая зовет к себе и стол готовит. (П. Белова, д. Кузнецово Череповецкого района Вологодской области)

Раньше складчины делали: у тебя лен мнем, у тебя и складчину собираем - пироги печем, мясо тушим, кашу гречневую варим, - так и ходит складчина из избы в избы. (А. Анисимова, д. Заполье Батецкого района)

Со льном много забот, только поспевай за ним:

Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сея, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок!»

Уж я дергала, дергала,
Я стелила, стелила ленок, ленок,
Я стелила, приговаривала,
Чеботами приколачивала:

«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок!»
(так заканчивается каждая строфа)

Уж мы мяли, мы мяли ленок,
Уж мы мяли, мяли, приговаривали,
Чеботами приколачивали.

Уж трепали, трепали ленок,
Уж трепали, приговаривали,
Чеботами приколачивали.

Уж чесали, чесали ленок,
Уж чесали, приговаривали,
Чеботами приколачивали.

Уж мы пряли, мы пряли ленок,
Уж мы пряли, приговаривали,
Чеботами приколачивали.

Уж мы ткали, мы ткали ленок,
Уж мы ткали, приговаривали,
Чеботами приколачивали.

Уж белили, белили ленок,
Уж белили, приговаривали,
Чеботами приколачивали.

Уж мы шили, мы шили ленок,
Уж мы шили, приговаривали,
Чеботами приколачивали:

«Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок!»

(И. Кононова, В. Лузанова, д. Насолок Новгородского района)

Текст хоровода сопровождается движениями, имитирующими работу со льном; для маленьких детей этот хоровод был настоящей азбукой, школой обработки льна.

К Покрову старались все убрать с земли. Пришли первые морозы, ночи стали длинными, черными, закончились ярмарки и гуляния, и молодежные хороводы перешли с улицы в избу. «Время в избе сидеть: октябрь - грязник: ни колеса, ни полоза не любит, ни на саях, ни на телеге не проедешь» (В. Ключевский «О русской истории»). Ночь на Покров - самое время загадывать жениха:

*Покров-Покровушка,
Покрой мою головушку
Или снежком,
Или женишком. —*

Так надо сказать на сон... Мне снилось: снег большущий валит - год без пары проходила.

На Покров засиживали чужаков-парней из чужих деревень: девушки шли за деревенские ворота, одна из них сбрасывала с левой ноги лапоть, и все смотрели - в какую сторону лапоть упадет носком, оттуда не будут ходить чужаки. (д. Мареево Мареевского района, экспедиция ЛГИК им. Крупской, руководитель Е. Васильева)

ПО ЛЮБОВИ ВЫБЕРУ

В МЕСТЕ С ПОКРОВОМ, с гаданиями девушек, их желанием узнать свою судьбу, суженого, начинались на Новгородчине первые сборы молодежи в избе - посиделки, посидки, посидушки, супрядки, беседы, беседки, вечера, вечеринки, вечорки (в каждой деревне - свое название, а иногда и не одно, а несколько).

Раньше с Покрова **посидушки** делали: вся молодежь в одной избе собиралась. На **посидушках** пряли, ленца ходили, кадсель танцевали, в игры играли, на круг вызывали. На **посидушки** брали лет с пятнадцати. (А. Фролова, д. Вдаль Парфинского района)

Посидки большие были, молодежи-то много! Было две маленькие - подростковые и две большие **посидки**. Для **посидки** нанимали избу, платили деньгами. На **посидку** приходим с прялками, прядем. Приходят ребята с гармонью, кадсель играем: меня пригласят - я прялочку ставлю под скамейку и иду в кадсель. Кадсель схожу, опять сижу с прялочкой и кавалер рядышком сидит. (Е. Алешина, д. Мокрый Остров Крестецкого района)

У кого больше молодежи в семье, у того и **посидка** заводится. День у одних, день - у других... **Посидка** собиралась только раз в неделю с субботы на воскресенье или с воскресенья на понедельник и в праздничные дни.

Женщины ходили смотреть, как гуляют их дети - стоят у дверей и глядят. Если что не так, жди наказания дома. А парни и при них, бывало, раздерутся, лампы все разобьют и разгонят всех.

В **Святки** - святочные **посидки** - вся наша молодежь уходит гулять в другие деревни. (А. Александрова, д. Воробейка Новгородского района)

С Покрова откупаем деньгами большой дом, из года в год один и тот же. Взрослые (с 18-ти лет) себе откупают, маленькие (с 10-ти до 18 лет) - себе, и каждый вечер идем с прялками. Раньше не сидели с пером, а рубили топором! Или лен треплешь, мнешь, или прядешь - все время с работой. Избу перед

посидкой и после нее мыли по очереди, приносили лампы керосиновые, чтобы светло было.

Посидка каждый день была, а в воскресенье - без работы - пляски, игры. В праздничные **посидки** идем гулять, где какой праздник: днем по деревне гуляем, а вечером - в избе. На праздник к себе гостей приглашали, оставляли на ночлег, а когда у них праздник - они тебя приглашают.

С Рождества - **навозы** (когда молодежь привозят): по две недели гуляли то в одной, то в другой деревне. **Святки** в Войцах гуляли: деревня богатая, рыбная. Здесь уж никакой **посидки** нет, только пляски. В Масляницу днем катались на лошадях, вечером - пляски в избе, а ночью - катались на санках с горы. Масляница пройдет, и **посидка** сгорит. (М. Михайлова, д. Гостицы Новгородского района)

У нас три **посидки** было: взрослые (18-22 года) и одна до 18-ти лет. Откупали дом, собирались и пряли. С шести часов вечера приходили парни из нашей деревни, из соседних деревень и кричали: «**Прялки в кузну!**»

Мы откладывали **прялки**, плясали, играли да пели. (З. Савина, д. Окладнево Боровичского района)

На **посидку** все вместе ходили - и богатые, и бедные. Богатых много было, наряжены - в платьях шерстяных сидят - ни плясать, ни петь. (А. Дмитриева, д. Сопины Боровичского района)

Дело к зиме - время **посидок**. Сначала ходили и помогали друг другу лен трепать, а потом откупали избу - сидели: пряли, вышивали, на коклюшках плели. С 8-10 лет уже бегали по **посидкам**, старше - с 16-ти лет собирались отдельно. **Посидки** - 1-2 раза в неделю, на праздник идем без работы, только плясать. Глядельщики всю **посидку** ждут, кто с кем гулять пойдет.

В **Святки** две недели гуляем, избу откупали для **сезжей** **посидки**. Только смеркаться начнет, а молодежь начинает съезжаться на лошадях из разных деревень, погуляет вечер - и обратно в свою деревню с песнями. На завтра - снова веселье, мы уже ждем чужаков. Своих ребят просим, чтобы с нами не сидели и не плясали: с чужими интереснее хороводиться. (М. Полина, д. Чечулино Новгородского района)

На **посиделке** не гуляли с одним: пять-шесть мальчишек поменяешь - девке честь. (Г. Герасимова, д. Клопы Волотовского района)

С Покрова каждый вечер **супрядку** собирали. Девять годов в одной избы была **супрядка**, у одной хозяйки. Мы ей все выкашивали, выжинали, навоз возили. (М. Яковлева, д. Лезно Батецкого района)

13-14 лет - уже пошли девки подхорашиваться, и - на **супрядку**. Женщины тоже собирались вместе: мужья на заработках, кто где, вот мы и сидели все вечера вместе. Полную неделю у меня **прядем**, потом пойдём к другой на неделю сидеть. Малолетки просятся, а мы не пускаем: «**Ложитесь спать, рано ещё по супрядкам ходить!**» (А. Петрова, д. Кстечки Парфинского района)

Парни придут на **супрядку** - и на колени к девкам заваяются. Места мало в избе, держать парней тяжело, но молчишь: срам той девке, которая без пары сидит. (А. Чернова, д. Сотско Старорусского района)

Супрядки собирались только по праздникам или на **навозы**. Праздник в Городке - там и **супрядка**,

молодежь со всех деревень там! Днем гуляют по деревне, вечером - в избе. Избу откупали. Почетная скамейка в избе - «лицемерная», «лицевая» - для гостей, а свои девушки сидят на боковых скамейках, если народу много - на коленках друг у дружки. Парни высматривали себе девушку и спрашивали у неё разрешения сесть рядом: *«Разрешите посидеть?»*

На супрядки старики приходили и смотрели, как молодежь гуляет. Навозы начинались в мясоед - с 20-го января. Каждая девушка приглашает на ночлег двоих-троих подружек или родственниц из других деревень. Навозы длятся три дня и уезжают в другую деревню.

Святочные вечера - посиделки - окрутником ходили, гадали, хулиганили: каждый вечер ребята драку устроят и все лампы перебьют. (К. Дмитриева, д. Сельцо Парфинского района)

Были супрядки старшие (кому уже за 20 лет), средние (16-18 лет), младшие (после начальной школы) и морощка (самые маленькие). (А. Маркова, д. Подберезье Батецкого района)

На супрядки девушки с прялками идут. Хваленки-красавицы садятся к передним окнам - занимают лучшие места, остальные с боков. Но хорошая девка не полезет на переднюю лавку, ее и у порога найдут! Ребята придут, высмотрят себе девушку и сядут рядом: *«Настух, подвинься!»* или предложат: *«Давай круговую заведем!»*

Девушки запоют:

Заведите, молодцы, веселу круговую,

Выбирай себе, молодчик, девушку любую.

Выходит один парень, подходит к девушке, которая нравится, берет под руку, пройдет круг, потом девушка приглашает другого парня:

Распахните угольки,

Не замарать бы туфельки,

Замараю, вымою,

Я по любви выберу...

Наберется большой круг, потом - расхожая. Парень кланяется девушке, девушка - парню, и так все пары кланяются друг другу, ходят кругом, пока звучит песня:

*Как на тоненький ледок выпал белецкий снежок,
Да как на тоненький ледок да выпал белецкий снежок.*

*Выпал белецкий снежок, ехал Ванюшка дружок,
Да Ваня ехал, торопился, со добра коня свалился.
Ваня ехал, торопился, со добра коня свалился,
Он, сваливши, лежит, никто к Ване не бежит;
Да он, сваливши, лежит, да никто к Ване не бежит,
Две девицы увидали, прямо к Ване подбежали.
Да две девицы увидали, прямо к Ване прибежали,
Прямо к Ване подбежали, за белые руки брали.
Прямо к Ване подбежали, за белые руки брали,
За белые руки брали и наказывали.
За белые руки брали и наказывали:*

Ты поведешь, Иван, по чужим сторонам.

Ты поведешь, Иван, по чужим сторонам,

По чужим сторонам, по купеческим домам.

По чужим сторонам, да по купеческим домам,

Во купеческих домах не рассиживайся!

Во купеческих домах да не рассиживайся,

На хороших, на пригожих не разглядывайся!

Да на хороших, на пригожих не разглядывайся,

А хороши, а пригожи Ваню высушили.

Да а хороши, а пригожи Ваню высушили,

Ваню высушили, сердце вызнобили.

Да Ваню высушили, да сердце вызнобили,

И у Вани стало сердце, словно черная грязь.

*И у Вани стало сердце, словно черная грязь,
Словно черная грязь, под ногам она у нас.
Да словно черная грязь, да под ногам она у нас,
Под ногам она у нас, расходиться приказ!*

444

А как кадрили плясали: половицы трясутся! Ой-ой-ой!

В Святки гулены вечера делали: три вечера Рождественских, два - Новгодних и два - Крещенских. В середине мясоеда ситцевую откупали - два вечера гуляли, собирався весь круг молодежи. Здесь - без работы, в игры играли, плясали, во кружок ходили, рядились. Из других деревень приезжали, отгуляют и - по домам. (А. Шубина, д. Войново Батецкого района)

В мясоеде - веселые супрядки: на три дня каждая деревня приглашала молодежь для плясок. (И. Погожев, д. Ободово Парфинского района)

С Покрова и до Великого Поста - когда ночи длинные - время беседок. Женщины ходили на беседки по очереди друг к другу, а молодежь (лет 15-20) - к балалаечнику. У него своя семья большая, но любил он веселье и каждый вечер собирал беседу у себя в избе. Девушки приходили первыми, каждая со своим рукодельем, ожидали парней. Парни заходили, здоровались, снимали верхнее, выбирали девушек и садились к ним на колени беседовать. С половицы вечера начинались игры и пляски.

В канун престольного деревенского праздника - светлый вечер. Нанимали избу (по ведру картошки - с каждой девушки). Еще на беседке договаривались, у кого будем просить избу под светлый вечер, шли всей гурьбой к хозяевам и спрашивали:

- *Можно ли в вашем доме сделать светлый вечер?*

- *Приходите, пожалуйста!* - соглашались хозяева.

С утра намоем пол, принесем зеркала, полотенце, развесим лампы керосиновые. У ламп стекла блестят,

вот как начищены! Самое лучшее платье наденем, на следующий светлый вечер поменяемся платьем друг с другом. Молодежь с других деревень идет с песнями, гармониями, знает, куда идти - где светло.

Последний светлый вечер - в канун Масляницы - Прощеного воскресенья: отгуляем, проводимся, и все по домам на весь Пост - будем холсты ткать. (Н. Павлова, д. Большая Горка Пестовского района).

На беседах лен треплем да мнем каждой девушке, а потом супрядки начинают: сидим и прядем. На супрядки по очередям ходим: ко мне очередь пришла - мой вечер! Ко мне приходят сидеть. Если две девки в семье - два вечера принимай супрядку. Прядем, потом ребята придут, назначат старосту, он и распоряжается всей беседой. Сразу в «соседа» игру начинает:

- Тебе соседку надо? - спросит он у любого парня.
- Надо, - отвечает парень.
- Какую?
- А какую приведешь, а потом сам найду!

Каждому соседку найдет. Девушки песню поют, куделю прядут, а парни рядом сидят, беседуют. Несколько раз за вечер староста поменяет соседку. С середины вечера командует: «Номер двести, кончайте плести!» Это значит, ленчика играть будем (пляска в четыре пары крестом).

Кроме простых бесед, супрядок, были праздничные, веселые беседы. В каждой деревне были свои праздники: у нас Крещение, в других деревнях - Никола, Дмитрий или Михайлов день. На всю неделю, с воскресенья и до воскресенья приглашали гостить девушек к себе в деревню на веселые беседы. Если праздник выпадал на будний день, то дожидались воскресенья, и каждая девушка сама себе приглашала гостей, обычно - родственников: племянков, двоюродных... За девушками из дальних деревень ехали на лошадах, а за близкими пешком ходили. Потом мы к ним на веселые беседы поедem. На веселую откупали самую большую избу (с каждой девки и парня - по возу дров). Откупали только свои, а чужаки идут на все готовое. Утром девушки приходили в откупленную избу, мыли пол по очередям: семь вечеров распределяли за всеми деревенскими девушками - нас много, так и втроем придем мыть. Приносим свой керосин, лампы повесим, две лампы в избе, одну - на мосту. Всю ночь сидим, пляшем, соседа меняем. Беседа в нашей деревне - так и староста наш.

Ребята со всех деревень приезжают, как узнают, что беседа выкуплена. У порога раздеваются, верхнее несут хозяйке (чужаки могут придти и на простую беседу, иногда всю свою беседу к нам приведут!).

С Рождества и до Крещения - Святки, КУДЕСЫ - ряженые - каждый вечер приходят. В мясоеде сватали девок, но прежде будущие молодые должны были сговориться на беседе, а девушка - приготовить парню задаток, шелковый платок или шарф (для верности), а на Маслянице играли свадьбы. Каждая масляная беседа выходила из избы кататься с гор и вместе с горящей Масляницей костром сгорала до будущего Покрова, до новых девушек-невест и желанья каждой девушки вовремя покрыть свою голову повоем, сборником, повойником - головным убором замужней женщины (за двадцать лет перевалит - уже старая дева).

Покров, Пресвятая Мать Богородица!

Покрой землю снежком, а меня женишком!

(П. Белова, д. Кузнецово Череповецкого района Вологодской области)

Вечера беседой назывались. Каждый вечер к нам собирались, у нас изба большая была. На беседы допускали с 16-17 лет, приходили и старые девы, но их ребята обижали, плясать не давали.

Чужаки придут на беседу, посидят маленечко, попляшут, выходят в коридор и заказывают в провожатые наших девок. (А. Кудрявцева, д. Майта Парфинского района)

У богатых своя беседа. Они греют самовар, чай пьют, беседуют, наряды каждый вечер меняют. (В. Обжигина, д. Передольская Батецкого района)

На беседы приходили парни только нашей деревни. Приходили немного позже девушек, просили разрешения сесть рядом с девушкой. Если на лавках мест не было, садились вкрутовую на пол.

По праздникам собирались вечеринки, съезжались парни и девушки со всей округи. На вечеринках девушки отдавали задатки своим возлюбленным: девушка подойдет к парню и отдаст задаток, а парень в ответ носит гостинцы этой девушке на каждую вечеринку. (А. Курчинова, д. Вотолينو Демянского района)

На вечеринки собирались со всех деревень. Откуплен дом большой, сюда ребят полно найдет - и своих, и чужаков. Играем, хороводим... (П. Борисова, д. Любенец Батецкого района)

С семи часов вечера молодежь собирается на вечер. Тут уже лампы развешаны, на лавках половники постелены. Для вечера нанимали гармониста и усаживали на переднее место. (К. Леткова, д. Средняя Ловат Старорусского района)

На вечеринку всю неделю ходим с работой, а в воскресенье вечеринка - без работы. Гулять все ходили, дома никто не сидел. (А. Иванова, д. Усть-Волма Крестецкого района)

Вечера делали только на праздник, а в Святки - веселые вечера: по три дня гуляем в каждой деревне. (Н. Павлова, д. Ободово Парфинского района)

На вечерке молодежи много, в одну избу не поместиться - две вечерки делали. С половины четверга начинается сборная (в каждой деревне своя сборная). На этой неделе в одной деревне, на следующей - в другую поедem. ...По воскресеньям катание на конях. (П. Сидорова, д. Сутоки Волотовского района)

У нас в Славитино сборная на Масляницу, не то что в избе - на улице места нет! Понравился мне парень, я скажу подружке, что хочу погулять с ним. Она подойдет к нему.

- Здравствуйте!

- Здравствуйте, - ответит он.

- Погуляй с той девушкой.

- А с какой?

- Да вот с Нюшкой! - и укажет на меня. Я взгляд отведу, будто и дело не мое.

- Поправитцы - погуляю!

(Раньше девушки просили ребят погулять, ребята не смели подойти первыми).

Теперь этот парень подходит ко мне:

- Здравствуйте! Разрешите погулять (или покататься)?

- Разрешаю, пожалуйста, - отвечу я, а он и не хочет, да должен спросить:

- Как здоровье, как можете?

- Бог видел и не обидел!

(А. Буравцова, д. Сутоки Волотовского района)

В деревне Устрекка Старорусского района для вечера подкупали избу. Две девушки должны собрать вечер: повесят занавески хорошие, зеркала, лампы керосиновые со всех домов принесут, скамейки поставят, одну скамейку - к порогу, поперёк избы, для ребят; за нею - место для глядельщиков. Ребята придут, и можно вечер начинать:

- *Пошли в караводы!* - крикнет кто-нибудь из ребят. Это значит - назначать пары.

- *С кого начнем?*

- *Давайте с длинноногих!* - решают ребята. И мы запеваем:

*Журавли вы длинноноги,
Не нашли пути-дороги,
Оны шли стороной, боронили бороной,
Оны шли стороной, боронили бороной.
Борона железная, поцелуй, любезная!
Борона стальная, поцелуй, милая!
Погляжу я ей в глаза, поцелую два разка!*

Самые высокие парень и девушка гуляют по караводу - по кругу сидящих девушек и ребят, с окончанием песни поцелуются и пойдут назначать другую пару; парень пригласит девушку:

- *Здравствуй, родня!* - и руку пожмет, а девушка пригласит другого парня:

- *Здравствуй, родный!*

Теперь новая пара гуляет, им девушки новую песню поют:

*Идет мальчик молоденький,
Пинжачок на нем коротенький,
Идет девочка миленькая,
На ней юбочка синенькая.
Она идет и улыбается,
Поцелуй дожидается.*

Пары погуляют, покараводятцы и поцелуютцы, вместе на скамейку сядут. После караводов в кадриль пойдём. Парень играет кадриль с той девушкой, которая нравится. Другая девка весь вечер просидит, ни разу в кадриль не встанет, а ловкая - весь вечер пляшет. Гармони нет - под «сухую» пойдёт:

*Чижик, чирик, чирик, маленький воробушек,
Чижикова женочка пропила подворыцко,
Пропила подворыцко за свое здоровыцко.
Что за то ли за веселье: пошли девки танцевать,
Превеликое мученье: стали рына-рынавать!*

*Чижик, чирик, чирик, какой беспокойный,
Пожалуйста, отойди, любишь недостойно!*

*Удостой, сударушка, сести с нами рядом,
Свесели, хорошия, веселым взглядом.
- Свеселил бы ты миня, не один ты у миня!*

*Не стучит, не гремит, частый дождик идет,
Кто-то, кто-то молодежничку до дома доведет.
Полюбил, полюбил, радость-девица моя,
Если ты миня полюбишь, будешь счастливым!*

*Занесу я ленту алу за московская заставу,
А вторую дорожную - прямо к Шуры в мастерскую.
Конфетка моя шоколадная,
Полюбила я милована наглядного.*

*Что у наших у ворот, что у наших у ворот,
Ай, люли, у ворот, ай, люли, у ворот.
Стоял девок каравод, стоял девок каравод,
Ай, люли, каравод, ай, люли, каравод.
Молодушек табунок, молодушек табунок,
Ай, люли, табунок, ай, люли, табунок.*

*Уж вы сени, мои сени, сени новыи мои,
Сени новыи, кленовыи, решесчатыйи.
Мне по этиим по сеничкам не хаживати,
Дружка милова за ручку не воживати.
Выходила молода за новыи ворота,
За новыи, кленовыи, за решесчатыйи.
Выпускала сокола из правого рукава,
На полетике соколику наказывала:
«Ты лети, лети, соколих, высоко и далеко,
Найди родную сторонку, где мой батюшко
живет».*

Глядельщики время даром не тратят, подшутят над кем-нибудь: возьмут иголку и сошьют вместех две-три юбки: «*Выйди вон!*» - говорят одной из девок. - *Тебя вызывают!*»

Девка побежит, а за ней еще две-три тащатцы. Это радость была! Глядельщиков нет, так и вечер - не вечер. (А. Лазурина)

ЧЬИ КУДРИ ГОРЯТ?!

В ДЕРЕВНЕ КЛОПЦЫ Волотовского района парни приходили на вечер и садились у порога. Немного погодя, старший (его выбирали на вечер) вставал и спрашивал: «*Девки, чьи кудри горят?*»

Каждая девушка называла имя своего парня, а парни ждали, кто их сегодня назначит на вечер, и по команде старшего шли, каждый к своей девушке, целовали ее и садились рядом. Весь вечер парень должен был гулять с этой девушкой: и плясать, и хороводить, и до дому проводить. (Т. Герасимова, д. Кипино Демянского района)

Парни обходили всех девушек, и каждый спрашивал у своей: «*Чьи кудри горят?*»

Девушка вставала, называла его по имени - отчеству и целовала. Другая девка и не хочет целовать! Парень второй раз спросит, а на третий или куделью сожжет, или водой девку обольет. (А. Монеткина)

Парни придут на посиделку, сидят, сидят у порога, потом возьмут ведро воды и пойдут кругом по нам, у каждой спросят: «*Чьи кудри горят?*»

Которых парней скажем, тые идут кудри тушить - целовать нас. А иной раз не захочешь ни с кем целоваться, так тебя тут же водой обольют! (д. Славитино Волотовского района)

Раньше «по кудрям ходили». Парень подойдет и спросит:

- *Чьи кудри горят?*

- *Федора Афанасьевича,* - назову я его имя. Он

огонь поднесет и поцелует меня. (П. Околкина, д. Кобылкино Старорусского района)

Мой ухажер у моей прялочки сидит, беседует со мной. Потом парни решат куделю жечь: подойдут, например, ко мне, верхушку кудели подожгут и у моего парня спросят:

- Чьи кудри горят?

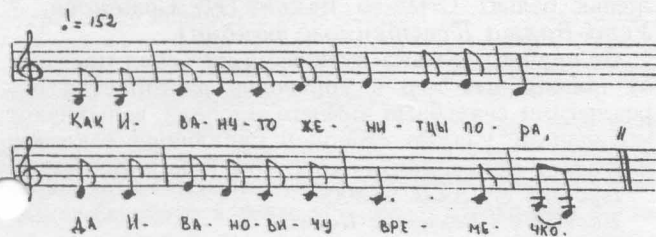
- Анны Дмитриевны! - ответит он и поцелует меня. (А. Дмитриева, д. Сопины Боровичского района)

Ребята у порога стоят, толкаются, мы им короткие песни поем:

Тихо двери отворились,
Шарф бурдовый впереверт,
Мы с подругой улыбнулись,
Кого ждали, тот идет.
Не стой, забавочка, у койничка (у порога)
И времечка не вадь,
Поздоровкайся с девчоночкой,
Пойди рядочком сядь.
Если парни время тянут, мы им на уход запоем:
Вы, ребята, посидите,
Расхороши, посидите,
Тресни вас, посидите,
Разорви вас, посидите!
У порога места много,
Нам без вас хорошо!!!

Тут они поймут, что мы сердимся и пойдут куделю жечь: ломают лучину, зажигают ее; каждый парень к своей девушке подойдет и сожжет клочок кудели. Теперь можно хороводы водить (пока кудели не пожгут, парни за матицу не пройдут), мы запеваем песни:

Как Ивану-то женилцы пора,
Да Ивановичу времечко.
Надо теща-то ласковая,
Да лишница масляная,
Да невеста хорошая,
Чернобровая, порядошна.

444

Парень (все равно какой) выходит, берет девушку за ручку, выводит в каравод и целует ее. Он сядет на скамейку, а эта девушка под другую песню выведет другого парня и поцелует его. Поем столько, сколько пар в избе. (Е. Водополов, д. Ситники Хвойнинского района)

Русский собиратель П. Якушкин побывал в 1858 году на посидках в селе Ракома, недалеко от Новгорода и описал увиденное: «...Вблизи переднего угла горел светец с лучиной, кругом стен по лавкам сидели девки, и все — за пряжей... По одному-двое приходили на посидки деревенские парни... затопляли свечи, ставили их за личинки (верхняя часть прялки) девушкам, те отвечали им поклонном... Постепенно увеличилось количество огоньков в избе... Затем молодцы сажались около девушек, только когда место не было занято другим, в последнем случае молодец, поставив

свечку, отходил в сторону или садился около другой. У многих девушек горело уже по две свечи». (П. Якушкин «Путевые письма», М. Лобанов «Посиделки Новгородской области» 1988 г.)

На поцелуи, что на побои,

Нет ни весу, ни меры.

(Пословица из книги С. Максимова «Куль хлеба»)

«Ребятам целоваться надо! Вот они подойдут, тебя ремнем хлопнут, ну, и выходи целоваться, хоть раз, хоть и два, хоть и три - не беда!.. Парень ходит с ремнем и выбирает девушку для поцелуя, ударит ее ремнем. Девушка подойдет к нему, поцелует - и сама пойдет искать себе поцелуй. (д. Войново Батецкого района)

Разводящий подойдет ко мне и спросит, какого парня вызвать на поцелуй. Я шепну, кого надо, он идет к моему парню, стегнет его ремнем - иди целоваться! Парень не должен отказать в поцелуе, а девчонка может поупрямиться. За упрямство разводящий стегает ее по руке до тех пор, пока она не выйдет к поцелую. (д. Михайловское Батецкого района)

Парень возьмет ремень, хлопнет им об пол и скажет: «Тонька Ерофеева тонет!» Нравится ей этот парень - дак возьмет ремень... А если нет, парень сам поднимает ремень и кричит другую девушку. (д. Большая Горка Пестовского района)

Пары сидят, старший ходит с ремнем и спрашивает:

- Любитесь?

- Да!

- Целуйтесь!

Если девушка скажет парню-соседу: «Нет!», парень бежит от ремня и выталкивает любого парня, занимает его место. (д. Клопы Вологовского района)

В деревне Корманица Череповецкого района Вологодской области в этой игре девушки сидели на коленях у ребят. Если парень говорил, что соседка ему любя, то целовал ее. Если не любя, то девушка убегала от него и от ремня к другому парню.

В деревне Сотско Старорусского района девушку покрывали платком, парня водили вокруг нее и подкрикивали:

Женили меня,
Взяли торбочку
И велели целовать
В самую мордочку.

Парень поцелует девушку, а она должна назвать его имя. Угадает, значит парня накроют, нет - снова угадывай! (А. Чернова, экспедиция НГПИ)

Парень встанет посреди избы и запоеет:

Я стою, горю, пылаю на калиновом мосту,
Кто, кто меня полюбит, тот и выкупит меня!

444

Парень будет «гореть», пока девушка не выкупит - не поцелует его, потом девушка будет «гореть».

(д. Устрекка Старорусского района, д. Любенец Батецкого района)

Девушка стоит на скамейке, все поют:

Я стою, стою, пылаю, за любовь свою страдаю,
Ох, кто ж меня любит, тот и выкупит меня!

Горенка

Парень подскочит и поцелует. Теперь он останется девушку дожидаться. (Е. Никифорова, д. Мелковичи Батецкого района)

Девушка стоит, а парень ходит кругом и спрашивает:

- Горюшь?

- Горю!

Парень снова спрашивает:

- Горюшь?

- Потухла!

Поцелуемся, и парень остается «гореть».

Парень сидит на стуле, девушка ходит кругом него, все поют:

Наварила теща пиво
И сказала: «Будь диво!»
Сай, сай и ликуй,
Если любишь - не бракуй!
Если будешь браковать,
Не дадим поцеловать!

Она топчет ногой - забраковала, а если не топчет - садится на колени к парню и целует его. После поцелуя парень уходит, а девушка остается. (д. Лежно, Мелковичи, Уюмерь, Любенец Батецкого района)

Девушка выходит на середку избы, ей песню запевают и подводят то одного, то другого парня. Она повернется к тому, которого любит:

Старенькое рвется,
Новенькое шьется,
Я плясала - припотела,
Ночевала - где хотела.
Встань-ка, Танька, не ленись,
Ты за Ваньку повернись.
Ванька любит, юбку купит.
Эта юбка не на век,
Целовал ба Таньку век!

(Т. Герасимова, д. Клопцы Волоотовского района)

Горенка

«...Игры песен, которые довелось наблюдать, были вечерковые... В тесной и полутемной избе «заинька» разыгрывалась. Какого «заиньку» довелось увидеть русскому исследователю С. Максимо-ву, посвятившему всю свою жизнь изучению духовной и материальной культуры русского народа, нам неизвестно. Знаем только: почти в каждой новгородской деревне играли «заиньку», и везде по-своему.

Заинька, по сенечкам гуляй, таки гуляй!

Серенькой, по новым разгуливай, гуляй!

Некуда заиньки выскакати,

Серому, белому выплясати.

Семиры ворота крепко заперты стоят,

У этих ворот все по сторожу стоят,

Все сторожа во ряды гулять пошли,

Ключки, замочки с собой унесли.

Ключнички — наши дружнички,

Садовнички - полюбовнички,

Садова голова, вы пожалуйста сюда,

Хорошенькой, гуляй, по любви выбирай!

Парень берет девушку за руку и вслух песню ходят кругом. Потом другая пара идет, а эта садит (девка выбирает парня, а парень - девку для новой пары). Сколько пар в избы - все поют «заиньку», все пары целуются. (И. Викторова, П. Дроздова, д. Уюмерь Батецкого района)

Горенка

У МОЛОДЕЖИ ЧТО НИ ИГРА, что ни хоровод - знай целуйся! При людях не позорно целоваться - так принято было. А провожаться не возьмешь парня - вот этой девушке плюс. За измену хоть девушку, хоть парня при всей вечеринке наказывали: провинившихся укладывали на скалки и катком перекалывали по полу (скалки, каток - предметы для глаженья белья). Стыд-то какой! (Н. Семенова, д. Усть-Волма Крестецкого района)

От слабого огонька лучины зажигается посидка, от поцелуйных игр и хороводов разгорается она реальными свадьбами зимнего мясоеда, вспыхивает молодецкой удалью, свободой масляничного костра и угасает смирением, покорством Великого Поста:

Прошла масляна неделя,
Наступил Великий Пост,
Мне, молоденькой девчоночке,
Прищемят дома хвост.

Страница Центра
музыкальных древностей

«ЗАПРИУНЫЛО МОЕ СЕРДЦЕ...»

ПАМЯТЬ ПРЕДКОВ. Национальная память. Сколько раз мы слышали эти слова и, казалось бы, осознаем их святость, значимость. Но как часто походя теряем и предаем эту память. Не замечая того. Не задумываясь, что народная память не существует сама по себе. Она складывается из памяти поколений, из памяти отдельных людей.

С нами рядом доживают свой век старики. Мы привыкли к ним, любим, жалеем, но едва ли отдаем себе отчет в том, что они — хранители (быть может — последние) нашей родовой памяти. В них живет настойчивая потребность рассказать нам о себе, о своих родителях, дедах и прадедах. Их воспоминания рвутся к нам. И не случайно. Наверное, это заложено в человеке самой природой. Испокон веков старики рассказывали своим внукам о старине. А как часто мы отмахиваемся от их откровений! Вот тут-то и предаем.

В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ Навля Брянской области живет Ольга Владимировна Нестерова — моя тетя Оля. Мудрая, тихая, бесконечно добрая. Великая труженица. Восемьдесят пятый год жизни изменяла. Сколько пережила, горя повидала. Всех понимает, всех жалеет. В современной городской квартире своей дочери она живет воспоминаниями.

Удивительное свойство имеет человеческая память: чем ближе человек к концу жизни, тем чаще возвращается к началу, к детству, молодости. И память хранит мельчайшие детали быта, подробности жизни. А речь стариков!.. Заговорив в детстве на материнском языке, они унаследовали и донесли до нас в живых голосах, интонациях, оборотах речи тысячелетнюю историю.

В очередной свой приезд в родные края я сама попросила тетю Олю рассказать мне о её детстве. Сначала даже не поверив моему интересу, она не знала, с чего начать. Но немного погодя — запела. И постепенно окреп голос, преобразилось лицо.

Несколько часов подряд пела мне тетя Оля. Пела и вспоминала, всплакнула не раз, и рассмеялась, и нас рассмешила. Все домочадцы собрались вокруг — кто в кресле примостился, кто на полу. И не заскучили, и не ушли по своим делам внуки. А она была совсем не такой, как всегда. Она была уже не здесь, а в своем далеком детстве...

Вот и распаханная куртина в лесу, где в двенадцать годов Оля с деревенскими бабами и девками «рассаду сеяли. Там и взрослые были — платили-

то-та... Зарабатывала. В двенадцать годов. Домой, бывало, уже темно идем. Не то темно — прямо ночь. Лесом идем, а от лесу речка протекает... Луг... И темно...»

Вижу, как запеваёт двенадцатилетняя девушка — это она, моя тетя Оля. Сначала потихоньку, а потом в полный голос:

Я сама себе сгубила, ох, не того любила.

Эх, я любила...

Я любила — не вгодила, ох, батюшке сказала.

Эх, я сказала...

Заприуныло мое сердце, сердце ритявое...

...Девки песню подхватывают. «...Голоса-то разные, а звук один. Далёко слышно, аж заслушаешься».

Из-за саду, из-за рошши сокол вылетает,
ой, сокол вылетает,

Эх, вылетает...

Да не сокол мой соколик, ох, залетная птишка...

Она поет, а у меня мороз по коже.

У околицы поджидает ее отец. Угадал издали дочкин голос. «А ён стоить, заворачиваить папиро-су, закуриваить и говорить:

- И милая ж ты моя птичка! И соловей же ты мой, и кинарейка ты моя!

Думаю, это он ругаитца:

- Тятя, а что я тебе?

- Да как же что? У тебя ж душечка соловьиная, тебя и ночичка не угамаит».

Давным-давно умер мой дед, Владимир Никитич, задолго до моего рождения. Своим рассказом тетя Оля воскресила его. Мы и голос его услышали, и душу ощутили. Благодаря ее памяти я встретила и со своей бабушкой, Акулиной Никифоровной. Красавица, говорят, была, песенница. Тетя Оля пела мне ее песни. Грустные, протяжные.

В большой семье в деревне Алешенка в доме свекра, моего прадеда, жила Кулюха — так называли домашние Акулину. Род был старинный, уважаемый. Прадед — Никита Григорьевич Федин. Двенадцать лет служил в солдатах. Уличное звание — «солдат». Народу в доме много — три сына с женами и куча ребятшек, а порядок был. Каждый свое дело знал, свое место: кто у печи, кто на печи. Три невестки в доме. Моя бабушка Акулина — «большуха», старшая. Прадед был строг, невесток лаской не жаловал. А Акулину любил: на работу скорая была, не перечила и хлеб лучше всех пекла. «Мама, бывало, волосы убиреть, платок чистый покроить, руки вымыть, дежку на лавку поставить, месить начинать. А дед рядом сидеть с чистым полотенцем. Мама месить — аж пот на лбу выступить. А дед, бывало: «Ну-ка, Кулюх...» — пот и вытираить».

Это было действо, обряд. Акулина в нем главная, ей — почтение.

Тетя Оля много рассказывает про свою родную деревню Алешенка. Деревня большая была. Сыгевка, Лагаревка, Бадиский край — это все разные концы одной деревни. Сейчас уже этих названий никто, наверное, и не помнит. После войны на Духов день, бывало, ряженые со всех концов к центру «на дорожку» собирались. Пьяных нет — не принято было. «И козлом нарядаются, и солдатом! Пулеметы с собой таянут! Ласные, ржавые! У каждого конца свой карагод. Ой! А песни! Все поют!.. А на Святки! Так плясали — аж снег растаить».

И я вижу в ее песнях, рассказах совсем другой мир, других людей — духовно богатых, живущих по строгим внутренним законам, привычным и естественным. Размеренная обрядами и обрядами жизнь, связанная с трудом, природой, с почитанием отцов и дедов. Человек ощущал величие мира, в котором жил, и свое место в этом мире, где все значительно и полно сокровенного смысла.

Деревня Алешенка и сейчас стоит. Да не та уже деревня. Не поют в ней песен, некому водить карагоды, нет тех почтенных красивых стариков, нет и порядка в семьях. О праздниках и вспоминать нечего. За бутылкой праздник начинается и заканчивается. Без прежних песен, без той чистой радости.

Наша жизнь сегодня во многом становится похожей на злую карикатуру. Мы забыли свою культуру, потеряли традиции, подрубили корни. Нынешняя Россия напоминает человека, который всего лишился, пока спал. Очнулся - и не знает, кто он, что делать, куда идти. Неприкакаянная душа.

Как освободиться от этого наваждения?

Едва слышимые голоса предков еще доносятся к нам из прошлого. Услышим ли?..

БЕЗ МАЛОГО двадцать лет я живу в Новгороде. О его богатейшей древней культуре, памятниках истории, художественном наследии сказано столько, что трудно не повториться. И мое признание в любви к нему будет совсем не ново. Здесь все уникально, все дышит древностью. Но есть в нашем городе особое, удивительное место, где зазвучала древняя русская культура, объявленная было «культурой великого молчания». Это Новгородский Центр музыкальных древностей. Здесь я впервые услышала первозданные голоса гуслей и сопелей, гудков и варганов, реконструированных по материалам археологических раскопок в Новгороде. Здесь познакомилась с песнями и обрядами Севера и Юга России, впервые сама запела песни брянской земли. Когда-то в детстве я слышала такие песни, и сейчас они отозвались во мне с новой силой. По-новому я посмотрела на своих родных, на родной край.

Счастливый случай привел меня два года назад в Центр музыкальных древностей, который во многом изменил мое мироощущение, помог понять себя, ощутить свои корни.

Людмила ФЕДИНА

Любительская фотография начала 60-х годов.
Справа — Ольга Владимировна Нестерова

«Пословица недаром МОЛВИТСЯ»

ЛЕГКО И НЕПРИНУЖДЕННО вплетаются в разговор крестьян пословицы, поговорки, прибаутки. Выбранные из народной речи Владимиром Ивановичем Далем, они составили три тома «Пословиц и поговорок русского народа».

«Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет, - пишет В. И. Даль в Напутном слове к изданию, - в образованном и просвещенном обществе пословицы нет; попадают слабые, искаленные отголоски их, переложенные на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков». И далее: «Выскажу убеждение свое прямо: доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашел, она проста, пряма и сильна... Можно ли складнее, ярче и короче выразить глубокую мысль, чем в пословице: «На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь...»

Мудрость пословиц, словесное мастерство народа привлекает и наших современников, а высказывание В. И. Даля не устарело и сегодня. Приведенные пословицы и поговорки расскажут о том, как сам народ о них отзывался.

Красна речь с притчею (с поговоркой).

Поговорка - цветочек, пословица - ягодка.

Старинная пословица не мимо молвится

Без пословицы не проживешь.

Добрая пословица не в бровь, а прямо в глаз.

На пословицу ни суда, ни расправы.

Пословица несудима.

Старая пословица век не сломится.

Для поговорки мужик в Москву пеши шел.

На твою спесь пословица есть.

Не всякая пословица при всяком молвится.

*Спесь не дворянство, глупая речь
не пословица.*

Загадка, разгадка, да семь верст правды.

Моя
родословная

"И, ГЛЯДЯ ВДАЛЬ, ПОДУМАТЬ..."

Не могу не любить Россию - здесь мои корни, здесь прошла жизнь моих предков, людей умных, трудолюбивых. В памяти моей на всю жизнь сохранился образ бабушки, Агафьи Климентьевны, передавшей мне свое отношение к жизни. Не имея возможности учиться, постигала она жизненные науки в прислугах у помещиков, откуда ее, восемнадцатилетнюю, и в жены дедушка мой, Никита Васильевич.

Жених бабушки, двадцати лет от роду, сам решал свою судьбу. Два года был на заработках в Донбассе. Обучившись слесарному делу, поднаторев в житейской мудрости, вернулся он в родную деревню. Выдал замуж младшую сестру, да и заслал, недолго думая, сватов к своей невесте. По тем временам считался он самым образованным в деревне. - Освоил ремесло кузнеца, затем увлекся разведением пчел, садоводством. Потом были курсы агрономов в земстве. Природная любознательность, трудолюбие, сдержанность и в то же время умение общаться с людьми, все это вызывало доверие, уважение к нему окружающих.

Дед мой был одним из первых, кто откликнулся на столыпинские реформы. Получив надел земли для своей многодетной семьи, переселился он, вместе с престарелыми родителями, на новое место, где вскоре отстроил дом, заложил вокруг прекрасный сад. За ним потянулись и другие, образовался хутор. Так рождались новые селения.

Когда появилась возможность, создалось товарищество. Возглавлять его поручили Никите Васильевичу. Деревня разрасталась, - вместе легче было жить, обрабатывать землю. А когда началась коллективизация, крестьяне снова доверили руководство хозяйством дедушке. Он и здесь не обманул людей. Удивительно, как его хватало на все: работа в школе, на пасеке, да еще, вроде как на общественных началах, - нелегкий воз председателя колхоза. И тут природная мудрость не раз его выручала.

Колхоз богател, купили косилку, сеялку. Каждый хозяин имел возможность, собирая урожай зерновых, сдавать его в приемные пункты района и получать за это мануфактуру. Зерно выращивали элитное.

Никита Васильевич, всерьез занявшись садоводством, ездил к Мичурину, от него привозил он саженцы плодовых деревьев для своих односельчан. Постепенно вся деревня зацвела садами. Колхозники порешили: хотя со стороны улиц и ограничить посадку деревьев, зато за домами - воли вольная, сажай, сколько душа желает.

Увы, богатеть колхозу долго не дали. Слишком завидно стало тем, на чьих глазах быстро росло благополучие соседнего хозяйства, налаживался выгодный обмен урожая на мануфактуру. - «Не положено». Дед мой не был членом партии большевиков. Зато родственник его, муж сестры, возглавлявший тогда «комитет бедноты», был «примером» партийца. Не признавал дедушка этого пьяницу и бездельника, вечно кичившегося своим партийным билетом (который, кстати, был припрятан им при немцах в Отечественную войну). Вскоре на деда пошли доносы: окулачил-де колхоз, - значит, сам кулак. А тут как раз - новый закон: обложили налогами каждое дерево у садоводов. Вырубать стали люди

сады. И это тоже поставили деду в вину. В общем, забрали его на три года в тюрьму как «врага бедного народа». Вслед за ним - и сына старшего посадили на год, за отца. (Сын его, мой дядя, окончил к тому времени ремесленное училище, и как грамотного человека его направили в ликбез, учить бедноту. Но не успел он поучительствовать.)

Пришлось бабушке заменить мужа на пасеке, которая из личного хозяйства была уже передана вместе с садом колхозу. Сад этот еще долго называли «яковлевским», по фамилии моего деда - Яковлева.

Но, видно, мало было расправы над председателем. Вскоре жену с малыми детьми (от 3-х до 14 лет) выселили с родного места в Казахстан - как семью «кулака».

Кто прошел тяжкий путь «спецпереселенца», тот сможет понять, каково это - без главы семьи и без старшего сына пережить высылку на чужбину, где никто тебя не ждет. Выброшены были в голую полынную степь, без всяких видов на жилье.

Сорокаградусная жара. Еще не проложен железнодорожный путь, еще не подлатаны шпалы, - а поезд уже ползет черепашьим шагом, следом за прокладкой пути. Лопаты в руки - рыть траншеи под туалеты и землянки - для каждой семьи. Пить - из ямки, которую прокапываешь в солончаке. Кипятить и пить. Неудивительно, что вскоре начался мор от кишечных инфекций и других заболеваний.

Кстати, кулаков настоящих там фактически не было: кто сумел откупиться, кто - вовремя заручиться нужными справками. Невыносимая жара и столь же лютые холода стали жестоким испытанием для многих выселенцев из центральной России, совершенно к ним не подготовленных. Только из-за морозов и снежных заносов погибло там огромное количество людей. Вот где был настоящий геноцид.

Но бабушка моя, умная, сильная женщина, с детства была приучена к трудностям, она, вопреки всему, и подняла семью. А там - вернулся сын, затем муж. И хотя впереди много было еще невзгод, жизнь в скудости, нищете, - вместе было уже легче.

Писать о бабушке можно целую книгу. Красивая в молодости, не потерявшая приятности лица и в старости, она духом своим поддерживала не только семью, но и сумела приютить племянников, заменив им мать, спасла ребятшек от голода в тяжелые послевоенные годы. Тринадцать человек проживало под крышей нашего дома.

Мудрая и спокойная, чуткая к чужому горю, она имела большой авторитет у соседей. Беседуя с ней, многие принимали ее за высокообразованного человека, а ведь бабушке не удалось проучиться и одного года в школе. Но вот - сумела добаться, хотя уже и в старческом возрасте, до русских классиков из нашей домашней библиотеки - Островского, Тургенева, Чехова, причем не только читала, но и рассказчиком была великолепным.

На судьбу свою сетовать бабушка не привыкла, а прошедшее объясняла «перегибами». Вероятно, она понимала больше, чем говорила об этом, - но никогда я не слышала жалоб.

Я люблю свою бабушку, дорожу памятью о ней. Ценю то, что она в меня вложила, воспитывая вместе с матерью. Для меня понятие «русский» воплощено в этих двух дорогих мне людях. А понятие России - в словах той песни, которую слышала я от своих тетушек, взявших меня, шестилетнюю девочку, с собою летом на родину моих предков. Мы бродили полями спелой ржи и пшеницы из одной деревни в другую, по пути навещая родственников. В небе звенели жаворонки, а впереди меня, в ласковом море золотых колосьев, шли тропинкой мои молодые тетки и пели:

«...И хорошо мне здесь остановиться
И, глядя вдаль, подумать, помечтать;
Шумит, шумит высокая пшеница,
И ей конца и края не видать!»

Мне хорошо от этих воспоминаний. С ними легче жить.

Лариса ПРОХОРОВА,
доцент кафедры СП НовГУ

Художник В.Толстоногов

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

«...да будут все едино; как ты, Отче, во Мне, и Я в тебе, так и они да будут с Нас едино...» (Ин. 17.21.)

В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ Новгорода произошло знаменательное событие, которое внешне еще пока никак не обнаружило себя и осталось для большинства сокрытым. Но членам Новгородского Общества христианской культуры и искусства св. Антония Римлянина это событие принесло радость и свет, связав их со всем православным миром.

Общество Антония Римлянина в сентябре нынешнего года было принято действительным членом во Всемирное Братство Православной Молодежи «Синдесмос». Событие это произошло на Кипре, на 15-й Генеральной Ассамблее «Синдесмоса», где присутствовали два представителя Общества Антония Римлянина, в том числе и автор этих строк.

«Синдесмос» (греческое слово) - «связующая нить». Именно так называли Всемирное Братство Православной Молодежи более сорока лет назад лидеры Русского Студенческого Христианского Движения в Париже. Цель этого Братства - связать воедино православную молодежь всего мира.

Необходимость создания Всемирного Братства Православных Христиан была давно очевидна.

Христианский мир мало знает Православие. Знают только внешние и по преимуществу отрицательные стороны Православной Церкви, но не внутренние духовные сокровища. Православие было замкнуто, лишено духа прозелитизма и не раскрывало себя миру. Долгое время Православие не имело того мирового значения, той актуальной роли в истории, какие имели католичество и протестантизм. На протяжении ряда столетий оно оставалось в стороне от страстной религиозной борьбы, веками жило под охраной больших империй (Византии и России) и хранило вечную истину от разрушительных процессов мировой истории. Для Православия характерно то, что оно не было воинственно, но именно потому небесная истина христианского откровения наименее в нем искажалась. Православие и есть форма христианства, наименее искаженная в существе своем человеческой историей. Но форма эта нуждается в защите, так как на фоне катастрофически стремительного конфессионального дробления христианства, экспансии мировых нехристианских и новых религий, нарастания секуляризма - только единство может спасти Православие.

Так был создан «Синдесмос», центр которого - Генеральный Секретариат - находится в Париже, а в само Братство входят молодые православные христиане из сорока трех стран мира со всех континентов. Создание «Синдесмоса», в котором состоят и простые верующие-миряне, и священнослужители, благословил Вселенский Патриарх, который является духовным главой всех Православных Церквей.

Генеральные Ассамблеи «Синдесмоса» собираются раз в три года в одной из стран, Православная Церковь которой является членом «Синдесмоса». Прошлая 14-я Ассамблея проходила в Москве, 13-я — в Англии, а нынешняя, 15-я, воспользовалась гостеприимством, как уже упомянуто, Республики Кипр и Кипрской Православной Церкви, которая известна с Апостольских времен. Первым ее епископом стал Лазарь - тот самый, воскрешенный Христом, а одним из выдающихся современных ее иерархов был знаменитый Архиепископ Макариос, являвшийся и первым президентом независимого Кипра.

На 15-й Генеральной Ассамблее присутствовало 270 представителей различных православных молодежных движений, обществ, братств из сорока трех стран мира. Ассамблея проходила в монастыре Кикко, высоко в горах.

ВЛАЖНЫЙ ЖАРКИЙ ВОЗДУХ города Ларнаки, расположенного на самом побережье Средиземного моря, неожиданно сменился почти осенней прохладой, когда, поздно ночью, мы приехали в монастырь. Позади двухчасовое путешествие на автобусе по серпантину горной дороги. Незнакомые пряные запахи тропических деревьев, черные горы, кое-где покрытые ожерельем огней ночных городов и селений, черное бархатное небо с огромными звездами... И - монастырь, возникший, как сказка в ночи, белым кружевом арок и галерей. На следующий день в великолепном солнечного утра открылась ослепительная красота монастыря и его окрестностей.

Киккский монастырь расположен в живописном уголке горной цепи Троодос на высоте 1200 метров над уровнем моря. Святая Императорская Обитель Пресвятой Богородицы Киккской - полное название монастыря. Со дня его основания среди этих стен хранится одна из трех икон Богоматери Умиления, написанная самим Апостолом Лукой и прославившаяся своей чудотворной силой. Монастырь построен в XI веке (1090 г.) на средства византийского императора Алексея Комнина, который и подарил монастырю чудотворную икону Богоматери в благодарность за исцеление своей дочери.

Киккская обитель прекрасна со всех точек зрения. Здесь великолепная архитектура, удивительные фрески и мозаики, множество келий, расположенных на трех этажах, арки с колоннами и красивые деревянные балюстрады. В северной части монастыря находится церковь, стены

которой сверху донизу тоже украшены фресками. Иконостас с прекрасной резьбой... Все подсвечники, лампы и канделябры - истинные произведения искусства, многие из них подарены Русской Церковью.

Кикко-монастырь — самый большой и богатый из монастырей Кипра. Он владеет землей в радиусе 8 километров, где растут его виноградники и фруктовые сады, высятся хозяйственные постройки. Есть на монастырской территории и три корпуса гостиниц, ресторан для обслуживания туристов, множество лавочек с церковной утварью, иконами, сувенирами и с кипрскими сладостями, а также имеется свое отделение полиции со штатом полицейских и несколькими полицейскими машинами. В этом - своя необходимость: в монастыре, привлекающем туристов со всего мира, хранятся сокровища, стоящие на учете в ЮНЕСКО - древние манускрипты VIII-XVII веков, церковные драгоценности из золота, дорогие иконы и другие произведения церковного искусства. Все это находится в монастырской библиотеке и музее.

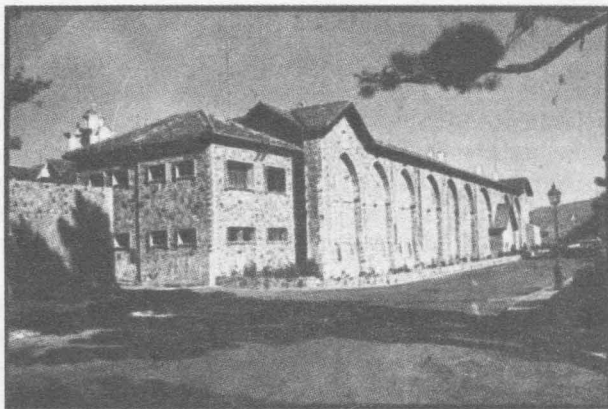
Киккский монастырь - мужской. Монахов здесь немного, всего около двадцати. Все они красивые, одухотворенные, образованные (некоторые учились в университетах Англии). Есть среди них даже один русский монах. Монахи только молятся, занимаются научной работой и встречают многочисленных гостей со всего света. Огромным хозяйством монастыря занимаются мирские работники по контрактам за приличную плату. Как правило, это тоже верующие люди, желающие потрудиться во благо монастыря. На Кипре, вообще, быть верующим православным христианином так же естественно, как быть гражданином своей страны.

Кикко-монастырь имеет еще более глубокое значение в связи с тем, что в нем, будучи 13-летним послушником-монахом, начинал свой путь Архиепископ Макариос. Здесь, всего лишь в двух километрах от монастыря, на высоте птичьего полета находится его усыпальница. Мы поднимались туда пешком. Очень трогательно было увидеть у могилы Макариоса почетный караул - вооруженного автоматом часового, несущего вахту у могилы своего первого Президента-Архиепископа.

Вот этот монастырь и стал обителью «Синдесмоса» на две недели, пока шла Генеральная Ассамблея.

ВСЕ УЧАСТНИКИ АССАМБЛЕИ, среди которых большинство молодых людей до 40 лет (в их числе и миряне, и священники, и монахи, и даже епископы), жили в комнатах монастырских гостиниц, полностью оснащенных всем необходимым и по-европейски комфортабельных.

Постояльцы были самых разных национальностей (это вообще принцип «Синдесмоса» - смешивать,

Кикко-монастырь

вать, связывать). Со мной в комнате поселились корейка Татьяна (ее имя в крещении), немка Мэри и гречанка Мария. Русской речи никто из них не понимал - общались по-английски. Кстати, английский - официальный язык «Синдесмоса» и общий - для всех участников, его знают все. Было очень приятно, что почти все молодые люди в «Синдесмосе», кроме своего родного языка, свободно владеют по крайней мере двумя европейскими. А заседания Ассамблеи обеспечивались синхронным переводом на греческий и русский.

Первый день открытия Ассамблеи ознаменовался интересным событием; когда все внушительное собрание разместилось в конференц-зале монастыря, вдруг раздался гул, и неподалеку, на площадке, приземлился вертолет. Из него вышли нынешний президент Кипра и архиепископ Хризостомос. Неожиданных гостей собрание приветствовало стоя, зазвучала молитва на греческом языке, которую пели киприоты и греки — участники Ассамблеи. После приветственных слов и официального открытия Ассамблеи все вышли к вертолету, сделали общий снимок (вместе с президентом и архиепископом), и вертолет с высокими персонами поднялся в воздух. Все было так удивительно спокойно и естественно — никаких телохранителей, никакого оцепления и ажиотажа.

Дни наши проходили так: в 5.30 - утреннее богослужение в часовне или церкви монастыря, в 8.00 - завтрак, в 9.00 - заседание, в 14.00 - обед, затем - опять заседание (во время заседаний - два перерыва «на кофе»), в 18.30 - вечернее богослужение, в 20.00 - ужин. Вечерние часы были заняты свободным общением или работой в группах над разными проблемами (например, «Христианское образование», «Молодежь, духовность, возрождение», «Церковь и культура» и т.д.), были презентации новых членов, вступающих в «Синдесмос». Затем перед самым сном в 22.30 - общая вечерняя молитва в часовне. Богослужения проводились на всех языках, представители которых собрались на Ассамблее.

Поскольку моя специальность - регент церковного хора, на меня возложили обязанность организовать церковно-славянский хор и петь за

богослужениями наряду с греческим хором монастыря и присутствующими на Ассамблее греками. Хор мой составил человек из пятнадцати - русских, поляков, югославов, чехов, словаков, норвежцев и одной финки. Мы репетировали в свободное время, которого почти совсем не было, но пели, надо сказать, не плохо, так как все уже имели навык пения в церковных хорах у себя на родине.

Второй хор был греческий, чисто мужской - пение одноголосое с иссоном (это когда на фоне мелодии тянется один квинтовый или октавный звук).

Еще очень красиво пели индусы. Своеобразное интересное пение и у африканцев. Так было здорово! Православное богослужение, известные тексты на разных языках и в разных культурных традициях!..

Вообще, на Ассамблее царила атмосфера свободы, радости и любви. Не наблюдалось ничего фанатичного, нелюбовного, рационально узкого, строго судящего с вершины какой-то своей мнимой правды, пусть внешне догматически правой, но лишенной рождения в Духе. И здесь я с радостью увидела Церковь творящую, растущую. Как учреждение богочеловеческое она имеет неподвижную мистическую основу в лице Иисуса Христа и содержит истинное догматическое учение о Нем, но другой стороной своего бытия предполагает человеческую стихию, развивающуюся исторически в границах времени и пространства.

Я УВИДЕЛА ЗДЕСЬ не только Церковь-храм, но Церковь - человечество, Церковь-культуру, Церковь-общественность. Так и должно быть. Церковь - это не только богослужение и храмовое благочестие, это полнота жизни в вере и во Христе. Церковью освящается все бытие: плодородие земли, человеческое супружество и чадородие, творчество, веселье молодости, радость жизни и красота природы. Здесь каждый свободен выбрать - кем стать в зависимости от своих возможностей: монахом или супругом, священником или мирянином, служить Христу в миру или за стенами монастыря. И все равно это все - Церковь! Это у нас неправильно понимают Церковь как приют для усталых и отстающих. Настоящая живая Церковь - для работников и мужей, где рядом с общей молитвой кипит общая соборная жизнь, полная духовных даров - в том размахе и диапазоне, от которого не может и не должен отказаться современный человек. Церковная ограда должна вмещать в себе не один только дом для инвалидов и богадельню, которые в ней были до сих пор, но и рабочую мастерскую, и ученый кабинет, и художественную студию.

«Синдесмос» ставит своей целью возрождение церковной жизни православной молодежи, но не на основе инквизиционного режима, а на основе свободного общения и соборного творчества - так, чтобы для участия в творении культуры не

пришлось удаляться в «страну далече», за пределы соборной жизни и церковного общения.

Кроме заседаний и богослужений, на Ассамблее была интересная культурная программа. Нас возили в Никосию - столицу Кипра, где мы посетили музей иконописи в Архиепископском дворце, посмотрели достопримечательности города и заглянули в молодежный христианский лагерь Кипра, где кипрские студенты дали для нас прекрасный концерт, в котором участвовал хор, ансамбль скрипачей и ансамбль народного танца. Потом был совместный пикник с шашлыками и виноградом.

Апогеем Ассамблеи явилась ночная служба в Киккском монастыре. Всенощное бдение и Литургия длились до трех часов ночи. Это было похоже на Пасху. Прекрасное греческое пение - как волны океана, как космос, в алтаре - священники из разных стран, возгласы, пение, молитвы на всех языках, древняя византийская красота убранства церкви, греческие иконы, в которых так много солнца, тончайший благоуханный аромат ладана. Мы все - едины во Христе и так в этот момент любим друг друга, и все причащаемся из одной Чаши, из рук русского епископа. Это было как Царствие Божие, уже явленное, пусть на короткий миг, уже показанное и данное в ощущении. От неизъяснимой полноты сердца я не могла сдерживать слез.

Последние слова епископа заставили содрогнуться от восторга и страха Божьего: «Христос посреди нас!» И - как выдох всей церкви, всего собрания верных: «И есть и будет!»

А потом - «АгареMeal», Трапеза Любви... Она длилась до рассвета, и когда огненное солнце поднималось над монастырем, мы, стоя в общем кругу, держали друг друга за руки - черные и белые, из России и из Австралии, из Финляндии и из Америки - называли друг друга по именам, обнимали друг друга и знали, что никогда забудем эту ночь, и эту службу, и Киккский монастырь. И всегда между нами будет наш «Синдесмос» - связующая нить, которая объединит нас во Христе.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ АССАМБЛЕИ для желающих «Синдесмос» организовал экскурсии - паломничества в Сирию, Ливан или Иерусалим. Я выбрала Иерусалим, потому что это - мечта всей моей жизни.

Мы плыли целую ночь на большом белом пароходе «Принцесса Марисса». Лунная дорожка на черных морских волнах, ведущая в Землю Обетованную - Израиль... Наутро, ступив на Святую Землю, мы сели в автобус и поехали в Иерусалим. Я с трепетом ожидала встречи с ним - столько раз произнесенное имя этого города в церковных молитвах, оно стало символом небесной недостижимой мечты. «Под небом голубым есть город золотой» - вспомнилась вдруг песня. И вот наконец я увидела его: белый город на холмах, залитый

ослепительным солнцем. Город, которому 3000 лет. Но всё такие же дома из белого камня с плоскими крышами, как и тогда... Каким его видел Христос, когда смотрел на него с горы и плакал о нем? Мне вдруг ясно представилось: таким же.

Среди растительности, как свечи, возвышаются стройные остроконечные кипарисы, и горы - ступенчатые, с белыми камнями, высушенными и выбеленными солнцем за тысячи лет. Круглые белые камни разных размеров заставляют вспомнить слова первого искушения в пустыне: «Сделай так, чтобы камни эти стали хлебами». Он не сделал. И камни эти лежат тут до сих пор, по-прежнему увлекая разум в сети лукавства мира сего.

Вблизи город совсем другой - современный, красивый, с многоэтажными домами, но этого не видишь, потому что все внимание устремлено туда, к старому городу, к этим каменным стенам с семью воротами, за которыми свершилось все. В какие из них Он въехал на осле?.. Мы вошли в Новые ворота, которые сделаны крестоносцами, пришедшими освободить Гроб Господень. Но сделать это им так и не удалось - ибо по-прежнему поет муэдзин с высокого минарета, созывая правоверных мусульман, и зов его разносится над святынями Иерусалима. Я вдыхаю горячий, чуть влажноватый воздух - этим воздухом дышал Он, по этим белым камням Он ходил... Я пришла сюда через две тысячи лет. Пелена слез застилает глаза...

Мы входим в храм Воскресения и первое, что видим - место снятия со Креста и каменную плиту чуть розоватого камня, где лежало Его Тело перед погребением. Опускаюсь на колени и целую камень, уже истонченный от поцелуев, которыми прикасались к нему тысячелетия. Долгие века омывали камень этот слезами, как когда-то ароматами омывали Его Тело.

Голгофа. Вот отверстие, где был Крест. Вот расщелина в скале, куда стекала Кровь Его. Все теперь покрыто мрамором, и все стало Престолом и Храмом...

Кувуклия Гроба Господня. Тихое пение - как в Пасху перед крестным ходом. Полумрак и мерцающие лампы.

Я пришла сюда через две тысячи лет, но я давно все это чувствовала и прозревала в своем маленьком храме, в далекой России - в храме, который, как и всякий другой, соединен незримыми нитями с этим Святым Гробом. Это Пасха. Здесь Центр мира.

Потом был Вифлеем. Пещера Рождества Христова. Ясли. Теплота Рождества, сияние свечей, золотая звезда на месте, где был рожден Младенец. Мне все-все здесь знакомо, и меня совсем не удивляет, как чудесно все связано: зной Иерусалима и снега России. Связано Рождеством.

Мы поем по очереди рождественские песнопения

своих стран на своих языках. Это наш подарок Младенцу.

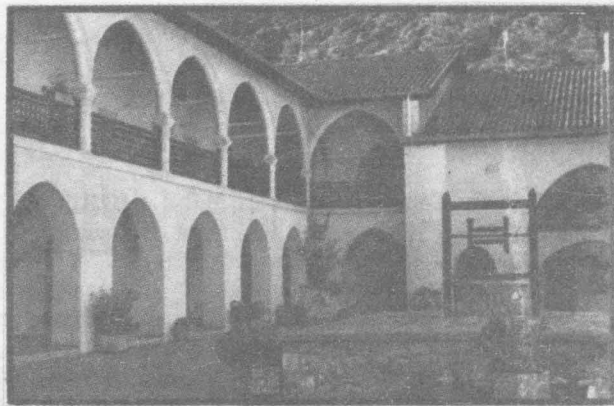
Здесь - Колыбель мира.

Господи, Иисусе Христе, звезда светлая и утренняя, только Тебя хочу любить! Что может мне предложить мир без Христа? Бесплодность современной философии, ушедшей в формальную схоластическую работу? Или современную науку, которая необыкновенно обострила умственное зрение человечества во всем, что касается внешней стороны явлений, но ни на йоту не подняла покровы Изида, закрывающего природу явлений? Или современную технику, которая сделала человека удивительным ремесленником, отточила его рабочий инструмент, но оставила человека, живущего в этом ремесленнике, по-прежнему с протянутой рукой? Или современное искусство, которое при всем богатстве новых форм художественной техники опускается до мертвящего натурализма, утилитарной тенденциозности либо до бессильного эстетизма? Или, может быть, светский гуманизм, тщающийся объединить всех на основе общечеловеческих ценностей?

Современные люди стараются придумать новые, все более совершенные формы общения и внешнего объединения людей, но становятся ли люди действительно ближе друг к другу, больше ли стало любви на земле? Если мы будем искренни, мы увидим: при всей внешней солидарности духовное одиночество, убийственный, безысходный индивидуализм, самомнение и жажда власти - таково истинное духовное состояние современного человечества.

Действительное объединение людей может быть только мистическим, религиозным. Осуществить это вне религии - совершенно недостижимая цель. Нет спасения вне Христа. «Красота спасет мир». Но - красота одухотворенная, осмысленная, за которой стоит Живая Личность Бога.

Инна КУЗНЕЦОВА,
Общество христианской
культуры и искусства
св. Антония Римлянина
октябрь 1995 г.

Кинко-монастырь

Н. Илья. Р. Новгород

Р
У
К
О
П
И
С
И

Рубрика «Рукопись» — новая для альманаха «Чело». В ней редакция собирается публиковать рукописи книг, написанные новгородцами, но нигде не изданные. И открывает рубрику рукопись книги «ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО СОВРЕМЕННОГО НОВГОРОДА» («Художники земли Новгородской»), написанная кандидатом искусствоведения Татьяной ВОЛОДИНОЙ и критиком-искусствоведом, членом Новгородской организации Союза художников России Татьяной ЗОЗУЛЕНКО.

Данная рукопись — единственная в своем роде и представляет собой исследование современного изобразительного искусства Новгорода с 50-х до середины 90-х годов нашего века. Рукопись была подготовлена к печати в Ленинградском — Санкт-Петербургском издательстве «Художник России» в 1992 году. Но по некоторым причинам — в основном, из-за отсутствия финансов — книга не увидела свет. Поскольку она, несомненно, представляет интерес для всех, кто любит искусство и хотел бы поближе узнать о направлениях, видах и жанрах именно новгородского изобразительного искусства, о творчестве многих профессиональных художников (большинство из них — члены Новгородской организации Союза художников России), мы и решили опубликовать эту работу в нескольких номерах альманаха, чтобы все желающие смогли затем собрать отдельные главы в целую книгу.

Итак, представляем первую часть — вступление к книге «Изобразительное искусство современного Новгорода» — «Истоки».

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО СОВРЕМЕННОГО НОВГОРОДА

Художники земли новгородской

Глава I. ИСТОКИ

СКОЛЬКО СТОИТ НА ЗЕМЛЕ НОВГОРОД, столько трудятся в нем мастера — живописцы и зодчие, резчики и ювелиры, кузнецы и вышивальщицы. В каждом столетии по-своему украшали они храмы и дома, улицы и кремль, посреди которого вот уже девять веков возвышается святыня города — Софийский собор. «Где София — тут и Новгород», — говорили в древности. Говорят и сейчас, в год 950-летия Софийского собора, не переставая удивляться мастерству древнерусских художников. Имена боль-

шинства из них так и остались неизвестными. Зато известны творения их рук.

С Новгородом связываются представления об эпохе расцвета русской национальной культуры. Еще в XIX веке пробудился интерес к изобразительному искусству Древней Руси. Центром поисков и интереснейших находок стал Новгород, который всегда славился замечательными произведениями народных умельцев.

В Новгородском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике собрана одна из лучших коллекций икон. Причем составлена она в основном из первоклассных экспонатов, принадлежавших когда-то крупным монастырям и храмам новгородской земли. Самые древние из них датируются XII, XIII веками. Древнейший памятник в собраниях музея — икона «Петр и Павел» из Софийского собора, которая была написана и украшена серебряным чеканным окладом в начале XII века.

Конечно, в кратком очерке невозможно подробно осветить всю предысторию, но хотелось бы назвать истоки, послужившие развитию современного изобразительного искусства Новгорода.

Творчество художников древнего Новгорода — яркое, выразительное, несущее в себе философию и культуру народа, его характер, отражало мощь русского духа, строгую красоту северной природы. Это — простота, достигшая совершенства.

Хозяйственный подъем Новгорода в XII веке как крупного торгового центра вызвал и расцвет культуры. Появление светской литературы, приток сочинений византийских авторов и античной философской литературы (через многочисленных паломников в «Господин Великий Новгород») не могли не повлиять на творчество новгородских художников. Они «наиболее свободно обращались и с иконографическими схемами, и с традициями. Может быть, именно этим вызвано довольно большое разнообразие манер, «стилей», хотя в целом развитие искусства шло по руслу, как бы соединяющему два потока — уточненно-изысканного, аристократического и более простого, демократического».

ЯРКИМ И ОЧЕНЬ ВАЖНЫМ СОБЫТИЕМ было открытие в Новгороде в 1973-1977-м годах археологами усадьбы художника-иконописца второй половины XII — начала XIII века. Обнаруженная впервые иконописная мастерская открыла перед нами великие тайны древнего искусства новгородцев, рассказала о том, как работал художник. И главное — открыло его имя — Олисей Гречин, что особенно ценно, ибо «за всю историю летописания новгородские летописи сохранили имена только трех художников: Гречина Петровича под 1196 годом, Исая Гречина под 1348 годом и Феофана Грека под 1378 годом. Если в основе этой избирательности лежат талант и слава, а не слепая случайность, надо надеяться, что Олисей Петрович Гречин принадлежал к числу прославленных мастеров». Тщательный анализ находок на этой усадьбе «привел к окончательному убеждению, что именно Олисей Гречин был главой художников, писавших фрески знаменитой церкви Спаса на Нередице XII века».

А как блистательно выполнены фрески в церкви

Рождества Богородицы на Мячине (начало XII века), лишь недавно открытые реставраторами под слоем штукатурки, фрески в церквях Федора Стратилата на Ручье и Успения на Волотовом поле (1378), фрески церкви Спаса на Ковалеве (1380)!

Широко известно в мире имя Феофана Грека, более шестисот лет назад работавшего над фресками в церкви Спаса Преображения на Ильине улице в Новгороде. *«Преславный мудрец, очень искусный философ, превосходный художник книги и среди иконописцев отменный живописец»*, — так характеризовали его современники. *«Феофановские персонажи вызывают восхищение, движения их исполнены непреодолимой мощи. Воля человека соединилась с высшей энергией»*. Эстетический идеал Феофана Грека во многом оказал влияние на последующее развитие изобразительного искусства в Новгороде и вообще на Руси.

Во второй половине XIV века в Новгороде работало много художнических артелей, иконописных и других мастерских. Из века в век жили и трудились в Новгороде мастера при монастырях, в артелях, в помещичьих усадьбах. И слава о них шла далеко за его пределы. Приглашали их работать во многие города и монастыри. В XVI-XVII веках призываемые в Москву новгородцы привносили традиции своего искусства в создаваемые там произведения. Не меньшее влияние оказывали они и на мастеров Севера. А начал строиться город Петра — и туда послали новгородцев. И хоть жилось им несладко, и безмянны зачастую оставались мастера, но, вопреки всему, создавали они свои произведения, даря людям отраду и надежду, выказывали в своих творениях щедрую душу русского человека, всегда мечтавшего о лучшей доле для своего народа, для своей земли.

ОТДЕЛЬНУЮ И УДИВИТЕЛЬНУЮ страницу представляет собой история новгородского декоративно-прикладного искусства, основанного на древних народных традициях. Оно прошло большой и сложный путь развития и всегда было тесно связано с изобразительным искусством Новгорода — монументальной и станковой живописью, миниатюрами и орнаментом рукописных книг. *«Как правило, художники-прикладники использовали достижения своих собратьев в монументальной и станковой живописи, заимствуя иконографические схемы и композиции. Правда, бывали периоды, когда развитие этих видов искусства проходило параллельно, при взаимном обогащении друг друга, и еще реже наблюдаются случаи обратного влияния прикладного искусства на отдельные виды изобразительного искусства»*.

О прикладном искусстве Новгорода говорят и пишут немало. Во Владычной (Грановитой) палате кремля располагалась постоянная экспозиция Новгородского государственного музея-заповедника, где представлены изделия декоративно-прикладного искусства, начиная с XI века до XX. Многие из представленного — уникально. Просто диву даешься, какого мастерства и изящества добивались в своем творчестве русские мастера — ювелиры и чеканщики, серебряники и резчики!

При археологических раскопках в Новгороде к 1982 году *«было открыто более 135 мастерских разных веков. Среди них — мастерские замоч-*

ников, кожевников, укладчиков, ювелиров, серебряников, литейщиков и т. д.». И это немудрено, ведь даже в конце XVI века, *«в эпоху значительного экономического упадка Новгород насчитывал 5465 ремесленников и торговцев, распределяемых по 237 профессиям»*.

С О СТРОИТЕЛЬСТВОМ ПЕТЕРБУРГА культурная жизнь Новгорода, становившегося все более малонаселенным и провинциальным, начала постепенно гаснуть. Молодые художественные таланты стремились в расцветающую столицу. Собственно Новгород *«никогда не был сколько-нибудь заметным центром научной мысли. В нем не имелось высших учебных заведений... Лишь одно обстоятельство не могло не сказаться на проявлении здесь собственных научных устремлений: исторический характер города и обилие в нем древностей»*. Именно это привлекало к Новгороду со времен Державина и Пушкина литераторов и художников. С тщательностью и документальностью, не раз потом помогавшей исследователям, изображал Новгород и его памятники Н. И. Мартынов. Историк Н. М. Карамзин, художники А. Д. Кившенко, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, Клавдий Лебедев и другие мастера XIX века неоднократно обращались в своем творчестве к истории древнего города, романтически воспринимая и изображая его.

В начале XX века этот интерес к русской старине привлек в Новгород живописцев и графиков В. В. Переплетчикова, А. П. Рябушкина, Н. К. Рериха, А. В. Маковского, крупного петербургского офортиса А. В. Манганари. Произведения о Новгороде все чаще появлялись на художественных выставках. Да и художники стали бывать в нем не просто проездом. А. Н. К. Рерих даже участвовал в раскопках в самом городе и Новгородской губернии.

Были здесь и два местных научно-исторических общества. Первое из них — Общество любителей древности — было создано в 1894 году и *«зарекомендовало себя довольно интенсивной издательской деятельностью, выпустило до революции семь сборников научных трудов»*. Последний (девятый) сборник вышел уже в 1928 году. Вскоре Общество любителей древности перестало существовать. Второе же общество, созданное в 1912 году, прекратило свою деятельность сразу после революции.

С. Пустовойтов. "ВЯЖИЩЕ", 1980 г., бум. ак., 50х70

К 1917 ГОДУ В НОВГОРОДЕ было два музея: музей древностей и епархиальное древлехранилище. Один состоял в подчинении гражданского, другой - церковного ведомства. Первый был основан в 1865 году (но неоднократно закрывался), второй - в 1911 году. *«Быть бы и ему, - писал директор Управления новгородскими губернскими музеями Н. Г. Порфиридов, - еще одним бесславным провинциальным собранием «церковной старины»... если бы не участие в работе и судьбах музея крупных специалистов, столичных ученых... академиков А. И. Соболевского и В. Н. Перетца, профессора Д. В. Айналова и других... Главное, чем снискало широкую известность... и завоевало почетное место в науке, была широко развернутая в нем деятельность по реставрационному раскрытию произведений древнерусской живописи».*

В 1918 году древлехранилище и музей древностей перешли в ведение Губернского отделения народного образования и стали называться «Историческим музеем». Надо сказать, что из Новгорода было вывезено немало замечательных произведений искусства, древних рукописей и книг в хранилища Петербурга и Москвы, *«за отсутствием интереса к ним и надлежащего хранения на месте».* С этого года Новгород стал ареной оживленных реставрационных работ, каждая из которых открывала новые памятники мирового значения. В центре внимания оказались древнерусское зодчество и новгородское древлехранилище. Начиная с 1918 года, сюда неоднократно приезжала всероссийская реставрационная комиссия, руководимая И. Э. Грабарем. Он писал: *«Одного взгляда на крепкие, коренастые памятники Великого Новгорода достаточно, чтобы понять идеал новгородца-доброго воюки, не очень обтесанного, мужиковатого, но себе на уме, почему и добившегося вольницы задолго до других народов, предприимчивого не в пример соседям, почему и колонизовавшего весь гигантский Север, в его зодчестве - такие же, как он сам, простые стены, лишённые назойливого узора, которое, с его точки зрения, «ни к чему», могущие силуэты, энергичные массы. Идеал новгородца - сила, и красота его - красота силы. Не всегда складно, но всегда великолепно, сильно, величественно, покоряюще. Такова же и новгородская живопись - яркая по краскам, сильная, смелая, с мазками, положенными уверенной рукой, с графами, прочерченными без колебаний, решительно и властно».*

РОССИЙСКИЕ ХУДОЖНИКИ заново открывали для себя красоту Новгорода, находили в нем источник вдохновения.

В 20-е годы стали организовываться кружки самодеятельных художников Новгорода, создавались отделения ОМАХРа, был устроен зал для выставок, появился ряд новых музеев. В 1922 году, после изъятия церковного имущества, были созданы «Хранилище ценностей», а также краеведческий музей и музей революции. Губернский исторический музей переместился в «Архиерейские покои», где в большом зале, позже перестроенном под театр, стали организовывать лекции по истории и искусству. Сотни слушателей собирали лекции академика С. Ф. Платонова, профессора И. П. Сычева, художника К. С. Петрова-Водкина и других.

В 1925 году состоялось открытие Картинной галереи, произведения для которой собирали в брошенных усадьбах по всей губернии, а также были переданы из Государственного музейного фонда и из Русского музея в Ленинграде. Помощь в экспертизе музейного фонда живописи оказали академик живописи О. З. Браз и реставратор Н. Е. Давыдов. В этом же году по инициативе директора Управления новгородскими губернскими музеями Н. Г. Порфиридова художественные коллекции были объединены в Музей древнего и нового русского искусства. Фонды музея насчитывали около пяти тысяч экспонатов, в том числе четыреста произведений русских и советских художников.

Частыми стали в Новгороде и художественные выставки. Вместе с местными художниками в них принимали участие художники и архитекторы из Ленинграда, работавшие в Новгороде: Н. П. Сычев, А. И. Кудрявцев, М. В. Фармаковский, В. И. Талепоровский, художественная молодежь: Е. К. Эвенбах, Н. И. Толмачевская, З. И. Крылова.

Из Москвы и Ленинграда приезжали живописцы и графики, привлеченные красотой и величием памятников древнерусской архитектуры, иконописи. Среди них был ленинградец, ученик К. С. Петрова-Водкина Л. Т. Чупятов, москвичи Н. М. Чернышев, М. А. Добров и другие. Такие известные мастера, как К. С. Петров-Водкин, С. В. Герасимов, П. П. Кончаловский, запечатлевали на своих полотнах древние храмы, многие из которых позже были варварски разрушены во время оккупации Новгорода гитлеровскими захватчиками.

КОГДА В 1944 ГОДУ встал вопрос о восстановлении Новгорода и его замечательных памятников древнерусского зодчества, было решено, что центр вновь образованной области, отделившейся от Ленинградской, должен быть не в полностью сохранившихся Боровичах, а именно в освобожденном от фашистов Новгороде. Идея восстановления великого города из руин сливалась с идеей восстановления его былой славы как центра древнерусской культуры. Прогрессивно мыслящие ученые, архитекторы, реставраторы, художники видели в этом новое будущее Великого Новгорода, возрожденного из пепла, с великими лепными мировой известности памятниками древнерусской архитектуры, музеями, театрами, дворцами культуры, с развивающимися на основе многовековых традиций культурой и изобразительным искусством.

Возникновение профессионального изобразительного и декоративно-прикладного искусства — одно из важнейших слагаемых культурной жизни послевоенного Новгорода. Уже в 1950-е годы из среды архитекторов-реставраторов, работавших в новгородских реставрационных мастерских (созданных в 1945 году), художников-производственников с заводов «Пролетарий», «Красный фарфорист», «Восстание» выделились наиболее одаренные. Они постоянно участвовали в выставках открытого в 1949 году Дома народного творчества. Эти экспозиции — до 1956 года ими ограничивалась выставочная жизнь города — отличались размахом в показе творчества местных авторов, разноплановостью экспонатов. Одна из них, например, представляла зрителям более чем 1200 работ 265 участников от вполне профессиональных (произведения Г. М. Штендера, З. В. Алексеевой, И. П. Колонистова, А. И. Гориной - участников республиканских художественных выставок) до под-

елок и макетов, выполненных школьниками, пенсионерами - любителями в полном смысле слова. Четкой границы между самодеятельным и профессиональным творчеством не было. В целом в первое послевоенное десятилетие в Новгороде предпочтение отдавалось именно любительству, что приводило к недооценке значения искусства, его роли в обществе, создавало отношение к нему лишь как к форме проведения досуга. Это сдерживало развитие профессионального искусства в области.

Именно поэтому вопрос объединения художников встал особенно остро. Попытки создания отделения Союза художников в 1946, 1950, 1954 годах оказались неудачными, так как необходимой для вступления в творческий Союз выставочной практики не было почти ни у кого из новгородцев.

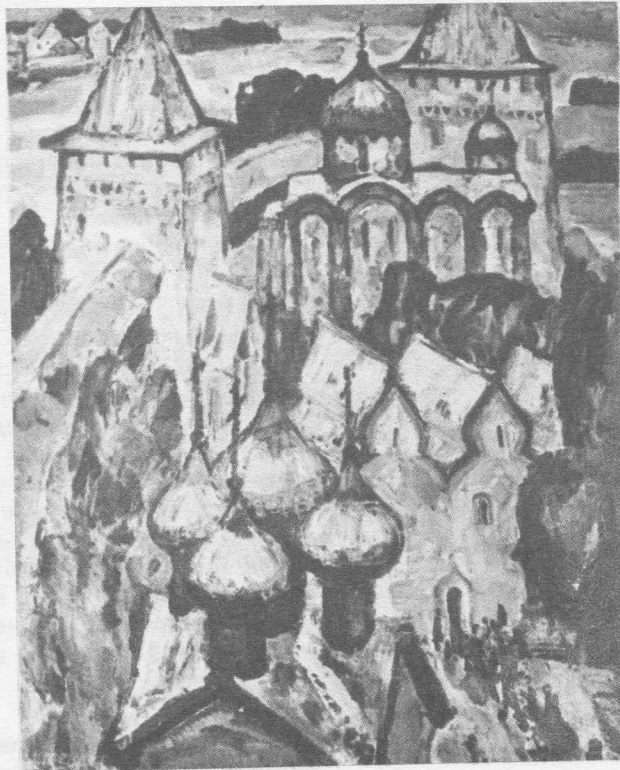
ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

областные выставки художников-профессионалов (1956, 1957 гг.) положили начало процессу последовательного творчества. Представители Союза советских художников А. М. Грицай, Ю. П. Кугач, рецензируя произведения новгородцев, в своих оценках ориентировались не на местный, а на республиканский и всесоюзный уровень, призывали к серьезной творческой учебе.

Архитектор-реставратор Г. М. Штендер, выпускник живописного факультета Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Д. В. Журавлев, вышедший из самодеятельности В. С. Рябов были первыми новгородскими художниками, произведения которых шагнули за пределы области, экспонировались на республиканских и всесоюзных

выставках середины 1950-х - начала 1960-х годов. Именно эти художники возглавили организационное бюро (1962-1968 гг.), которое провело огромную работу по оживлению и упорядочению выставочной практики, привлекало к творческой работе художников декоративно-прикладного искусства, поддерживало тесные контакты с областным музеем, сотрудники которого активно участвовали в пропагандировании творчества своих земляков.

Определяющую роль в становлении профессионального искусства в Новгороде сыграли зональные художественные выставки. Именно они открыли широкому зрителю замечательных новгородских мастеров фарфора и стекла С. К. Моисеенко, И. П. Колонистова, З. В. Алексееву, А. И. Горину, жи-

Г. Штендер. "НОВГОРОДСКАЯ ТВЕРДИЦА", 1972 г., х.м.

вописцев Д. В. Журавлева, Г. М. Штендера, В. С. Рябова, Л. П. Новикову, В. М. Чехонадского, В. Ф. Филиппченко. К 1968 году в Новгороде было уже 11 членов СХ РСФСР, что позволило создать в области отделение (ныне - организация) СХ РСФСР. Через год начали работать производственные мастерские Новгородского отделения Художественного фонда РСФСР, которые помогали закреплению художественных кадров в области, создавали условия для профессионального роста молодых специалистов, стали базой для развития станкового, монументального, оформительского искусства. На рубеже 1960-1970-х годов в Новгород приехала большая группа выпускников Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухомовой и других учебных заведений подобного профиля. В. Ф. Трофимов, Е. В. Суцень, Б. Л. Непомнящий, В. Д. Кузнецов, О. А. Кузнецова, О. А. Глаголина-Гусева, Б. К. Петров, В. А. Бабилов, Э. М. Гинзбург, С. П. Рыбаченко, работая на предприятиях города и в системе Художественного фонда, одновременно активно включились в выставочную деятельность. Через несколько лет многие из них стали членами СХ СССР.

Большое значение для развития живописи и

графики в Новгороде, для становления новых жанров, расширения тематики имели творческие бригады, созданные на различных предприятиях города и области, в колхозах и совхозах в 1972-1973 годах и ставшие тогда традиционной формой работы новгородских художников. Кроме того, Д. В. Журавлев, Л. П. Новиков, В. С. Рябов, Д. С. Кондратьев неоднократно входили в состав республиканских творческих групп, которые, как и дома творчества «Академическая дача», «Челюскинская», «Старая Ладога», стали настоящей школой мастерства для новгородцев.

Новгородская организация СХ РСФСР объединяет мастеров самых разных видов искусства: живописцев и графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства, монументалистов. Многие из них достойно представляют Новгород на региональных, республиканских, персональных и зарубежных художественных выставках. Их произведения хранятся во многих музеях страны, частных коллекциях на родине и в разных странах всего мира. Но самая большая и ценная коллекция произведений живописи, графики, скульптуры, художественного стекла и фарфора, ювелирного искусства современных новгородских художников хранится в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике, который в 1995 году отмечает свое 130-летие.

Литература:

- Г. Вочаров. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969.
- В. Янин. Статья в газете «Новгородский комсомолец», 22 авг. 1987.
- С. Ямщиков. Город-музей. Древний Новгород. М., 1983.
- Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Н. Порфиридов. Воспоминания. Новгородский исторический сборник. Л., 1982.
- И. Грабарь. Андрей Рублев. Вопросы реставрации, № 1. М., 1926.

К 50-летию поэта

РУСЛАН ДЕРИГЛАЗОВ родился в 1945 году в Чите. Учился на механико-математическом факультете Новосибирского университета, окончил Литературный институт (семинар литературной критики). Более четверти века отдал журналистике, работал в газетах и журналах Сибири и Новгорода. Стихи пишет с 1965 года, но первая публикация состоялась лишь в 1989 году — в журнале "Север". Печатался также в журналах "Слово", "Нева", "Русская провинция", "Поле Куликово", в коллективных сборниках. Автор трех поэтических книг; автор-составитель изданного за собственный счет популярного сборника "Я частушек много знаю"; инициатор и редактор переиздания "Новгородских сказок". Член Союза писателей России.

ОТ АВТОРА

С благодарностью приняв приглашение редакции "Чела", я включил в эту подборку дорогие для меня стихи из разряда, так сказать, неприкаянных. Цикл "Межсезонье", посвященный новосибирским ученым-биологам Валерию и Татьяне Глазко, никогда не публиковался полностью — лишь два стихотворения из него напечатаны в "Неве" (N 8, 1990). Представленные здесь четверостишия были совершенно произвольно (из-за чудовищно некачественного набора) выброшены редактором "Рекламной библиотечки поэзии" из книги "Во глубине родных созвездий" (Москва, 1993) — причем настолько бездумно, что "выпало" даже четверостишие, давшее название всей книге. Рад, что эти обиженные судьбой строки увидели, наконец, свет.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

В. и Т. Глазко

17 августа

Сегодня сердцу плачется,
как небесам дождится...

Поль Верлен

Дождь карнизом шебаршит.
Вот и этот день прошел.
Зябкой ниточкой прошит,
я сижу промежду зол.

И в одной горсти — зола,
а в другой горчит перо.
Было — я не помнил зла;
может, было — да прошло.

Дождь исполнен укоризн.
Жизнь красна и без красот.
Дождь идет. Проходит жизнь.
И под ложечкой сосет...

* * *

Все о дожде.
А он давно прошел.
Все о любви.
А желтый лист летит.
Все об одном —
то жалок, то смешон.
Прости вас Бог.
Но кто меня простит?

* * *

Я знаю искренности цену,
самоотверженности чувств,
когда душа нейдет на сцену,
на шаткие подмостки уст...

21 августа

(Из монолога современного героя)

Как по дождю пройти —
не замочиться, по грязи —
не запачкаться... Помилуй!
Немыслимое мыслимо ли мыслить?!
Как — жизнь прожить,
души не потерять...

23 августа. Межсезонье

Напыщен август, слог его витиеват —
глаголы медленны, эпитеты обильны:
так бронзовеет лист, и льстит ему трава,
и — к горлу ком — так подступают ливни
к глазам небес — не зная ни аза
из вечной прописи, так молнией мгновенной
вдруг ослепляет бранные глаза
геенны образом — как отворенной веной,
заворожив, — так двери отворив,
так окна настежь, ветер в сердце бросив
одной пригоршней, — вынести прилив
и вод, и бед, поняв, что в мире — осень.

25 августа

Бульвары медленны, заласканы листвою,
листвою залузганы, и лужицы заплата
беспечно весела, и все вокруг с тобой
по-детски запросто — почти запанибрата.
Зарплата далека — недалеко расплата
за полдень солнечный, за воздух голубой;
дожди, колокола — вздох, наперебой —
все об одном твердят — что жизнь не виновата.
Всего-то — облаков одышливая вата,
примочка мятная да сквознячок рябой...

* * *

Начинается осень — напевная жизни пора,
начинается песней — а кончится без году плачем,
так поплачемся милым — в немилость
и вон со двора! —
с песней по миру — как босиком
по камням горячим...

28 августа

...и горькая промозглость носо-глотки,
и затажное выпаденье утр,
и кровельное пенье в поднебесье,
и шаг дождя, и волглый ропот листьев,
и приступы полуденной полутьмы
(о, слепота на расстанях сиянья!)...

.....

1977, Новосибирск

ВО ГЛУБИНЕ РОДНЫХ СОЗВЕЗДИЙ

Из книги четверостиший

Нет, мир вокруг невелик и страшен
не бессердечностью своей,
а тем, что словом приукрашен
и преумножен ложью дней.

* * *

Как женщина чудесна ввечеру
в покойном кресле с долгим вышиваньем —
и под немолчный шелест вышиванья
так сладко пальцам плачется к костру.

* * *

Там, где бил родник, засыхает гной,
где пылал огонь — человеческий кал.
Что ж, всмотришься в себя, и об этом пой:
кем от Бога был — чем средь мира стал.

* * *

Мы все еще томимся сказкой
в надежде на благой исход.
А воздух уж горит развязкой —
и Страшный Суд уже идет.

* * *

Некогда было нелегкое счастье Сократа. —
Легких несчастий череда нас убивает теперь.
Знание в досуги его поступью легкой входило. —
Дланью тяжелой оно нас убивает теперь.

* * *

Просторы духа — дело к вечеру —
Господь, не отврати очей! —
позарастили человечиною —
и не заглохших нет ключей,

* * *

В немом предчувствии обрыва
(его не минуть — и не тщишь),
ах, как мы смотрим терпеливо
на убегающую жизнь!

К автопортрету

Не по годам устал и странен.
Уж и гадать соблазна нет.
И угасает в нищей раме
со мною вместе белый свет.

* * *

Не звезды ль стадным чувством правы?
Зачем кончается во мне
и в мире жизни темный навык?
Вольнее ль будет петь волне?..

* * *

Время идет — человек остается.
Время уходит — и нет никого.
Нет человека — лишь облачко вьется:
след от дыханья и речи его.

* * *

Мы уйдем — и земле полегчает.
И она полегчает. И в пух
обратится сей тягостный прах,
что души в нас, бездушных, не чаёт.

* * *

Все начнется, как кончится плен
жизни прежней, двойной и тройной.
И душа моя встанет с колен
ради, может быть, песни одной.

* * *

Мои года — моя нужда.
И никуда не деться
от спущенного без следа
громадного наследства.

* * *

Я грешен, как всякий живущий,
и все же счастливее нет —
я счастлив, как всякий поющий,
в ночи оставляющий след.

* * *

Во глубине родных созвездий
на небе певчего труда —
пускай без имени и вести,
но и моя горит звезда.

* * *

Как жизнь пронзительно проста!
И так мучительно не ясно —
ужели может быть напрасна
ее слепая красота?

София

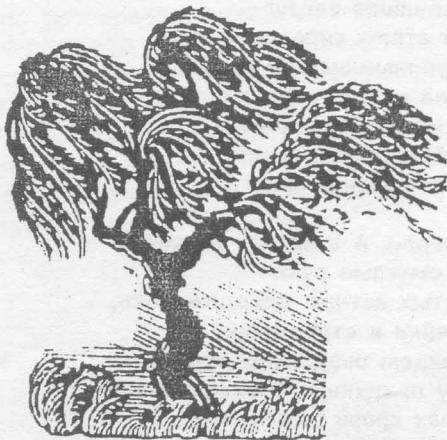
Я знаю: не сгинет Россия —
и нас не развеет, как дым,
покуда сияет София
шеломом своим золотым.

* * *

Теперь надежда — лишь на ветер,
что с губ моих подхватит стих —
и даст ему пожить на свете,
сколь я ни глух и он ни тих.

Постскриптум

Когда в свой час я отойду во тьму,
тепло руки и близкий блеск зрачка
забудутся — дорога далека.
Слова мои останутся — кому?

К юбилею поэта

КСЕНИЯ ФИРСОВА родилась в Москве. В Воронежском университете получила образование биолога. Жила у Черного моря и в горах Тянь-Шаня, в Минске и Краснодаре. Семнадцать лет назад поселилась на Новгородчине, в деревне Борки. Стихи пишет с детства. С поэтическими подборками публиковалась в журналах «Аврора», «Октябрь», в газетах и коллективных сборниках. Первая книга стихов К. Фирсовой увидела свет в 1987 году. Спустя пять лет Ксения была принята в Союз писателей России.

ОТ АВТОРА

Вообще самое большое в моей жизни везение – это совершенно случайное, по замыслу – временное переселение в деревню. Русская деревня – заповедник духовности, хранилище культуры нашей отечественной, не той культуры, которая является всего лишь суммой знаний, наживной, неглубокой, а культуры души, культуры врожденной, органичной, национальной. Всем, что есть во мне, каждым словом стиха и каждым поступком в жизни я обязана более всего деревне. Да и все мы, вся страна наша в таком бесконечном долгу, все еще даже не осознанном до конца, перед среднерусской деревней! И с радостью смотрю я, что мои дети, все пятеро, растут любящими поэзию и землю – два неразрывных, родных между собой существа.

* * *

Мы рвали яблоки в июле.
В крапивой пахнущем саду
гудел густого зноя улей,
и лето плавилось в мед –
текло на лес, пришедший к дому,
на дом, где только сыч живет.
И нам казалось – так медово
мог пахнуть только спелый плод...

Мы рвали яблоки в июле.
Тридцатый от войны июль...
Стволы суставчатые гнули
с наклевами давнишних пуль.
Плодов искали сладких, лучших
четыре жадные руки.
Но были яблоки – колючи.
Но были яблоки – горьки.

Нас прогоняла прочь крапива,
все затопившая вокруг –
суровый страж сиротской нивы.
Но мы упрямылись. И вдруг...
В упор на нас из недр июля, –
кору, исклеванную пульей,
петлей безвольной обвия, –
смотрела мертвая змея...

Мы замерли. А в кронах жалких
четыре смуглые руки
в змеистых ветках продолжались,
как ручейки в струе реки.
Два солнцем окаленных тела,
к стволу приникнув, с ним слились,
и в жилах кровь зазеленела,

и корни потянулись вниз,
в сухую землю прорастая...
Мы в жадном молодом чаду
искали сладости, а стали
навечно яблоней в саду.

* * *

В лесу заречном, полном птичьих тайн,
вчера я разговаривала с деревом –
с немногословным дубом престарелым.
Он живет
на середине травяной поляны.
Он так умен и стар,
что прочие деревья, помоложе,
почтительно и дружно расступились.

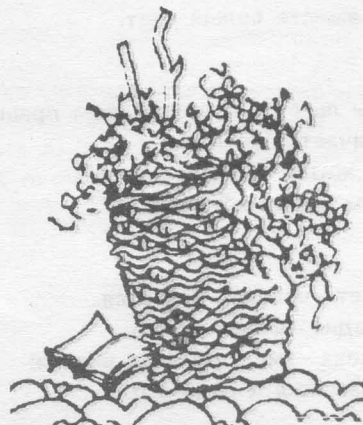
Морщин его приветливо касаясь
рукой, шершавой от забот домашних,
спросила я:

– Скажи, кто вы, деревья, –
непонятые, странные, другие,
но, как и мы, живые существа?
Жизнь коротка,
ее все меньше, меньше...
Как мало я успела в ней понять,
как много полюбить успела!

Качались травы, семена роняя.
Тек муравьиный узкий ручеек.
На теплом камне ящерка спала.

Он мне ответил, молчаливый старец:
– Мы – память.

И. Жилин. В. Космогоров

* * *

Придорожный калиновый куст...
 Ах, какая на белом неожиданная алость!
 Скуповатой зимы заповедная шалость,
 поцелуй осторожный оттаявших уст.

Это вкус запоздалой любви –
 удивленная, горькая, тайная сладость.
 Словно слезы не к месту,
 не ко времени радость,
 капля хмеля в притихшей, смиренной крови.

Куст до ягод почти замело...
 Как сияет живая прозрачная мякоть!
 И губами сорвать,
 и от нежности плакать,
 и не помнить о том, что – зима, что – бело.

* * *

Вылезают кусты вдоль проезжих дорог
 из-под снежных обтаявших гряд,
 и хрустит под ногой леденцовый ледок,
 и сосульки, как свечи, горят.

Из-за призрачных, облачных, зыбких тенет
 золотистой холодной пылью
 распыляется в воздухе ласковый свет
 на дома, на кусты, на лицо,

на дорогу, что медленно к дому ведет,
 где, протяжные ветки клоня,
 тонконогая ива у самых ворот
 шелохнется, завидя меня,

и пушистою веткой приникнет к рукам,
 и замрет, словно ведомо ей,
 что печальная нежность к родным ивнякам
 по весне и острей, и больней.

* * *

Мой поздний гость, прости меня, прости
 за то, что, замирая у предела,
 я самых нужных слов произнести
 не догадалась – или не посмела.

Ты смотришь все стороннее и суше...
 Но все-таки к нам жизнь была добра –
 ведь мы с тобой у одного костра
 порой вечерней наши грели души.

Тебе тепло ли на твоём пути?
 Храни, судьба, от бурь твоё жилище!
 Но я ни уголька из пепелища
 не выкину. Прости меня, прости...

ВДОВА

Твой мир,
 твой дом распался, рухнул вдруг.
 Отплакала. Прерывисто вздохнула –
 и грубоватым взмахом бледных рук
 с себя – как мусор – красоту стряхнула.

Лицо – гранит. Глазниц угрюма тень.
 Проходит день от дня неотличимо,
 как будто ночью притворился день
 под сонною, под сумрачной личиной.

Но отчего
 который год подряд
 у стен твоих на переломе лета
 громадных маков факела горят,
 полны надежды и полны рассвета?

Так в час, когда могильною листвой
 его навек, казалось, заносило,
 любви твоей живое существо
 призванья своего не позабыло.

* * *

Утро. Света и тьмы перекресток.
 Просыпается, жмурится день.
 Просыпается мальчик-подросток,
 в полуспящих глазах – полулень.

Одеяло стянув, разомлело
 подставляет под солнечный взгляд
 золотистое гибкое тело,
 напружиненных ребрышек ряд.

Напрягая желобчато спину,
 гонит кожей прилипнувший сон,
 изгибается, руки закинув,
 начинает движение он.

Взор бездумно, бестрепетно чистый,
 мышцы нежны еще и тонки,
 но уже широка и костиста
 кисть мальчишеской слабой руки.

Неокрепший детеныш... И все же –
 приглядись! – начинается играть
 под совсем еще девичьей кожей
 грубовато-славянская стать,

а под пухом младенческой неги
 есть повадка, быстра и резка.
 Так уже в травянистом побеге
 просыпается норов дубка.

ЮНОСТЬ

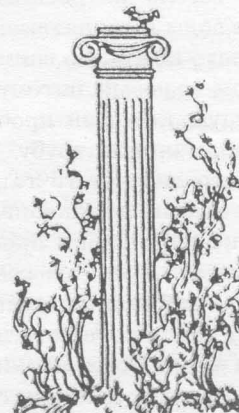
Чуть тяжеловатый подбородок.
 Узкий стан, как рыбка в волнах ситцевых.
 Русая, русалочья порода.
 Ивовая зелень меж ресницами.

Женщина в тебе не просыпалась
 все еще – ни жар ее, ни боль.
 Жизнь, как самая естественная данность,
 высоко принимается тобой.

Кинув пряди в ветреные струи,
 так отмериваешь цокот каблучков,
 словно для тебя стелили мостовую
 все двенадцать взмысленных веков.

Но – пройдет... Утихнет шалый свист
 ветра, вознесенного над кленами.
 На твою на русую, склоненную,
 утешительной ладонью ляжет лист –
 и уловишь ты святую нить
 из глубин – вневременною почтой –
 и земля тебе предстанет почвой,
 призванной рожать и хоронить.

Н. Ивлев. В. Космогоров

Иван ИВАНОВ родился в деревне Частова Новгородского района. Крестьянствовал, морячил, шоферил. Поневоле оказался иностранцем - живет в Эстонии. Но подданства не принял - остался гражданином России. Недавно Новгородской писательской организацией Иван Гаврилович принят в члены Союза писателей России.

ЖУРАВЛИНЫЕ ПЛЯСЫ

НАВЕРНОЕ, ЕЩЕ НИКОГДА так не ждали весны в Новинах, как зимой - с сорок первого на сорок второй. А она, как назло, все тянула время, все не шла к людям, живущим в землянках. Конечно же, в тот год в небесной канцелярии все шло своим заведенным чередом, да только людям-то, на обожженной войной земле Волховского фронта, было невтерпех ждать ее.

- Вставай, Ионка, вставай, - будила бабка Груша внука, спавшего на лежанке из елового лапника, прикрытого мешковиной. - Ишь, разоспался, санапал вологлазый, - добро б на перине.

- Да не сплю я, - отозвался внук простуженным голосом.

Он и на самом деле уже давно таращился на оконце в низком - покато на одну сторону - потолке из неокоренного подтоварника, на котором ползучий могильный грибок развесил свои ядовито-белые кружева. Сквозь простреленный плексиглас (найденный им, Ионкой, на месте, где прошлой осенью упал крестатый «юнкерс», подбитый на глазах у всей деревни бесстрашным краснозвездным пузатеньким «ишаком» (И-16), который бабка Груша перекрестила еще и по-своему «наянистым шершнем») в землянку сеялся мутный свет; поди, догадайся, что за день спослали небеса? В неказистой печурке, слепленной бабкой «в один дух» - она много чего умела делать, «ежель надоть», - весело потрескивал хворост под крутое бульканье воды в солдатской каске, вмазанной в печурку вместо котла. Но вниманием мальчишки завладел какой-то новый, потому еще и нераспознанный буйный шум, который пробивался с улицы через короткую сквозистую трубу.

- Да-а, а что это лопочет-то так?

Сморщенное годами и прокопченное за зиму житьем в землянке лицо бабки просветлело, словно зажглась лампадка перед многовековой темной доской-иконой с ликом великомученицы Агриппины.

- Эшто, внучек, так расхлопотался поне в ростепельную ночь наш ручей. Вставай живо да выходи на свет Божий, где солнышко дожидается к себе бедных

людей греться, - и она, колдуя над каким-то немудрящим варевом в щербатом чутуне, разохалась: - На реке-то, поди, и забереги очистились. А как лед-то кренется, с ним сойдут в землю - развалюхи старые да хворобы малые.

Ионка наперед знает - к чему гнет бабка. Чем ближе к весне, тем чаще она теперь заговаривала с ним о своей кончине: «Умру, дак как жить-то тут станешь, санапал вологлазый?» И вот, не дожидаясь, когда она заведет с ним свою невеселую воркотню, он накинул на худые плечи латаный ватник, не глядя всунул ноги в большие солдатские ботинки и, не шгуруя их, выбрел на «свет Божий».

После мрака подземелья мальчишка, словно замороженный зверек, впервые высунувшийся из своей норы после долгой зимы, жмурится от лавины малинового света. Над синими зубцами дальнего леса Хорева Смолокурня (в кои-то годы в нем промышлял старик-старатель по прозвищу Хорь - жег уголь и гнал деготь), из пепельно-сиреневой утренней хмари выкатывалось лохматое со сна солнышко. Курился легкий парок над волглыми грядами чернеющих огородов, под крутиком, по ту сторону ручья, все еще девственно синел большой сумет снега. В довоенные весны, как помнил Ионка, на нем бабка Груша отбеливала льняное суровье. Бывало, расстилает холсты по поздраватому насту, а сама - знай задабривает весну: «Вот тебе, девушка-красна, мои - повины!» Эти же холсты она потом еще раз выкидывала на повторную отаву, выдерживая их на холодных росах до самых заморозков. И только после этого полотно делалось белее снега, храня хладность луиных почей и тепло Ионкиных пяткок (во время выстилки бабка разрешала ему побегать по полотну босиком).

На самом юру косогора, как и в мирные весны, буйно купалась в золотистой стружке длинных сережек плачущая верба, которую бабка Груша по-свойски называла Старой Верой. А внизу напротив, под широкой лавой, вытесанной еще Ионкиным дедом Гаврилой Кондой, в глубоком жерле ярился в белой пене ручей, деливший деревню на два края. К огородам Бортинского вплотную подступал смешанный лес, от околицы Дольского начинался пойменный луг. Испокон веку оба края жили во вражде из-за сенокосов, хозяевами которых считали себя Дольские, с чем никак не могли согласиться Бортинские, поэтому сенокосные толоки в Новинах нередко начинались с размахивания одоньевыми колымами на лугу. Зато на ярмарках же в чужих деревнях как Бортинские, так и Дольские выступали единой, необоримой дружиной, за что и прозывались в округе - новинскими санапалами...

Мальчишка хотел сойти на концы гряд - попустить «челны» - в бурливую воду покидать щепки, но передумал: потом будет нелегко подняться на пепелище. В голове и без того шумело, будто в ней целый лес стонал на ветру. И нос заложило от земляной сырости - не прохохнута. И вот, потоптавшись под обгоревшей березой, он счел за благо сесть на большой корневой наплыв, выступавший из оттаявшей земли удобным седлом. А стоило ему привалиться спиной к нагретой солнцем корявой комлевой коре, обугленной пожаром, как по ослабевшему его

телу разлилась парным молоком сладостная истома. Мальчишка зазевал, запотевал и тут же сомлел под убаюкивающее лопотанье ручья. И, будто по щучьему велению, перенесло его в довоенную мирную жизнь... Стоит на школьных подмостках из сдвинутых парт и чешет стихи:

Я родился в день дождливый
Под осинкой молодой,
Круглый, гладенький, красивый,
С ножкой толстой и прямой...

А внизу, сидя на скамейках, ему хлопает, не жалея ладоней, вся деревня. Среди распаренных лиц Ионка разглядел и костистое - лошадиное лицо - своего отца. Хочет крикнуть ему: «Папка... Конь Горбоносый, это я!» А тот уже сам догадливо протягивает к нему через головы свои жилистые великаны руки, в которые и прыгает бесстрашно сын со школьных подмостков, как в ворох свежеемолоченной соломы. Кругом хохочут, а довольному мальчишке кажется, что он сидит уже не на отцовских руках, а едет верхом на громовом облаке...

А вот уже и другая перед ним картина: с отцом сидят за столом. Мужики ждут ужина. На отце чистая рубаха, от темно-русых волос пахнет речной ряской. Ионка силится вспомнить: почему он, саналпал вологлазый, прозевал купание? Побарахтаться с отцом в реке под вербами Вера-Любовь-Надежда для него было верхом блаженства. Отец подхватывал его на руки и заходил с ним на глубину «по самую бородку», где сильно кидал на быстрину. Потом он пособачьи плыл к берегу, а отец кричал ему: «Руки-то кидай саженьками!»

Пока бабка гремела заслонкой в челе печи, отец читал газету. А он, сын, болтая под столом ногами, смотрел в окно на улицу - будто за день-деньской не набегался по ней - и, не замечая этого сам, щербил зубами края деревянной ложки.

За распахнутым настежь окном ворчливо погромыживало. Это укатывалась за реку - только что разродившаяся над деревней - брюхатая туча гонобобельного цвета. А ей вослед ворчала бабка:

- Косари только вышли на луг, а бородатый Илья надумал объезжать лошадей на своей колеснице. У него все не так, как у людей: то дождя не допросишься, то зальет не вовремя. Зато, эва, смородина-то в подоконье распричинилась от мокроты - аж голову кружит.

Пройдут годы, десятилетия, за которые не мигнут Ионку Веснина большие сломы судьбы, но в какую бы даль дальною ни забросило его, этот запах - «распричинившейся» черной смородины под отчим окном - так и останется в нем жить неистребимым вечным духом: детства, родины и грохочущей грозы.

Над умытым зеленым заулком во влажном парном воздухе, густо напоенным настоями лугового разнотравья вперемежку с огородной овощью и терпким листом черной смородины в подоконии, толкалась мошкарка живыми столбами. И мальчишка знал от бабки: «Толкунцы ромодят к сеногною». Но вот ему надоело смотреть на толкунцов.

Мальчишка перевел свой удивленно-задумчивый взгляд на соседские березы, где на поникших от дождя ветках макушек отдыхали пресытившиеся за

день ласточки с белыми фартучками на грудках. Беззаботно щебеча своими щекотно-обморочными голосками, они словно бы судачили: какая будет наавтра погода - ведро или ненастье.

- Да не гляди подолгу-то на одно место, - предупреждает бабка. - Этак недолго и чары наморочить на себя.

А внук и вправду любил засматриваться на то, что его зачаровывало, мечтательно залетая в своих мыслях - то птахой, то облаком, то ветром - не ведая куда...

Но вот отец отложил газету и давай двигать плечами - взад и вперед. Как бы давая понять сыну: «Ух, и ухайдакался ж сегодня твой папка!» - «Ясное дело, что ухайдакался», - соглашается сын. Он знает: отец - в жару и стужу - днями машет топором на стройке. А так двигать плечами ему «идравится». Это было приглашение к нему, Ионке, побороться с ним. Сын вскочил на лавку ногами, широко развел руки, чтобы помериться силой с отцом, а того и след простыл. Будто он, его любимый папка - Конь Горбоносый! - и не сидел с ним рядом перед распахнутым настежь окном, за которым обвалюно грохотало лето.

И тут мальчишка увидел, как медленно распахнулась дверь, впуская из темных сеней белые клубы холода, а из них... выпрастывался сумрачный отец в закаржавевшей инеем солдатской ушанке.

«Чей-то дверь-то он не закрыл?» - подумал сын, видя, как следом за отцом в избу ворвалась бесноватая вьюга - и давай кружить вокруг бабки Груши, опутывая ее будто бы белой пряжей. И та тут же стала снежной бабой с чулуном в руках; пенку сделала горой-ледянкой. А из отца, растерянно стоявшего посреди просторной кухни, служившей ему - когда-то - и столярной, вылепила белого горбоносого коня. Ну, точь-в-точь похожего на его, Ионкиного, деревянного Снега, вытесанного еще дедом Гаврилой Кондой на забавы внуку из свилеватого комля осины.

«Все замела, завьюжила белая крутоверть, - сердится мальчишка, а сам думает: - Это пришла война».

Видения мальчишки перебила соседская девочка, его сверстница Танька-Рыжуля.

- Весня (так звали мальчишку в деревне по его фамилии), ты чё во снях-то кричишь? - спросила она, прикладывая к его лбу ладошку. - Захворал?

- Исти хочет, вот и блазнит его, - дала ответ за внука бабка Груша, выходя из землянки. В руках она держала сковороду с горкой иссиня-черных лепешек; их пекли в земляной деревне из сгнивших картофелин-парушек, добытых при перекапывании огородов. - Поешь, дак наваждение-то и пройдет.

Бабка Груша не обошла угощением и соседскую девчущку, которой, видно, как нельзя кстати прилипла лепешка.

- Сон сегодня видела: скворцы прилетели, - затараторила она, шаря глазами небо в надежде - не пролетит ли гдежданная птица? - Только, думаю, что они теперь к нам никогда не прилетят.

- Вечно ты, Рыжуля, что-то придумашь, - буркнул мальчишка, все еще находясь во власти своих видений.

- А как они найдут свою деревню, если все избу

сгорели и березы стоят черные, - не сдавалась Танька.

- Тут не только птишке, дак и человеку-то мудрено догадаться, што тутотки была деревня, - согласилась с девчушкой бабка Груша. - Все может статся - и пролетят мимо нас наши скворцы.

Все закрутили шеями. Выгоревшая дотла деревня сквозисто просматривалась на все четыре стороны. Даже как-то не верилось, что еще прошлой осенью здесь стояли домовитые избы с затейливым кружевом на окнах и крыльцах.

- А если и прилетят к нам скворцы, где жить станут? Даже на березах сгорели все скворешни, - попочалилась Танька.

- Да, скворец - птица с запросом, - согласилась бабка Груша. - Енто тебе не человек, которого злая судьбина загнала в землю, он и кукует там, как слепой крот. А скворцу - непременно подавай дом! - она махнула рукой и побрела к себе в землянку, горестно причитая: - Умру, дак как жить-то станешь, санапал вологлазый?

- Да ну тебя! - недовольно крикнул вдогонку внук. - Заладила: «умру, умру». А я-то с кем тогда останусь?

- Со мной! - встрянула Танька, стаскивая с головы платок, ярко расцвев подошнухом. - Вот кончится война, и женимся. Вмestях-то веселей будет жить. - Невеста показала язык и потрусилась под гору к ручью.

- Вот дура-то Рыжуля! - осердясь, проворчал жених. Он тоже хотел сойти на концы гряд, но его так разморило на солнце, что было не шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Где-то кружил самолет, словно опутывая небо-гудящими перед грозой - невидимыми проводами. Проваливаясь вновь в сон-мороку, мальчишка вдруг услышал голос матери: «Обрадовались солнцу-то, разлетались, окаянные». - «Наш», - хочет успокоить ее сын, но нет голоса (ему, как и всем мальчишкам прифронтовой полосы, хотелось, чтобы в небе летали только наши самолеты). Оказывается, они копают картошку у себя на верхнем огороде, как и в тот день, когда прошлой осенью «мессеры» сожгли их деревню.

И ЭТО СЛУЧИЛОСЬ в обеденное время. Мать, вымыв руки в ручье, пошла в избу помогать санитару кормить раненых (в их прифронтовой деревне расположился полевой медсанбат, поэтому в каждой избе было битком раненых). Мальчишка же, хотя и манила его солдатская мясная гороховица, которую где-то ел и его папка, боец-пулеметчик, остался на огороде. Пока не накормят раненых, ему, сыну первостатейного плотника и запевалы деревни, не след отираться около походной кухни на колесах, которая хоронилась на их заулке под вековыми березами.

И вот, дожидаясь, когда мать позовет обедать, Ионка стал пулять в небо мелкими картофелинами с длинного ивового прута. И так увлекся игрой, что даже не услышал самолетного гуда, пока не увидел, как из-за белых облаков выпали два «мессера»: с душераздирающим воем они валились на деревню, как голодные ястребы на купавшихся в песке бестолковых куриц. На острых рылах летящих чудищ (меченных на крылах черными крестами в ядовито-желтой обводке, как немигающие глаза

гадов) вдруг заплясали огненные жала, и небо, будто чайное блюдце, расколосось вдребезги от дробного гуканья. Полоснул косоногий свинцовый дождь, веером вспарывая драночные крыши изб и надворий, на которых от зажигательных пуль будто бы вспыхнули языки невидимых свеч. И вот уже к небу полетели первые огненные галки.

Мальчишка упал плашмя наземь и, перепуганно вереща, пополз по промежку картофельных гряд, будто крот выискивая себе нору, чтобы забиться в землю и больше никогда не высываться на свет Божий. А оказавшись у вербы Старая Вера, он тут же поднырнул со страху под живой ее сарафан. И там, как ему казалось, в безопасности, он вспомнил про своего Снега. Может, для кого-то это деревянная лошадка на колесиках. Для него же, Ионки Веснина, Снег был всамделишным. Отцовский конь!

И вот, высунувшись из зеленого укрытия, чтобы ринуться спасать своего Снега, мальчишка оторопел: крыша их дома была уже объята пламенем. И еще он успел разглядеть - в рушащемся на его глазах мире - свою мать: чернявую и красивую Дашу. (Это только бабка Груша называла свою невестку, как ему казалось, по-старушечьи - Дарьей). Она спускалась к ручью, поддерживая раненого красноармейца.

- Мама, я здесь! - крикнул сын из ветвей вербы, но из-за урчащего гула огня мать, видно, не расслышала его голоса.

Оставив у воды раненого, она бухнулась в жерло ручья, побарахталась там с головой и, снова взбежав к себе на полыхавшее подворье, бесстрашно метнулась в дымную избу. В тот самый миг, когда над оголившимися, будто обглоданные ребра падали, стропилами с оглушительным хлопком взметнулось, объятное огнем, белое облако. То полыхнула вся разом - снизу доверху - пожухлая от жара листва на березе в подоконье, а мальчишке, обезумевшему от страха, показалось, что это вырвался из полямья его деревянный конь Снег и поскакал по небу в сторону леса, подступавшего к огородам вересковыми зарослями. Ионка выскочил из своего зеленого укрытия плакучей вербы и тоже побежал прочь от полыхавшего пожарищем деревни вослед за конем-облаком. За ним увязался и откуда-то объявившийся их, веснинский, белоголовый пёс Узнай.

Бабки Груши во время пожара не было в деревне. С другой невесткой на сносках Пашей - женой младшего сына Данилы - собирали бруснику на дальней вырубке. И вот, когда она одышисто присеменила на зарево, высоко вздынувшееся над лесом, с мыслью «успеть бы хоть вынести из избы иконы», деревни-то уже не было.

- Как святой дух отлетели на небушко наши Новины, - крестилась она, видя вместо изб догорающие головешки.

(Если же русские деревни деревянные горят споро и начисто, то не в пример им - русские старухи: до чего ж в беде живучие!)

Не успела бабка Груша опаматоваться, как ее тут же огорошила соседка:

- Крепись, кума... Старшая-то твоя невестушка Дарья в огне ить сгинула. Не в третий ли раз вбежала в полымную избу за ранеными, а потолок-то возьми и рухни... Так что крепись, кума, крепись.

Приковыляла из лесу и брюхатая невестка. И час от часа не легче. От всех бед, свалившихся на деревню и их семью, молодухе рожать приспичило до времени.

Роды у невестки свекровь приняла под живым сарафаном Старой Веры; плакучая верба стала теперь их домом. А управившись с повивальными хлопотами, она ужаленно спохватилась: «Внук-то где?» И соседи, сколько ни расспрашивала, не видели, куда подевался ее саналпал вологлазый. Вот тут-то и допекло бабушку Грушу:

- Ох, тошнехонько мне!.. - взвыла она подстреленной волчицей. - Да пошто ж медведь-батьюшка не заломал-то меня в лесу?

И тут же стала корить небо, тыча в него своим землистым перстом:

- А ты-то, Господи, где был? Пошто ж не заступился за своих крещеных? Нету у тебя милосердия к людям, нетути...

Но сколько ни охай, сколько ни проси милосердия у неба, а жить-то надо было. И бабушка Груша, глядя на вечер, собралась на розыски пропавшего внука. Бошла гумна, сарай. Потом, аукая, начала шарить подступавший к задам огорода лес.

А внук нашелся лишь на второе утро. В дальнем гибельном логу, куда он, саналпал вологлазый, с перепугу увязался за конем-облаком. Спасибо белухому Узнаю, который своим лаем на гулкой заре оповестил хозяйку о себе.

Когда же внук увидел свою бабушку, он онемел от страха. Ему казалось, что к нему идет с суковатой палкой сама Баба Яга в разорванном в лохмотья сарафане; ноги ее были разодраны до крови, в остановившихся глазах горел безумный огонь, свалившиеся в космы волосы - разглядел он - были совершенно сивыми. И лишь только по голосу признал в ней свою заступницу.

Приведя внука к себе на пепелище, бабушка Груша, после долгих блужданий по лесу, не улеглась спать. Даже на самую малость не прикорнула под вербой Старая Вера. Съела пару печеных картофелин, потом разыскала на огороде каким-то чудом уцелевший от пожара заступ, пошоркала им по источенному ногами веснинского рода жернову-приступке перед бывшим крыльцом, истоиво перекрестилась и принялась рыть землянку в еще не остывшей золе. И место для нее долго не выбирала - рядом со своей печкой, которая, казалось, вышла из полымя еще некрошмее. Только-то и всего, что дюже закоптела, а так, ну, не единой трещины. Затаскивай в ее черное чело «максима» - и уже не печка-кормилица, а опаленный в бою броневики!

Очулся мальчишка от причитаний бабушки Груши, которая, окрест оглядывая, разговаривала сама с собой:

- Пока снег-то лежал, все не так бросалась в глаза нежить земли.

Для мальчишки же самой удручающей «нежитью» в этом развороченном мире были - горелые березы: они чудились ему каким-то дремучими старухами в черном, которые неслышно брели по обочинам бывшей новинской улицы на погост, чтобы лечь там в тихую сень своих белоствольных сестер. Деревенское кладбище виднелось за рыжим - как этой поры

волчья шкура со свалившейся шерстью - лугом: сейчас, в безлистие, казалось, будто над веселым бутром зависло сплетенное из набухших ветвей сиреневое облако, подпертое высокими меловыми столбами. Там, на родовом последнем прибежище, под новым некрашенным крестом с выжженной жигалом краткой пометой, покоилась и Ионкина мать - красивая и молодая:

«ДАША ВЕСНИНА

1912-1941 гг.»

БАБУШКА ГРУША на этот раз держала в руках доску со следами автомобильных шин. Ее она выважила из дорожной грязи - видно, военные оброшили, когда везли пиловочник к себе на передовую для блиндажей, - намыла в ручье, потом высушила на солнце и спрятала под еловым лежаком.

- На гроб-от себе припасла... Да только с одной-то тесины его не сколотить. А вот птешкам на дом - в самый раз будя! Так что, внучек, берись за дело да смастери скворешню. Никак не можно допустить, шоб наши скворцы пролетели мимо. Иначе у нас совсем одичает земля.

Вскоре над новинскими пепелищами, под нестихающие - ни днем, ни ночью - громы войны, вдруг раздался робкий перестук молотка. Казалось, сама жизнь стучится в невидимые двери, набранные из — тепла и света.

А перед полуднем и вовсе взбудоражило земляную деревню от известия: «Внук столяра Ионьча вывесил скворешню у себя на горелой березе!» И вот уже на веснинское пепелище потянулись новинские жители, изнуренные за долгую зиму - голодом, холодом и похоронками. Можно подумать, у новинских горемык только и забот было, как гадать: прилетят ли нынче к ним скворцы или нет? Обступили молодого мастера и, не замечая неказистости его поделки, давай расхваливать ее на все лады:

- Гля-кошь, какую выстучал хоромину!

- Сразу угадывается, чей копыл!

- Малец смекалкой пошел в деда, а ухваткой-то вышел в отца.

- Да разве можно сделать что-то путное обожженным инструментом? - по-взрослому рассуждал мальчишка, набивая себе цену.

- Не горюй, Ионка, дай только отогнать от ворот вражину, в городах нам снова накуют инструментов и гвоздей новых, - утешила Танькина мать Катерина Грачева и чуть было не проговорила: «И будешь у нас, зятек ты мой ненаглядный, плотничать вместо отца». Вот уже ползими соседка носила у себя в кармане похоронку на Ионкиного отца Григория Веснина. Боялась, как бы от такого известия не преставилась бабушка Груша. Тогда бы и вовсе осиротел мальчишка. А дядина жена, крестная Паша, была для него не в счет: она рыла окопы.

И тут кто-то радостно объявил:

- А вот и хозяин объявился на новые хоромы!

И верно, из летки скворешни выглядывала черная птаха. Но то был - не скворец, а чумазый веснинский воробей, которого бабушка Груша по-свойски называла Вдовцом. Во время сожжения Новин вместе с деревней сгорели и все домовые воробьи. Где бы им, бестолковым, лететь прочь от огня, а они со страху

ринутись в свои гнезда под застрехами и за наличниками... Так стигнула в пожарище и веснинская воробейка со своим выводком. И только уцелел сам воробей. Видно, в это время кормился где-то на дальнем гумне или полевом одоёе.

- Кыш, замараха! - крикнул Ионка, схватив с земли щепку. - Для тебя, что ли, старались?

- Энту птюшку, внучек, грех обижать, - заступилась бабушка Груша. - По мне - краше воробья и птахи нету на свете. Другая б на месте ее давно б улетела искать себе край, где потеплее да посытнее, а она - паравне с человеком - терпит и глад, и стужу, и вдовство свое. А зимой только чутко солнышко проглянет, она и душу повеселит людям своим чиликаньем... А ежели прилетят наши скворки - сами разберутся, кому остаться в доме за хозяина.

Мальчишка виновато опустил щепку. Как же стыдно: на кого поднял руку? Можно сказать, на брата родного... ведь оба родились под одной веснинской крышей. С той лишь разницей, что он, Ионка, в чистой горнице, а воробей - за резными наличниками. В один день и кровя лишились. И вот теперь один живет в землянке, а другой - в остывшей печной трубе, оттого и были одинаково чумазыми. И совсем стало не по себе мальчишке, когда вспомнил, как однажды зимой, в приступе голода, он покусился было на жизнь Вдовца. Хотел изловить его, изжарить на углях в печурке и - съесть. Ничего не скажешь, хорош братец!

А воробей-замараха словно бы догадывался, что повинские судачили о нем. Выпорхнул из летки и давай кружить вокруг березы, столбя свои владения, и на весь мир вещал: «Чур, мой! Чур, мой!»

Радующуюся птаху подбадривала набожная вековуха тетушка Копейка - еще до войны усохшая от непорочной жизни и строгого блюдения постов:

- Пой, птичка! Пой громче, может, от твоей песни омертвевшая-то дресва на березах и воскреснет: на головешках проклюнется листва.

Она растроганно плакала и иссохшей рукой истово осеняла крестным знамением горелые березы.

* * *

К ТОЛПЕ НА ПЕПЕЛИЩЕ подошла небольшого росточка, худенькая молодайка с конопатым лицом. Фуфайка на ней была словно бы изрешечена дробью, сплошь прожжена искрами; за плечами выдававший виды - тощий сидор; по-за спиной, за опояску, по-мужичьи - засунут топор. Это была младшая невестка бабки Груши, Паша Веснина. Молодая Данилиха вернулась с зимних оборонных работ.

В ту первую военную зиму было неслыханно трудно солдаткам-матерям, но для них их дети были и охраной грамотой материнства. После сожжения Новин Паша Веснина, безвременно родив, а затем и похоронив своего недоноска, стала бездетной солдаткой. И сейчас несет свой непосильный крест войны - за себя бездетную и за всех детных матерей страны.

- Мастер, глянь, кто пришел-то к нам! - кто-то толкнул мальчишку в спину. Тот оборотился и несказанно вытаращился.

- Крестная?! - вскричал он и, чтобы скрыть непрошенные слезы, ткнулся лицом в грудь молодайке,

задохнувшись от терпких запахов хвои и дыма. Дрожа осиновым листом на заре, он сдавленно шептал:

- Крестная, ты так долго не приходила... Я думал, что ты теперь никогда и не придешь к нам.

Паша еще крепче прижала к груди голову крестника, стянула с нее шапку и дважды чмокнула в его двухвехровую маковку, шепча:

- Да куда я от вас, горемык, денусь.

А в это время на крышке скворешни воробей-замараха, радостно чирикавая, такие выделявал переплясы-подскоки, что Паша невольно рассмеялась:

- Ну вот и справили в наших Новинах первое новоселье.

Веснинской невестке никто не ответил. Новинские сознавали: ох, еще не скоро придется справить им свои новоселья - переселиться из землянок в сухие, теплые избы. Прежде надо было дожиться до мирных дней, а когда они наступят, никто не ведал... И только из голенастого и звонкого березового колка кукушка желала обездоленным войной людям долгих лет жизни.

- Бабы, сыт ли кто? - послышался чей-то вопрошающий голос (в народе живет поверье: если весной услышишь первую кукушку натошак, то весь год не видать сытости).

- Так сыты, что и поисти запомывали, - горько шутили новинские, расходясь по своим землянкам.

Как только остались не на людях, свекровь, придирчиво оглядев невестку, строго спросила:

- Ты чё такая... худая-то, и лица не узнать? А в стати вроде б поправились?

- Сплоховала я, мама, - и Паша заплакала.

Этот разговор они продолжили уже в землянке. Ионка, умаявшийся за день со скворешней, распластанно лежал на своем еловом лежаке и сквозь сон слышал их голоса, никак не возмыв себе в толк: «О чем это они гундосят?»

- Говорю тебе, мама, нашло какое-то затмение на меня, - кажалась слезно крестная. - Вышло так... вроде б пожалела солдатика. Молоденький такой... фронт уходил - и никого еще не любил. А на слова - то бойкий, грит: «Парасковья Семеновна, война все спишет».

- Чё мелешь-то, Парасковья Семеновна?! - послышался клокочущий смешок бабки. - Эва, как еще можно облапошить дур длиноволосях. Держи рот шире - галка влетит. Блуд есть блуд!

- Знаю, мама, локоток-то вот он и близок... И не будет теперь мне никакого прощенья от моего Даньки. Поэтому и прошу тебя: сходи к Стеше-Порче. Пускай придет ко мне и освободит меня от позора.

- И не подумаю взять на себя грех детоубийцы! - гневалась бабка. И, переведя дух, снова продолжала выговаривать невестке, но уже отходчивее. - Не ты - первая, не ты - последняя. К тому ж, от такой срамы - ни один мужик еще не окошел. Не околеет и твой Данька, лишь бы Господь помиловал его на войне. Чь б бычки ни прыгали, а телятки-то все наши, - и бабка взывала в голос: - Ох, тошнехонько мне!..

Ионке хочется пожалеть, утешить самых близких ему людей на свете: крестную мать и бабуку - крайнюю заступницу их веснинского рода. Но нет никаких сил

разодрать глаза, будто их кто-то залепил кашей. А тут еще и ручей, зараза, своим веселым лопотаньем, доносившимся через сквозистую трубу печурки, все уговаривал его побежать с ним - в довоенную мирную жизнь.

И вот он, саналпал вологлазый, снова в своей бывшей избе: сидит за столом. Да так кстати - на блины попал! А он-то думает, что это так вкусно пахнет праздником? Ясное дело, в это утро и печь топили дровами из особой поленницы, высохшей до колокольного звона. По случаю блинов на бабке - чистый передник, голова повязана - по-девичьи по-верх ушей - легким платком; и у шестка хлопчет не по годам увертливо. Ионке не раз приходилось слышать от нее присказку молодухам: «Блины печти все едино, што и цепом молотить, только надоть быть еще поспоривистее!»

Внук то ли слышит, то ли догадывается, о чем говорит ему бабка: «Ты пошто за столом-то сидишь, как на Ивана-постного? Хватит тебе исти простые-то блины - поне ить масленица! Вона, наваливайся на красные блины. Да не забывай блином-то макать в скором! Кто таких блинов не едал, тот и скусного дива не ведал».

Ионка знает: красные блины заведены наполовину из гречишней муки. А для него они были не просто «скусным дивом», но еще и «волшебным зеркалом». Если через него посмотреть в окно на свет, чего только не увидишь в нем. Вот и сейчас, прежде чем свернуть красный блин в трубку, чтобы по подсказке бабки поглубже макнуть им в скором - горячее душистое масло, он по обыкновению поднес его к глазам. Глянул сквозь его золотистое кружево в окно на морозное солнце, а там - по ту сторону «волшебного зеркала» - всю гуляет свадьба его крестных.

- Ловко у них получилось - сперва покумилась, а теперь вот и поженились! - шумело захмелевшее застолье.

- Горько!

Крестник догадывается: молодые - кудрявый дядька Данька в черном и его невеста Паша с веселыми веснушками на лице, похожем на крапчатое яичко малиновки, вся в белом - сейчас будут целоваться на глазах у всей деревни. И он от стыда за своих крестных отвел взгляд от волшебного блина-зеркала.

Когда же мальчишка снова нетерпеливо глянул в кружевное видение красного блина, а в нем... вместо свадебного застолья всей ширью распахнулся Заречный луг. Зелеными волнами ходят высокие тучные травы, но они нынче не радуют косарей. И он знает: не на сенокосную толоку срядились новинские мужики и парни с заплетными сидорами на рушниках. На войну уходят новинские косари. Среди разбившихся на родню людей мельтешил седовласый военкомовец с двумя кубарями в петлицах, по-бабьи размахивая руками.

«Внимание, товарищи! Выходи, стройся!» - кричал он охрипшим голосом, но его из-за бабьего пригитания никто не слышал.

«Оглохли, что ли, новинские мужики и парни?» - недоумевает Ионка. И, как бы в ответ на свое недовольство, он вдруг услышал могучий голос отца:

Трансвааль, Трансвааль - страна

Моя, ты вся горишь в огне...

На голос запевалы деревни, отозвавшегося на увещание военкомовца, новинские мужики и парни, вырываясь из объятий матерей, жен и сестер, стали сбегаться кучно; как пчелы на жужжание своей матки начинают сбиваться в слетающий рой. И вот уже высыпавшаяся на Заречный луг деревни строго разделилась на два роя: на неистово поющих мужиков с заплетными сидорами на рушниках и на в беспамятстве плачущих баб.

Но вот мужичий рой, видно, почувствовав, что набрал силу в песне, лохмато шевельнулся и покати́лся по лугу, приминая высокую тучную траву. Так песня о каких-то далеких бурах и увела из Новин-деревни русской, деревянной - подчистую всех косарей на войну...

- ГДЕ ЖЕ ТВОЯ МИЛОСТЬ-ТО, Осподи?.. Сам знаешь, какой кудрявился в Новинах весенний зеленый куст. А што осталось от него по твоему недогляду - усохшая рогатина, поломанная лещина да подростыш-дубок, - проснулся Ионка от горестного бабкиного голоса. - Только худо-то не думай о своей грешнице - не ропщу я. Лишь об одном прошу Тебя, Заступник ты наш Всемилолюбивый: спосли удачу моей невестушке-блуднице в греховном ее замысле. Видно, у кажной бабы - своя ипостась написана на роду... Да возьми себе во внимание. Просит-то Тебя заступиться за простофилю длинноволосую не мать единокровная, а свекровь-злыдня.

Бабка Груша стояла на коленях на своем лежаче из елового лапника и, как истая язычница, отбивала поклоны огню в углу землянки, где - по ее разумению должна быть икона - горел тонкосенский светец, смастеренный им, Ионкой, из гильзы от крупнокалиберного пулемета. И мальчишка знал - за неимением керосина - светец горел в землянке в двух случаях: или похоронка пришла на кого-то в деревню, или день какого-то святого угодника, про которых все еще помнила бабка, несмотря на все невзгоды войны. И он решил про себя: пусть лучше будет чей-то день рождения без пирогов, чем похоронка на чьего-то папку с известием «погиб смертью храбрых».

- Ба-а, а какой сегодня праздник? - спросил он тоскливо.

- Мужик бабу дразнит - вот и весь твой праздник, - ворчливо отмахнулась бабка и стала торопко крестить себе рот. - Осподи, прости свою грешницу - не Тебе было сказано... - и она принялась отчитывать внука. - И надоть тебе, саналалу вологлазому, было встрянуть под руку. Да ушами-то не прядай - не для тебя речи.

А у печурки ворожила над горячим отваром из пахучих трав и корней сглазливала баба Стеша-Порча с сигаркой во рту.

«Чей-то тут хозяйничает крючконосая курыка?» - недоумевает мальчишка. Ему охота крикнуть: «Гони-те её!» Но, ощутив ноющую резь в животе, он стал казнить себя за то, что во сне не догадался съесть свой волшебный красный блин. «Да и простых-то блинов можно б было полопать от пуза... все не так хотелось бы исти».

И вот, чтобы выразить свое недовольство гостей, он заскулил:

- Ба-а, блинов хочу.

- Каких-таких еще блинов? - осердилась бабка Груша.

- Красных... и со скоромом!

- А березовой каши, случаем, не хочешь исти? - и тут же бабка сказала отходчиво: - Вставай, кормилец ты наш разьединственный. Да поживей собирайся в поле за пестышами.

- Крестник, я тебе уже и торбу приготовила, - угодливо вставила Паша, наливая в кружку вместо чая взвар из еловой хвои. - Попей на дорогу, чтобы зубы от цынги не шатались.

- Да непременно дойди до Воротков. Страсть, аж срамотно смотреть, какие там вылезают из земли - крупистые да залупастые пестыши, - хохотнула Стеша-Порча своим прокуренным хрипом.

- Так и прут они там из земли цельными хлебами! - сердито подтрунила бабка Груша и разохалась. - Кто хлебов из пестышей не едал, тот и беды не знавал.

Ионка же препираться с новинской ворожеей не стал. Радуюсь примирению бабки с его крестной после их ночной перебранки, он решил скрасить этот день своим послушанием.

- Ладно уж, можно сходить за пестышами и на Воротки.

И вот, наставленный советами и с большой торбой на плече, мальчишка выкатился из землянки, где его поджидало в попутчики красное солнышко, спеленутое голубой поволокой неба и убаюканное жавороньей зыбью: «тюр-ли, тюр-ли!»

Указанное Стешей-Порчей поле у Воротков и на самом деле оказалось урожайным. Прямо-таки мостом стояли вылупившиеся из талой земли золотистокрупистые пупыши (зародыши полевых хвощей, которые в великие лихолетия на Руси не раз спасали детей от голодной смерти).

Торбу свою мальчишка наполнил споро и скоро. А управившись с делами, он забрел в Татьянин колок - гулкий и светлый, где «от пуза» напился березового сока. А затем себе на забаву вырезал из ивняка коряную сопелку. Потом на поляне у болота набрел на журавлиные плясы, где долго елозил на брюхе по сырой земле среди кустовья, скрадываясь ближе к сну наяву.

Домой он собрался уже где-то пополудни. Идет по подсохшей полевой дороге, а сам знай заливиисто свиристит на своей ивовой сопелке, подлаживаясь то под жавороньи трели «тер-лю, тер-лю», то под «ку-ку» лесной вещуны, загадывая себе вечность. А та и рада стараться потрафить круглой сироте - куковала не умолкая.

И вот свиристит мальчишка среди пустынного поля, а у самого перед глазами - журавлиные плясы. Минутами ему начинало казаться, что он и сам уже - длинноногий журавль. Он вскидывал вразлет руки и в замедленном кружении начинал подпрыгивать то на одну, то на другую ногу. А его попутчик, разыгравшееся красное солнышко, знай беспрестанно целовало его в непокрытую маковку, ласково делая ему знаки: «Нет, с таким веселым добытчиком не пропадет в жизни».

Ионка так увлекся своей игрой, что даже не заметил, как подошел к своему пепелищу. Увидев бабку Грушу, полоскавшую тряпье в ручье, он

радостно окликнул ее, показывая набитую битком пестышами торбу:

- Ба-а, вона!

Та только махнула рукой, словно бы ее добытчик лучше и не ходил на свой горький промысел. Да еще и разворчалась:

- Пошто без шапки-то идешь? Живо надень, санапал вологлазый!

«Чей-то она?! - удивился внук, цапаясь рукой за непокрытую голову, а шапки-то и вправду нету. И тут же сообразил. - Видно, потерял где-то на журавлиных плясах».

Плясы плясами, но и шапка для него была не пустяк. После сожжения деревни он до ползимы проходил, как девчонка, в платке, пока однажды не подарил ему солдатскую ушанку добряк-старшина. И осознай мальчишка свою утрату, наверное, горько опечалился бы, но он слышал знакомый переливчатый посвист, который не спутал бы - ни с чьим. Даже во сне!

Ионка резко запрокинул голову - аж хрустнула какая-то косточка в его шее - и не обманулся в своей догадке. На его новой скворешне сидели две чернорябые с зеленоватым отливом, жданные им птицы. Правда, только после долгой и муторной зимы они погляделись ему какими-то большими. Но это были все же и ни грачи, и ни галки. Вчера, ложась спать, он даже загадал на них: «Если прилетят в Новинск скворцы, наши - победят! И папка, и дядька-крестный, и все новинские мужики и парни, и все новинские лошади, взятые на войну, возвратятся домой».

И ВОТ ТЕПЕРЬ, веря и не веря своим глазам, он видел на своей скворешне их, веснинскую пару, отдыхавшую с дальней дороги. По-домашнему расслабив крылья, Он и Она, отрадно распевая, рассказывали ему - самой близкой родне, где были и что видели в далекой дали от родной стороны, опаленной пожаром войны. От нахлынувшего ликования у мальчишки чуть было не выпорхнуло из его заморенной груди обрадованное сердчишко. Забыв про все худое на свете - про войну, похороны, голод, утерянную в лесу ушанку, он сбросил с плеча опытылевшую торбу со срамными «хлебами» погорельцев - будь они неладны! - и, размахивая коревой сопелкой, кинулся в землянку, звонко оповещая, как предвестник небес:

- Крестная, скворцы прилетели! Урра! Теперь наши обязательно победят!

Едва не сорвав с петель щелястую дверь, Ионка шумно влетел к себе в подземелье. Хотя с яркого солнца и ударило ему в глаза тьмой, но он сразу разглядел свою крестную с заострившимся носом на мертвенно-белом лице. Она вытянуто лежала на бабкиных «полотях» в белой солдатской рубаше. В изголовье, в стену между жердин, были воткнуты ветки вербы. И еще бросилось ему в глаза: «С чего бы это в переднем углу днем горит патронный светец, если с утра не было никакого праздника?»

И он каким-то неведомым ему чувством уловил то, что в его отсутствие с его любимой теткой-крестной произошло что-то непоправимое. «Ведь крючконосая курыка Стеша-Порча неспроста тут утром хозяй-

начала...» И вот, цепenea от охватившей жути, он стал пятиться к открытой двери. И тут он услышал шепот:

- Крестничек, сядь ко мне.

Мальчишка обрадованно плюхнулся на край лежака и преданно ткнулся лицом в холодеющую шею тетки, давась подступившими к горлу слезами:

- Крестная, я подумал... Что ты, крестная...

Паша безучастно молчала. На ее бескровном лице была какая-то нездешность. Но вот, медленно приподняв руку, она запустила ослабевшие пальцы в раскосмаченные волосы мужниного племянника.

- Какие ж, право, у вашей породы мягкие волосы, - еле слышно шептала она. - И, диво, все вы Веснины с двухвихровыми маковками. Счастливые вы!

На ее спекшихся и искусанных губах скользнула безвинная улыбка.

- А солщем-то как пропах!.. А то, что скворцы прилетели, - хорошая примета, - и, помолчав немного, тяжело вздохнула. - Только я-то теперь, видно, не жилища на этом свете. Думала: вот и разбежались с крестником наши пути-дорожки. Что в поле-то так долго пропадал?

Мальчишка, чтобы отвлечь от мрачных мыслей свою любимую крестную, стал торопливо пересказывать ей про увиденное в лесу.

- Оттого и долго вышло, что у Большого болота набрел на журавлиные плясы. Аж очумел от дива! Через эти плясы даже и зимнюю шапку где-то ухайдакал. А потом и вовсе чуть было не заплутал: не знал - в какую сторону идти домой.

- Крестник, ты забудь про это - лесное колдовство, - обеспокоилась Паша.

- Не-е, крестная... Я и завтра пойду к болоту - искать журавлей.

- Вот видишь, видишь! - заволновалась Паша. - Твоя бабушка Груша как-то поведала побывальщину из молодости своей бабки Аксиини. Невеста одного парня пошла на болото по ягоду-веснянку, да так и не вернулась домой. Несколько дней искали ее в лесу всей деревней. Да так и порешили: девка не иначе, как канула где-то в гибельной мочажине... А осенью бабы снова пришли на болото за новой журавлиной, глядят и глазам своим не верят. Сгинувшая-то девка вся как есть голышом и с волосьями до пят - хороводы водит с журавлями. Оказывается, весной ее спятели с ума, как ты сейчас гришь, «журавлиные плясы». Поэтому-то охотник Захар-покойник не зря говаривал людям: «В вешнем лесу - во время тайнобрани божьих тварей - человеку нечего делать». А журавли, они - такие! Они всегда заманивают к себе людей... Вот и я сейчас улетила б с ними, куда глаза глядят, только дай мне крылья.

- Ага! - восторженно подхватил Ионка. - Крестная, я тоже так подумал, когда смотрел их плясы: «Вот бы мне ихние крылья!.. Перелетел бы бесшумно передовую, высмотрел, где вражий штаб, и давай из-под крыла бахать гранатами!»

- Ой, ой... Ионушка, что ты говоришь-то? - задыхнулась от немочи Паша. Но вот, черпанув в себе откуда-то сил, она продолжила шептать. - А теперь запомни, что скажу тебе. Если суждено будет прийти с войны твоему крестному, дядьке Даниле, передай ему: «А крестная-то моя у тебя была - глупой курицей». Он все поймет... Бабка-то твоя не посмотрит, что Данька наш доводится ей сыном, - ссокрытничает. Не даром же ее зовут в деревне - Кондой. А ты - Расскажи без

утайки, все как было. Тебе он поверит - ты его крестник. Может быть, когда-то и простит меня на моей могиле...

Мальчишка, не помня себя, выбежал из землянки и по набитой тропке скатился к ручью, чуть не сбив с ног бабушку Грушу, поднимавшуюся с постирухами на палке к себе на пепелище.

- Куда это еще поярил, саналал вологлазый? - крикнула она вдогон внуку и заторопилась в землянку, причитая. - Все ли ладно-то с моей греховодницей безгрешной?

А саналал вологлазый уже бесстрашно бежал по широкой дедовой лаве над буйно явившимся в белой пене жерлом ручья. Потом, оскальзываясь и царапая до крови руки о ноздреватый синий заструт снега, все еще лежащий в затенке буерака, он покарабкался на крутик верхнего огорода. А одолев его, тут же юркнул в складки - по-весеннему нарядного - живого сарафана плакучей вербы Старая Вера, хранительница его мальчишеских тайн.

И вот, оказавшись в уединении, Ионка упал на колени и стал с усердием бухаться лбом об выпиравший из талой земли корявый корень вербы, искренне веря бабке, что: «Бог-то - все видит, все слышит и все про всех знает». Вот и пускай Он, Бог, - все видит, все слышит и все знает, как Ионка Веснин бухается тут лбом об корень, вымаливая себе просьбу.

Только догадывался ли мальчишка, что просьба-то его - даже для всеильного Бога - была нешуточной. Ведь надо было - почти что из мертвых - воскресить его любимую крестную.

И, о! как сожалел Ионка Веснин, что не знает ни одной молитвы. А ведь, бывало, сколько билась с ним бабушка Груша в мирное время, в Великий пост. И леденцов-то покупала, и сказки-то - да самые страшные - рассказывала ему, чтобы он вызубрил до конца хотя б одну немудрящую молитву. А вот сказки-то саналал вологлазый запомнил.

Но своим мальчишым умом, видно, понимал, что тут сказкой делу не поможешь. Сейчас нужна была молитва... Потому-то он - в который уже раз! - и сглатывал одни и те же слова:

- Богородица-Дева, радуйся... Благодатная Мария, Господь с тобою... - Вот и вся была молитва у новинского мальчишки.

Ну и что из того, что она была у него коротка? Зато она была - чиста и светла! Ее просто нельзя было не услышать...

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ – инженер на одном из новгородских заводов. И поэт. Недавно, с двумя книжками стихов, он стал членом Союза писателей России. Все остальное – в его стихах.

* * *

Полустанки.

Станции.
Огурцы с картошкой.
Рвет наотмашь пальцами
Инвалид гармошку.

Он поет. Стареется.
И под звон монеты
Поезд содрогается,
Хоть войны и нету.

* * *

Ни звезды, ни любви, ни уюта,
Только ночь да мятежная мгла,
Только ветер проносится люто,
Сея зерна безверья и зла.

Серым пеплом покрыта равнина,
В черноту упирается шлях.
Сельской церкви проступит руина,
И заплачет ворона в полях.

И взовьется тоска над раkitой,
И закружит сверкающий дым
Над моею надеждой разбитой,
Над сожженным покоем моим...

* * *

Печальным веют запустеньем
Две церкви у речной воды.
Года бегут, ветшают стены,
Стирая прошлого следы.

Берестяных ли грамот слово
Мне слышится из недр земли?
Я – пленник утреннего зова,
Не вижу, что же там, вдали.

Не облака встают – руины
Славянских древних городов.
Стрелой пронзенный глас равнины
Летит из глубины веков...

Он говорит о чем-то вечном,
О чем-то близком и родном.
И благовест пасхальный в нем
Теплом проснувшимся отмечен.

МУЗА

Пожалела однажды меня,
Приласкав роковой красотой.
И не взвидел я белого дня,
И расстался я с думой простою.

Шар земной поднялся на дыбы
И взлетел на орбиту иную,
И ломались от ветра дубы,
Разодрав оболочку земную.

Был освистан я черной дырой,
Но ее не терял я из виду.
И поверил я жизни другой,
И избрал я другую планиду.

* * *

Из веры той, что теплилась во мне,
Не сотворил я радости земной,
Не высек искру в уходящем дне,
Не исцелил я тех, кто был со мной.

Утешусь ли, что не чинил я зла,
Не рушил церкви, не бранил калек?
С пустынных пепелищ летит зола,
В кровавых язвах шествует мой век.

Вот боль моя, надежда и печаль,
Не отойти мне от насущных дел.
Но все ж вдали горит моя свеча
И кружит ангел средь небесных тел...

* * *

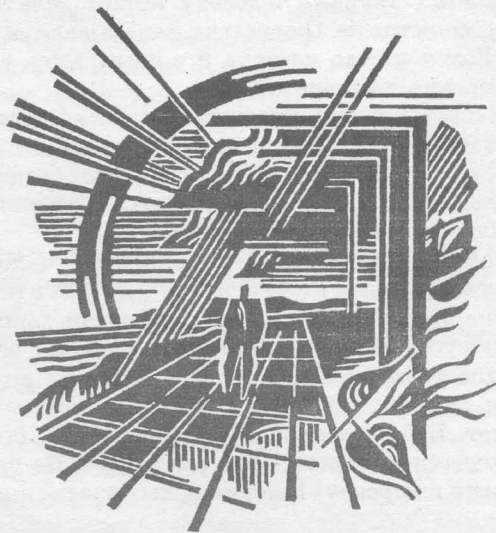
По трещинам, сколам на красной стене
Я понял, что время прошло и по мне.

Безжалостным все ж оказалось оно.
Как жаль, что иного уже не дано.

Но все же о прошлом не буду тужить.
Как мог, так и жил, так и стану я жить.

Кто я? – Отголосок славянских степей,
Что реял в тумане под храпы коней.

А если иное дано мне пройти,
То что ж, постараюсь не сбиться с пути.

ЗВУК

Из бездн времен он слышится в церквах,
Потом опять теряется в веках...

В дробленом камне, в полустертых фресках
Проступит он таинственно и дерзко.

Смятенья полный колокольный звон
Внезапно пробудит во мраке он.

Иль, как монах, склонясь под образами,
Он говорит святыми голосами.

Ему я верю и, смотря в глаза,
Я вижу, как горька его слеза.

Его так долго жгли, секли, кололи,
А он, распятый, все осилил боли.

Храня надежно таинство молитв,
Он видел пустоту душевных битв.

Не раз взывал ко всем заблудшим душам,
Но мало кто в те годы его слушал.

Мы лишь теперь понять его смогли
Под крик вконец растерзанной земли.

Что вам, чужим, до нашей веры?
Она для вас, как звук пустой.
Но ваши рушатся химеры,
Столкнувшись с мыслью столь простой:

Не раз София собирала
У стен свою святую рать
И в грозный час благословляла,
Кто шел за землю умирать.

Им пели ангельские трубы,
Вели сквозь битвы образа.
На окровавленные губы
Текла с молитвою слеза...

Антоновкой пахнут снега
На родине милой моей.
Как мамонты, бродят стога
Среди задремавших полей.

Я вижу тропинку твою,
Промерзший обветренный пруд,
Покрытую снегом скамью
И нежность, забытую тут...

Твой голос слетает с небес:
— Неужто ты помнишь меня,
Мой милый, зачем ты исчез
До самого судного дня?

— Мне больно сегодня за нас,
Я думал, тебе я не мил.
Но разве наш трепет погас,
Который нас вдруг окрылил?

Ты мне, как земля, дорога
И нет тебя в мире милей.
Антоновкой пахнут снега
На родине светлой моей.

Не утоляет жажду дух веков,
Ни плавное движение облаков,
Ни тихое журчание ручья,
Ни от темницы гряда кирпича,
Ни память — мой судья и мой палач,
Ни время, что давно помчалось вскачь.
Лишь освежит пригубленная весть,
Что есть земля и солнце тоже есть.

— Что, смерд, написаны иконы?
Добро, старание в чести.
Мы свято чтим свои законы
И стяги нам свои нести.

Не получается сегодня?
Будь терпеливей. Кисть — не меч,
Она должна ходить свободно,
Чтоб дух парил, как наша речь.

Туманную свежесть дождя
Луч солнца слепит и тревожит,
И, словно случайно, шутя,
Он краски небесные множит.
Он вызван из хаоса, тьмы
Грозою и радугой чистой,
Чтоб знали о радости мы
И день вспоминали лучистый.

На тулупе спим в саду
Под антоновкой корявой.
Дед давно со сном в ладу —
Так храпит, что гнутся травы.

Приустал.

Крестьянский труд
Валит с ног и тех, кто крепок.
Комары от храпа мрут,
Разлетаясь среди веток.

Богатырски дед храпит,
Поднимает лунный полог.
Только сон его недолог, —
Деда будит звон копыт...

К 60-летию поэта

ПАВЕЛ ПЕТРОВ, сельский учитель, живет в деревне Яковищи Мошенского района Новгородской области. Учил детей и писал стихи. Заочно окончил Литинститут, издал полдюжины книг в Москве и Ленинграде, стал членом Союза писателей. Но деревня его – самая красивая, дети его – удачливы и добры, стихи его – прекрасны.

* * *

Свое отплясали и гусли, и дудки,
Но скачет веселая Русь!
Со снегом втолкались в избу самокрутки –
Сердитый хозяин, не трус!

Навыворот шуба
Медвежьей походкой
Протопала,
Лезет за стол,
И прет целоваться
С кудельной бородкой
В грудастой фуфайке козел.

Вон баба-яга почерневшим ухватом
Как будто пугает ворон.
Морока!
Что с этим поделаешь братом –
Ведь это из дали времен!

Живучий народ на Руси –
Скоморохи!
Напялив потешный наряд,
Играют и пляшут под ахи и охи
И правду в лицо говорят!

ПАМЯТЬ

Белый свет не сошелся ли клином
На деревне родительской Клин?
Если живы не хлебом единым,
То единственный выход один:

Упросить неродную деревню:
Отпусти на денек, не обидь –
Как на кладбище ходят смиренно,
На родную деревню сходить.

Нет печали родней и целебней,
Чем печаль возвращенья на час.
Не назвать это место деревней
Никому на земле, кроме нас.

Ах, какая печальная драма:
Видим лес, а мерещится сад!..
Две березки, как папа и мама,
На родном пепелище стоят...

Что я с бедами местными, если
На Руси, где потери не в счет,
Не такие деревни исчезли,
Не такой распылился народ!

Если клин вышибается клином,
Почему же мы в голос один
Горько криком кричим журавлиным:
Ах, зачем мы поехали в Клин!..

* * *

Интеллигенты в первом поколенье:
Учителя, завклубами, врачи –
Нас тяжелит земное притяженье:
Пахали землю деды и отцы.

Пласты земли, похожие на слитки,
Горят огнем в вечерней полумгле.
Из поднебесья, словно груз на нитке,
Все наши думы тянутся к земле.

Не по пути им с журавлями в небе,
Их привязало над седым жнивьем.
Извечна песня о грядущем хлебе,
Хоть не единым хлебом мы живем.

Не объяснить беспечностью и ленью
Того, что ввысь подняться не могли
Интеллигенты в первом поколенье,
С ладоней не отмывшие земли.

* * *

Люблю я старые усадьбы,
Заросший пруд,
Заросший сад.
Их нынче броситься спасать бы,
Но не от кого их спасать.

Дух униженья,
Дух бесправья
Отсюда выветрился весь,
И вольный ветер разнотравья
Гуляет беспечально здесь.

И только вековые липы
В непостижимой высоте
Не утаят тоски великой
По рукотворной красоте.

Отсюда,
Из владений барских,
Как собиратель редких книг,
Пять экземпляров лилий царских
Я утащил на свой цветник.

Без красоты
Не одичать бы,
Ее не устарела суть,
Но только в старые усадьбы
Свою нам душу не вдохнуть.

* * *

Не все на свете продается
И покупается не все!
От бога разве не дается? —
Оно единственно мое!

Законы купли и продажи
Не существуют для души.
Оберегись от силы вражьей!
Убереги свое в тиши!

Талант дается в наказание.
Когда взорвется тихий рай,
Всего себя на растерзание
Народу жадному отдай!

* * *

Золотыми созвездьями вдруг
Одуванчик зацвел на бугре.
Ты не видывал золота, друг:
То не золото — в сентябре.

Мать-и-мачеха отцвела,
Только пчелы и помнят о ней.
Уж такой золотою была:
Пчелья ноша — пчелы тяжелей!

Золотятся акаций кусты,
Рыться в золото лезут шмели.
Даже горькой сурепки цветы
Золотисто на вид зацвели.

Едкий лютик — и тот золотой!..
Нет, пожалуй, не в пору цветенья
Человек именует растения,
Над своей размышляя судьбой.

* * *

Старухи медленно, в наклон,
По полю черному ходили,
Погибший прошлогодний лен
Сжигали, словно хоронили...
В жару меня пробрал мороз:
Так молчаливо и умело
Старухи делали без слез
Свое немислимое дело!..

БЕРЕЗА

Когда я родился, наверно,
Ты, белая, с крепкой корой,
Самим сторожилам деревни
Казалась уже вековой.
Нестарые избы старели,
Но крепла людская молва,
Что ты нас хранишь от метелей,
От бурь, что над миром свистели,
И вечно ты будешь жива.
И если незрячий и грубый
К тебе подойдет с топором,
Придем и до первых зарубин
Тяжелый топор отберем.
И будем судить святотатца,
Душою его сторонясь.
И будет навеки считаться,
Что он замахнулся на нас.

СТАРУХИ

Целуют в губы маленьких ягнят
Суровые, высокие старухи.
В деревне их боятся, как огня.
Они все время кажутся не в духе.
У них сыны убиты и мужья.
С тех пор старухи заперли ворота,
И не выносят запаха ружья,
Не могут слышать гула самолета.
Они с травой и лесом говорят,
И как своих кровиночек-детишек
Целуют в губы маленьких ягнят,
И всех соседских нянчат ребятишек.

* * *

Вот в сирени щелкнул соловей,
А сирень — у самого окна.
От лесов вечерних, от полей
Заложила уши тишина.

Соловьи в березовом леске,
Соловьи в черемушных кустах —
Словно жизнь висит на волоске
С соловьиной песней на устах!..

На земле весенней соловьи
Скрытно, невидимками звучат,
О добре, о счастье, о любви
Всхлипывают, щелкают, свистят.

Соловью подобно — не запеть,
Человек таких не знает слов.
И душа готова полететь
Средь берез, полей и соловьев.

* * *

Когда народ унижен, не уважен
(Униженный душою не здоров),
Когда вода артезианских скважин
Для скотных предназначена дворов —
Ужасен вид водонапорных башен
Как наглых и напористых воров!

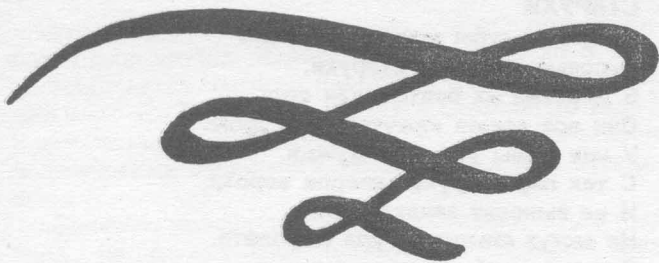
* * *

Рябин не радует горенье,
Все тополя — под цвет осин.
Уеду к матери в деревню,
Вернусь домой, как блудный сын.

Тоска изводит с тайной силой,
Как подколотая змея.
Благополучная, немилый
Мне стала нынче жизнь моя.

Не поднимая головы,
Живу, как будто землю предал...
Когда бы знал, когда бы ведал
Про власть деревьев и травы!

Подумать страшно мне о том,
Что вдруг, пока душа немеет,
Мой деревенский крепкий дом
Непоправимо опустеет.

БОГ ВЕСЕЛЫЙ, БОГ КОВАРНЫЙ

ВЧЕРА ЗАПРЕЩЕННЫЙ как носитель чуждой идеологии, а сегодня популярный (не менее, чем в 50-е годы творец «Кавалера золотой звезды» Семен Бабаевский) специалист по черной и белой магии Папюс считает, что алкоголь как возбуждающее - одно из самых драгоценных и опасных средств.

А посему он советует: чтобы на короткое время увеличить производительность ума, нужно до начала умственных занятий выпить рюмку водки. Так как влияние алкоголя кратко и действует он более на чувственность, то перед тем, как совершить решительное действие, Папюс предлагает выпить рюмку ликера, потому что сахар, в нем содержащийся, действует на волю.

Повторять прием стимулятора в разгар рабочего дня мудрый француз не рекомендует: «при вторичном приеме приходится увеличивать дозу, что приводит к опьянению и скотскому состоянию».

Так как автор нижеследующего - честно признаюсь - полностью компилятивного эссе в сфере культуры питания полный дилетант, как, впрочем, и большинство его современников-соотечественников, позволю себе в сокращенном изложении продолжить прелестную цитату, благо велемудрый Папюс в момент получения мной гонорара уже не сможет воскликнуть: "Мать! с тебя бутылка!"

Итак, когда нужно вызвать кратковременное, но большое напряжение ума: исполнить план, развить ранее пришедшую мысль - словом, от прожектов перейти к действию, - надлежит утром выпить рюмку водки, что в соединении с тяжелой жирной пищей, заправленной кислой капустой (этот момент прошу запомнить), произведет желаемое действие.

Напротив, когда требуется изобретение, а не осуществление дела, то следует предпочесть ликер в сочетании с небольшим количеством легкой пищи.

На этом расстанусь с любезным моему сердцу фоллиантом, дабы экспериментальным путем убедиться в действительности рецептов, для чего отправ-

люсь в магазины акционерных обществ «Алкон» и «Новгородский мясной двор», гарантирующих высокое качество составляющих.

Все написанное ниже прошу считать самой оголтелой рекламой, за которую господа Бобрышев и Некрасов могут рассчитывать или обильным фуршетом для редакции журнала «Чело», или подписанием всех членов своих коллективов на сие отважное издание, которое публикует материалы не только для тех, кто в абсолютной трезвости обитает в башне из слоновой кости, но и для тех, кто не прочь в меру выпить и с толком закусить.

Успеху любого эксперимента способствует серьезная теоретическая подготовка, поэтому, прежде чем принять рекомендованную утреннюю рюмку, попробую разобраться, чем отличаются друг от друга напитки, объединенные прилагательным «спиртные», которое, кстати, является однокоренным и с душой, и с колдовством.

И не надо, умоляю, не надо, ухмыляясь, говорить, что водка бывает двух видов: хорошая и очень хорошая. Есть документальные свидетельства тому, что российские помещики гордились наличием в своих подвалах собственных сортов водок от «А» до «Я».

«АЛКОН» - предприятие, оснащенное технологией мирового уровня, может на сей день похвастаться, по-моему подсчету, только одиннадцатью сортами. Что, впрочем, неудивительно. Одной рукой строча лозунги о трезвости, а другой - внедряя «попрыгуси» и «табуретовки», славное наше государство основательно подорвало не только культуру питания, но и творчество в одной из древнейших отраслей. А оказывается, водки отличаются друг от друга не только качеством сырья, воды, степенью очистки, но и, представьте себе, ароматом, свойственным только данному сорту.

Ревнителю строгих нравов могут возмутиться по поводу того, что дама интересуется не просто алкоголем, но именно водкой. Но опыт долгой и многопечальной жизни научил меня, что, особенно на официальном приеме, где нужно как можно дольше сохранить ясность мысли и внешнюю привлекательность, даме следует начинать обед рюмкой (или рюмочкой) водки, а не бокалом шампанского или сладкого вина.

Углекислота, содержащаяся в шампанском, способствует тому, что алкоголь быстрее всасывается в кровь, поэтому он так «ударяет» в голову, и, видимо, сахар тоже способствует этому.

И закуска к ним - отнюдь не квашеная капуста, рекомендованная Папюсом, где содержится отрезвляющего действия укроп. Поэтому очень быстро у милой дамы, особенно у натуральной блондинки, краснеет лицо и развязывается язык. К тем же последствиям ведет неведомо откуда взявшаяся

привычка запивать рюмку лимонадом. Впрочем, кому что больше нравится, мое дело предупредить.

Слава Богу, миновали времена, когда самая радушная хозяйка в отчаянии думала, не положить ли на праздничный стол в качестве закуски квартальную норму талонов на колбасу. В любом магазине «Мясного двора» можно купить все, что вполне соответствует традиционному хлебосольному русскому застолью.

Тех, кто хочет знать, что готовили хозяева для дорогих гостей в 19 веке, отсылаю к «Мертвым душам» Гоголя и советую перечитать поэму, особенно отрывки из второго тома с чисто гастрономической точки зрения. И да будет нам примером для подражания меню обеда у помещика Петуха.

К упомянутой выше тяжелой и жирной пище можно отнести все колбасы, буженину и карбонат, свиные и говяжьи балыки, окорок, корейку, грудинку, лучше тонкой магазинной нарезки. Можно приготовить бутерброды. Большие - украсив и дополнив их ломтиками овощей, половинками маслин, легкими узорами из кетчупа или майонеза. Маленькие - типа канане, которые дают совершенно неограниченный простор фантазии и возможность отведывать всего понемногу.

Если холодные мясные закуски подаются на тарелках, то, на мой взгляд, лучше компоновать их как ассорти, чтобы сидящие за столом не напрягали соседей просьбами передать ломтик вопиющей колбаски или кусочек вареного языка с хреном или горчицей.

Кстати, горчица, по-моему наблюдению, как бы вышла из моды. А зря. Она и аппетит возбуждает, и многим блюдам придает особый оттенок, и способствует (пардон) пищеварению.

Несмотря на изобилие импортных бутылочек и тюбиков с этой исконно русской приправой, предлагаю предложить свой собственный, очень простой рецепт для отопительного сезона: горчичный порошок тщательно перетереть со столовой ложкой уксуса, столовой ложкой сахара и чайной ложкой меда. Очень быстро залить крутым кипятком и опять перетереть. Положить в стеклянную банку с крышкой с запасом места для брожения. Завернуть в старый мех или шарф и поставить на ночь на батарею парового отопления. К утру получается настоящий «вырви-глаз». Для экзотики можно приготовить варианты с семенами тмина, укропа или кориандра.

Рыба всех сортов и способов приготовления - идеальный вариант закуски. (Об икре деликатно умалчиваю, сообщу только, что икра на куске «нарезного» батона - извращение, и французы, храня старинные русские традиции, намазывают ее только на черный хлеб.)

Про селедку под «шубой» или в горчичном соусе

знают все, янтарной росой сочащаяся осетрина - не всем по карману. Поделюсь рецептами из раздела «дешево и сердито». Соленая килька, незаслуженно отнесенная к плебейским закускам, - прекрасный исходный материал для пикантных паштетов.

Можно ее пропустить через мясорубку с яблоком, или с вареной морковью, или с полусырой свеклой (другие варианты подскажет ваша фантазия), растереть с небольшим количеством сливочного или растительного масла, и аплодисменты обеспечены.

Неизменным успехом у моих гостей пользуются «рыбные палочки», которые вкусны и в горячем, и в холодном виде. Это тонкие полоски любого рыбного филе, обмакнутые в блинное тесто и зажаренные в кипящем растительном масле. Секрет в том, что я добавляю в тесто красный молотый перец, зерна укропа, тмина и кориандра и порошок из ароматных трав.

Вкусно и без особых хлопот можно приготовить любую речную рыбу: внутренности удалить, полость заполнить ароматными травами и пряностями по вкусу. Не чистя чешуи, обвалить тушки в соли, положить на противень в духовку. Рыба готова, когда глаза у нее побелеют.

И в заключение рыбного раздела - вятский рецепт, который удивит и порадует ваших гостей. У нас, на Вятке, к ухе подают не хлеб, а оладьи с луком. Репчатый лук мелко порезать. Тесто разлить на сковороду и густо посыпать луком. Когда низ оладушек подрумянится, перевернуть их и жарить до готовности теста.

В качестве соуса предлагаются яйца в жидкую сметку, перемешанные в горячем виде с небольшим количеством сливочного масла. В этот соус оладьи макают.

Булгаковский кот Бегемот, несомненно, имел русских предков: он закусывал водку грибами, хотя и маринованными. А известно, что маринование грибов - мода иностранная, исконно русская закуска - грибочки соленые, причем ведь солить-то можно все: от вездесущей лозанки до аристократа-белого.

Белый гриб, конечно, в грибном царстве - особа голубых кровей, но отнюдь не царь. И не пытайтесь со мной спорить. Царь - это рыжик. Потому-то при его засолке ни в коем случае нельзя добавлять никаких специй. Только соль. Крупную, каменную, серую.

И солить их нужно в темной бутылке, и, конечно, только те, что свободно пролезают в ее горлышко. К столу их выносят в той же бутылке и на глазах у изумленного застолья вытряхивают из нее в глубокую деревянную миску. Ах, с каким сладким поцелуйным звуком выскакивают они на свет божий!

Из соленых грибов в сочетании с отваренными сухими можно сделать икру. Из обжаренных с луком соленых грибов можно сделать пельмени. А можно смешать этот исходный материал с картофельным пюре и сделать маленькие - на один укус - котлетки.

Коронный салат у каждой хозяйки, конечно, свой. Попробуйте и тот, которому меня научила знакомая кореянка. И, несмотря на свое нерусское происхождение, с русской водкой он сочетается великолепно.

Редьку натереть на крупной терке. На мелкой - одну морковку, одно яблоко. Мелко-мелко порезать 3-4 зубчика чеснока и один стручок острого перца, вместе с зернышками. Продукт посолить, хорошо перемешать, положить в банку и залить кипящим растительным маслом. Закрывать плотной крышкой, энергично потрясти содержимое, поставить банку вверх дном. Через полчаса блюдо готово.

Прежде чем начать готовить закуски, не забудьте поставить бутылки с водкой в холодильник. Перед подачей на стол перелейте водку в графин, пусть в простенький, стеклянный, но графин. Маленькая хитрость: ополосните его горячей водой, и от холодной водки он густо запотеет. Так как в русской традиции наливать до краев, а пить до дна, выберите под водку самые маленькие рюмки, лучше стопки с толстым дном, - и веселье будет легким и долгим.

Тот же набор закусок годится и для крепких настоек, выпускаемых новгородским «Алконом» (другие заводы, естественно, тоже настойки выпускают, но было бы непатриотичным вести разговор о продукции конкурирующих с новгородскими фирм). Ценность их не только в оригинальном вкусе и аромате, но и в том, что они сделаны на натуральном растительном сырье и имеют как веселящие, так целебные и даже магические свойства, как и все плоды земные, в них заложенные.

МНЕ КАЖЕТСЯ, что в этом аспекте «Новгородскую юбилейную», «Садко», «Псковитянку», «Чародейку», «Бальзам древнерусский» еще никто не рассматривал. А посему - за мной, читатель.

Начнем с березовых почек, потому что именно с них и начинается на «Алcone» заготовка растительного сырья. Отвар или спиртовой настой

березовых почек лечит любую простуду, болезни легких, выводит шлаки (коим процессом озабочены сейчас большинство моих знакомых).

По алфавитному признаку дальше поставим бруснику. Она излечивает подагру и болезни почек. Для настоек используются и плоды, и листья.

Лечебные свойства боярышника известны были еще древним грекам. А они, несмотря на то, что были подлинными отцами всех будущих демократий и не губили природу, а обожествляли, все же страдали и стенокардией, и неврозами, и бессонницей. А вместо таблеток жевали кислосладкие ягоды боярышника.

Корень валерианы, оказывается, помогает не только от «нервов и сердца», но и от лихорадки.

А носимый в качестве амулета может привлечь к вам любовь понравившегося человека.

Нелюбимый агрономами василек по-латыни называется «кентауреа цианус», что можно перевести как синий, принадлежащий кентавру. Кентавр Хирон, учитель бога врачевания Асклепия, рекомендовал василек как заживляющее раны средство.

В народной медицине не применяют его при воспалении глаз, при

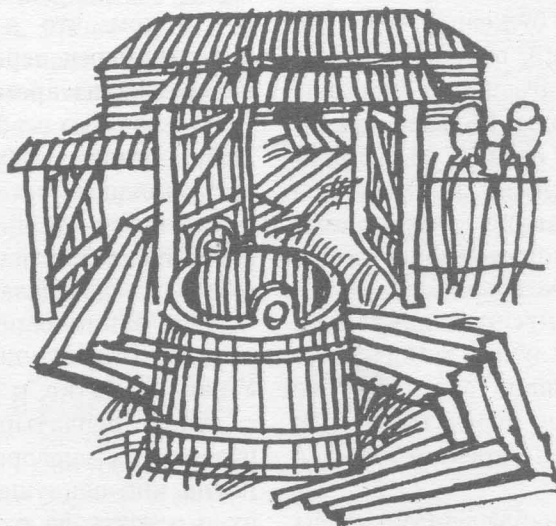
простуде, сердцебиениях и бессоннице, а также для выведения бородавок и лечения хронических кожных болезней. Древние маги васильком изгоняли демонов, а потому я посоветовала бы тем, нынче увлекается оккультными занятиями, вступающую в борьбу со злыми духами, принять рюмочку «Новгородской юбилейной» или «Бальзама древнерусского», в чей состав входят васильки.

Неприметная травка душица содержит в себе эфирное масло, дубильные вещества, аскорбиновую кислоту и производные флавиновой кислоты.

Растертые цветы и листья душицы рекомендуется нюхать при головной боли и насморке. Спектр ее применения: гипертония, истерия, судороги, рахит, нарывы и кожные заболевания.

И рекомендация только для мужчин: если дама упорно отказывается танцевать, подложите ей в сумочку или карман стебелек душицы. Запляшет, как миленькая.

В следующий раз подарите своей пассии цветок девясила - и можете быть уверены во взаимности. Кроме того, он защищает носящего его от злых духов и колдовских чар.

Художник Б. Месарер

Дягиль - растение широкого действия, в составе алкогольного напитка будет лекарством от язвенной болезни и тонизирующим средством. Он использован в сборе для «Бальзама древнерусского».

В этот же бальзам входит настойка женьшеня - царя всех трав. Это реликтовое растение, сохранившееся на земле с третичного периода. Срок его жизни - 50-60 лет. В прошлом веке в Китае цена одного грамма корня равнялась трем граммам золота, потому что ему приписывалось свойство возвращать молодость.

Травой от 99 болезней считают травники зверобой. В магии его используют как оберег от злых духов, колдунов и эпидемий, вплоть до чумы и моровой язвы.

Про клюкву тоже можно много не рассказывать, она полезна всегда и всем, кроме язвенников в период обострения болезни. Про спиртные напитки, содержащие клюквенный сок, медицина на этот случай вроде бы ничего не говорит, но на всякий случай в этот период лучше пить кефир и закусывать творогом.

Липовый цвет настолько популярен в народе, что новгородские липы становятся предметом конкуренции людей и пчел. Следует сказать, что работники «Алкона» собирают цветы липы только в экологически чистых местах. Нынче, например, экспедиция была направлена в Клопский монастырь, на святое намоленное место. Желающие могут проверить, как это повлияло на свойства напитков, содержащих цветы липы. Для этого нужно сравнить действие «Новгородской юбилейной», выпущенной в этом году - и в начале следующего.

Малина, как плоды, так и листья, содержит неповторимый набор биологически активных кислот, витаминов, сахаров, эфирных масел. Кроме всех прочих заслуг, она еще способна предупреждать развитие болезни века - атеросклероза.

Мелисса лимонная, перечная, обыкновенная - она и от кашля, она и от нервов, она и от боли в животе. Аромата этих растений боятся злые духи, он вызывает в собеседниках дружелюбие и нежную привязанность. По легенде, чтобы усмирить разъяренного быка, достаточно привязать ему на шею цветущую лимонную мяту. У кого есть такой бык, тот может проверить.

Можжевельник, оказывается, - ближайший родственник гордого кипариса. Его синие ягоды, химический состав которых еще полностью не изучен, издревле применялись при туберкулезе, нервных расстройствах, ревматизме, водянке, малярии и еще против целого «букета» болезней. Ну, а кроме того, ветка можжевельника изгоняет злых духов и охраняет от порчи.

Употребляющие миндаль пользуются благосклонностью Юпитера. Какая от этого польза - не

знаю, наверное, приятно в разговоре этак небрежно бросить: «Мы тут недавно с Юпитером» или «Отстань, а то Юпитеру пожалуюсь». В «Бальзаме древнерусском» и «Любаве» этот престижный орех присутствует в качестве настоя.

Поневоле согласишься с советами магов и волшебников, узнав, что полынь - чернوبыл - не только символ мировой беды, но и содержит в себе вещество, лечащее лучевую болезнь. Видимо, и Плиний Старший не зря утверждал, что имеющий при себе ветку полыни не знает усталости в пути. Сбирать полынь нужно после полнолуния. Полынь со всеми своими лечебными и магическими качествами содержится в настойке «Псковитянка».

Уже знакомый нам Плиний Старший внес ромашку аптечную в свою знаменитую энциклопедию по естественным наукам. Трудно представить, сколько пользы может принести человеку этот невзрачный вездесущий цветок. В справочнике по лекарственным растениям я насчитала 18 болезней, от которых помогает ромашка.

Дерево рябины живет до 150 лет, и тот, кто ест его ягоды, имеет шанс прожить не меньше, столько в них пользы. Недаром звери и птицы устраивают осенью около рябины настоящие общественные столовые.

Магические свойства имеет и ее древесина: рыбак, взявший с собой рябиновый посох, не погибнет в бурном море, корова, которую погоняют рябиновой веткой, дает больше молока. Крестик из древесины снимает порчу.

Древние римляне вешали пучки сельдерея в изголовье новобрачным. Если знать, что эта трава посвящена Амуру - Купидону, то нетрудно догадаться, зачем они это делали. Все части растения повышают жизненный тонус и умственную работоспособность, а также помогают сбросить лишний вес.

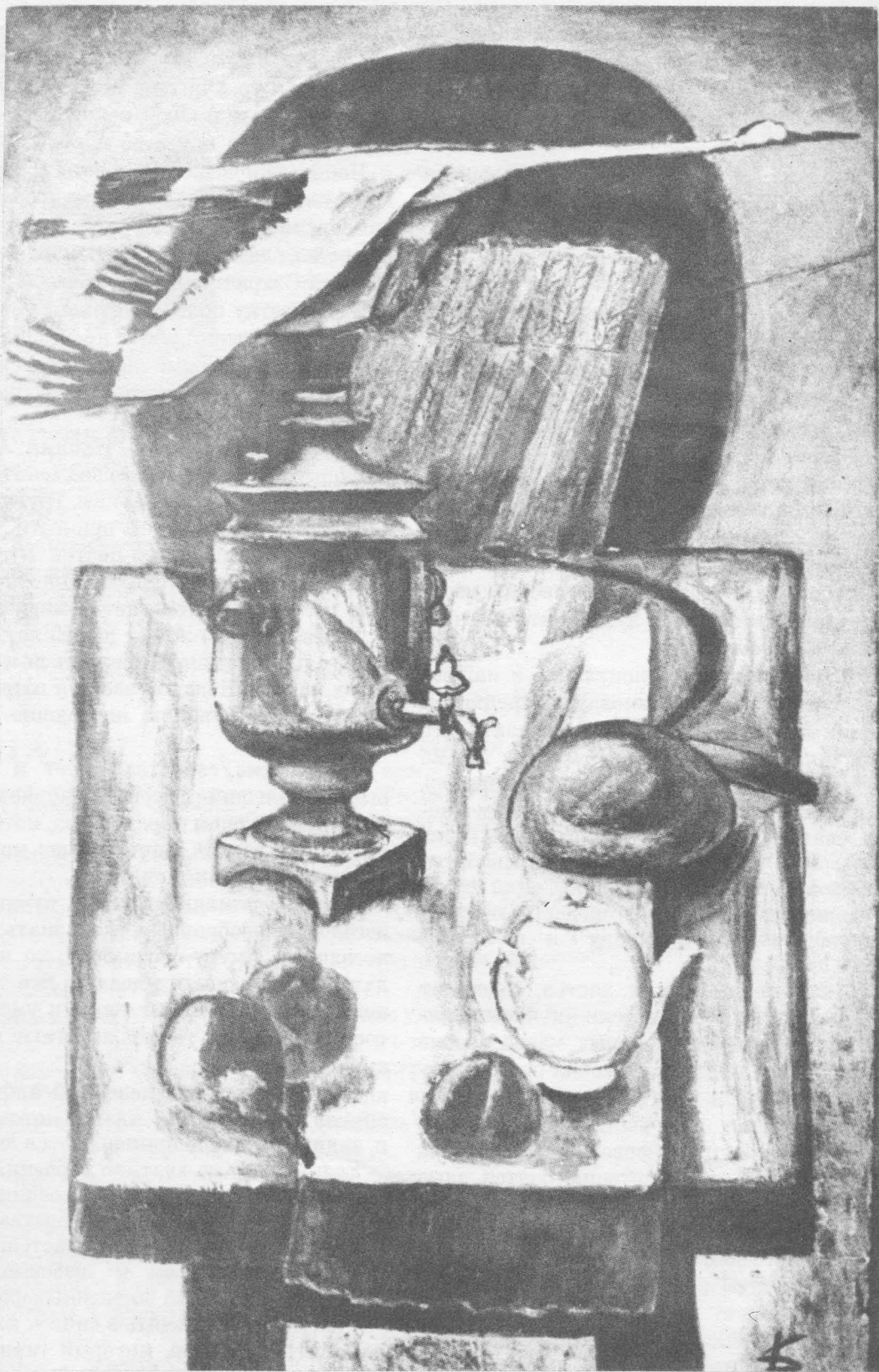
Заканчивает этот целебный алфавит яблоко - символ грехопадения Адама, потому оно широко и, видимо, успешно применяется в любовной магии.

Если у кого-то хватило терпения дочитать эту статью до конца, прошу присоединиться к моему ходатайству в адрес руководства «Алкона»: не заикливаться только на растениях и плодах, ведающих здоровьем и любовью. Финансовый успех - тоже важный жизненный фактор. А посему - почему бы не включить в список клевер, четырех- или пятилопастной, который гарантирует выигрыш в карты, вербену, умножающую богатство, укрепляющую дружбу, охраняющую от болезней и злых духов, и папоротник, дающий власть над кладами и злыми духами.

Вот за осуществление этого проекта я и выпью чего-нибудь целебного, а закушу холодным мясом под соусом из красной смородины, рецептом могу поделиться.

Валерия КЛЕБАНОВА

Д. С. КОНДРАТЬЕВ
«ХЛЕБ» холст, масло, 1985.

Адрес редакции: 173 007, г. Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева улица), д. 6/64, тел.: 7-57-84.

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.

Печать офсетная. Верстка и набор компьютерные. Формат бумаги 60x84 1/8. Объем 9 усл. печ. л.

Заказ 4253. Подписано к печати 15 ноября 1995 г. Отпечатано в АО «Типография «Новгород».

173001, г. Новгород, пр. К. Маркса, 4.